

НА ФЛАНГЕ ЛИНИИ МАННЕРГЕЙМА

Битва за Тайпале

XX военные
тайны
века

К.В. ЯКИМОВИЧ

XX *военные
тайны
века*

К.В. Якимович

**НА ФЛАНГЕ ЛИНИИ
МАННЕРГЕЙМА**

БИТВА ЗА ТАЙПАЛЕ

Москва
«Вече»
2010

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)621
Я45

Якимович, К.В.

Я45 На фланге линии Маннергейма. Битва за Тайпале /
К.В. Якимович. — М. : Вече, 2010. — 320 с. : ил. — (Воен-
ные тайны XX века).

ISBN 978-5-9533-4926-0

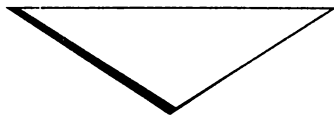
Издание представляет собой подробное и наиболее полное описание истории трехмесячного сражения советско-финской войны 1939—1940 года в районе реки Тайпалесн-йоки (ныне р. Бурная), на самом восточном фланге линии Маннергейма. Книга основывается на многочисленных архивных и документальных источниках и даст широкое представление об условиях военного быта как советских, так и финских войск.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся отечественной военной историей и историей Карельского перешейка.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)621

ISBN 978-5-9533-4926-0

© Якимович К.В., 2010
© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

Предисловие

Войны проходят, и чем больше то или иное событие покрывается темной пеленой годов, тем меньше оно отзывается в людских душах трепетом и сочувствием к его участникам. Человеческая жизнь коротка, человеческая память еще короче. Уходят современники тех или иных исторических событий, унося с собой свидетельства огненных лет. Тех, кто участвовал в горниле мировой войны середины XX века и смог донести до потомков свои чувства, рассказы и свидетельства, — единицы. Тех, кто воевал и ушел в мир иной, ничего не оставив после себя, — сотни тысяч.

С момента выпуска первого издания этой книги прошло шесть лет. В результате неослабевающего интереса к теме боев на Тайпале автор накопил достаточное количество нового, не публиковавшегося ранее материала, который он и представляет на суд уважаемого читателя.

Как и в предыдущем издании, автор еще раз повторяет, что в процессе создания этой книги им никоим образом не ставилась задача занять «профинскую» или «просоветскую» позиции, и если таковые и встречаются в тексте, то носят они абсолютно непреднамеренный характер. Главная цель этой книги — показать неприглядность войны, с одной стороны, а с другой — просто подробно осветить события, о которых на протяжении последних семидесяти лет в советской и российской печати публиковались только отрывочные сведения.

Все, что написано в этой книге о событиях той жестокой зимы в районе реки Тайпалеен-йоки, основано на различных документальных источниках и воспоминаниях участников, поэтому в ней нет ни единого вымышленного имени или придуманного события. Если уважаемый читатель сможет для себя почерпнуть новую

информацию и проникнется уважением к мужеству и героизму солдат обеих противоборствующих сторон, цель этой книги будет достигнута.

В завершение автор выражает свою глубочайшую признательность О. Алексееву, Е. Балашову, А. Воронину, А. Жутяеву, Б. Иринчееву, Я. Кишкурно, Э. и В. Кривошековым, О. Семенову, В. Смирнову, А. Царькову, В. Чекунову, И. Шереметьеву и А. Швареву, за бескорыстную помощь в подборе материалов и ценные советы, оказанные в процессе работы над этой книгой.

Предвоенная история

Большинство туристов и дачников, избравших местом своего летнего отдыха обрывистые берега реки Бурной, протекающей из Суходольского озера в Ладогу, не имеют ни малейшего представления об истории этих мест. Лишь изредка мелькнет удивление, когда на лесной тропинке или на обочине полевой дороги кто-то наткнется на горсть гильз или осколок снаряда, вымытых из неглубокого дерна весенними ручьями, и поневоле задаст себе вопрос: «Здесь, значит, тоже была война?» Но с кем воевала Красная армия в этих местах и чем кончилось сражение, развернувшееся на берегах мирно струящейся по порогам речки, вопроса, скорее всего, уже не возникнет. Лежит себе железо и лежит.

В отличие от соседней Вуоксы или более отдаленной к югу Невы река Тайпалеен-йоки, носившая это название до переименования ее после войны в незамысловатую *«Бурную»*, имеет по историческим меркам небольшой срок существования. Своим рождением она обязана катаклизму, в результате которого 28 мая 1818 года воды озера Суванто-ярви (оз. Суходольское) размыв узкую песчаную гряду, отделяющую его от Ладоги, и бурным потоком устремились на восток. Дело в том, что местные жители, почти каждый год страдающие из-за весенних паводков, давно пытались прокопать канал для спуска избытка воды в Ладожское озеро. Зима 1818 года выдалась особенно снежной, и напор талого снега, переполнившего Суванто-ярви, был столь велик, что потоки воды с легкостью снесли песчаный лоскут суши. Снижение уровня поверхности озера Суванто-ярви, а за ним и Вуоксы привело к тому, что в районе поселка Кивиниеми (нынешнее Лосево) перепад между двумя озерами пересох. В середине прошлого века инженеры попытались сделать этот узкий межозерный перешеек судоходным, для чего попытались его расширить и углубить.

Но то ли в расчетах инженеров не все было учтено, то ли сама природа решительно воспротивилась этому, но после проведения гидротехнических работ Вуокса понизилась еще на несколько метров, а результат их технических усилий может наблюдать любой человек, пересекающий порожистую протоку по Приозерскому шоссе или глядя из окна электрички с железнодорожного моста у станции Лосево: фарватер годен только для байдарочников, использующих порожистый перепад для своих мокрых тренировок.

Как бы то ни было, но крестьяне, жившие по берегам этой водной системы в середине XIX века, вместо того чтобы вырубать и расчищать от камней свои небольшие посевные площади, получили дополнительные уже удобренные илом поля для сельскохозяйственных нужд.

Но вернемся к главному предмету повествования. По имени небольшой рыбацкой деревушки Тайпале на берегу Ладоги, у которой воды новой реки встретились с самым большим озером в Европе, река и была названа Тайпалеен-йоки, река Тайпале.

В последние годы окрестности реки активно застраиваются дачами, оживляя пейзаж востока Карельского перешейка архитектурными изысками коттеджного строительства. Глядя сейчас на современную территорию вокруг реки, трудно представить, что еще десять-пятнадцать лет назад здешняя местность была пустыня, если не сказать заброшена. А если переместиться в довоенное время, на восемьдесят лет назад, то можно было бы наблюдать оживленную крестьянскую жизнь. Населенное со времен бронзового века, ладожское побережье Карельского перешейка и берег озера Суходольского после многих войн и катаклизмов было обжито финнами и карелами, причем, в отличие от своих западных собратьев, на востоке существенное влияние на развитие общества оказала Русская православная церковь. Поэтому здесь строились православные часовни, подворья Коневецкого и Валаамского монастырей, а многие из местных жителей носили русские имена.

Перед войной на левом берегу Тайпалеен-йоки располагались четыре маленьких финских деревни: Кирвесмяки, Коуккуниemi,

Терентилия и собственно Тайпале. В настоящее время лишь поселок Соловьево расположен на месте деревни Тайпале, унаследовав от нее свое географическое местоположение, а остальных деревень уже не существует. До начала войны каждое из упомянутых сел в свою очередь состояло из отдельных групп домов, которые можно было бы назвать хуторами и которые имели собственное название. Давать хутору название по фамилии хозяина хутора вообще свойственно финскому образу поселений. Для сообщения с правым берегом у Тайпале через реку ходил паром, соединявший деревни с волостным центром Метсяпиртти (Запорожское), откуда можно было попасть в Рауту (Сосново), Валкярви (Мичуринское) и другие деревни Карельского перешейка. От поселка Тайпале вдоль берега Ладоги на пароходике можно было добраться до Кексгольма (Приозерска), ближайшего к этим местам городка. В западном направлении по воде озера Суванто можно было добраться до Кивиниеми (Лосево), откуда по построенной в 1917 году железной дороге должен был открываться путь и на юг, в Петербург, и на север, в тот же Кексгольм. Но открытие нового паровозного сообщения совпало с революцией, поэтому дорога на юг уже через год стала упираться в государственную границу между Финляндией и РСФСР. Впрочем, до всех крупных городов Юго-Восточной Финляндии отсюда можно было добраться и по сухопутным дорогам, которые всегда поддерживались местным населением в приличном состоянии.

Узкий участок суши между Суванто-ярви, или озером Сванским, как его именовали в «обложной книге Водской пятины», и Ладогой с глубины веков являлся стратегической точкой на карте. Являясь единственным сухопутным путем, соединяющим северо-восток Карельского перешейка и земли Ингерманландии, он всегда привлекал внимание как русских, так и шведских военачальников. Когда после Ништадтского мирного договора весь Карельский перешеек отошел от Швеции к Российской империи, для обороны дальних подступов к новой столице, Петербургу, было принято решение о строительстве нескольких редутов или так называемых «шанцев», на важных стратегических направле-

ниях, ведущих к городу с севера. Таким образом, неподалеку от будущего устья реки Тайпалеен-йоки (которой тогда еще не существовало), у деревни «Тайболы» был возведен «Улицкий шанец», представляющий собой насыпной земляной вал, в плане имеющий форму четырехлучевой звезды. Волею истории это оборонительное сооружение никогда не участвовало в сражениях, хотя находилось в реестрах Военного министерства России вплоть до начала XIX века. После обретения Финляндией долгожданной независимости шанец утратил свое значение и являлся не более чем местной достопримечательностью. В настоящее время, несмотря на долгие годы своего существования, Улицкий шанец довольно хорошо сохранился в виде окруженного рвом и заросшего хвойным лесом холма.

Всего через несколько лет после того как Финляндия объявила себя независимой и полностью отделилась от метрополии, высшие политические и военные круги в Хельсинки приняли решение о создании на Карельском перешейке первых сооружений полосы обороны. Строительство военных объектов на участке по берегу Тайпалеен-йоки, получившей в финской военной терминологии обозначение «*Tai*», началось наряду с возведением системы укреплений всего Перешейка еще в двадцатых годах, но, в отличие от подобных укрепрайонов в его западной части (как Сумма и Койвисто), не предусматривало возведения каких-либо особых оборонительных строений, способных выдерживать мощные удары артиллерии противника или автономно существовать при долгосрочной осаде.

Дефицит бюджета Финского государства не позволял отпустить достаточных финансовых средств на строительство многочисленных современных укреплений не только в этом районе, но и на более важном Выборгском стратегическом направлении. Кроме того, финские военные инженеры вполне справедливо считали, что на востоке Карельского перешейка сама природа создала выгодную позицию для обороняющихся. Вокруг реки были обширные площади крестьянских полей и лугов, а ее берега почти на всем протяжении были крутыми и обрывистыми. Забегая вперед,

надо отметить, что небольшая насыщенность долговременными капитальными укреплениями на этом участке вызвала удивление у самих финских солдат, прибывающих в качестве пополнения сражающихся здесь частей.

Если говорить о капитальных постройках, то на весь оборонительный район «Тай» предусматривалось в общей сложности сооружение нескольких бетонных строений, представляющих собой тонкостенные пулеметные укрепления фронтального огня, расположенные в наиболее критических узлах: извилинах реки, на некоторых мысках и высотках. В разное время, при планировании построек, их количество и местоположение менялось, пока в конце концов в этом районе не было возведено десять ДОТов, одно бетонированное убежище и один артиллерийский каземат.

Как составная часть финской фортификационной линии, бравшей свое начало от берега Финского залива и завершавшейся здесь, у берегов Ладожского озера, укрепрайон «Тай» в свою очередь делился на три сектора, получивших названия по именам финских деревень, на территории которых они и располагались: Кирвесмяки, примыкавший к Суванто-ярви, Линнакангас, упиравшийся в берег Ладоги, и располагавшийся между ними Теренттиля. Основная линия укреплений, имевшая в длину всего около трех километров, почти по прямой пересекала полуостров, который создавала Тайпалеен-йоки, делая поворот на северо-восток. Оборонительная линия не представляла собой непрерывной сети окопов и заграждений, а имела вид цепи отдельных опорных позиций, между которыми оставались открытые пространства, перекрываемые секторами обстрела соседних огневых точек.

Участок Кирвесмяки начинался от берега Суванто-ярви до болотных лугов, именуемых по-фински *Суонийтют*. Далее шел участок Теренттиля, который с запада был ограничен восточным краем болота Теренттилянсуо, а с востока — рекой Каарна-йоки (ныне река Федоровка). Далее, от Каарна-йоки до Ладоги, располагался район Линнакангас.

Окопы самого западного опорного пункта были вырыты на поросших редким сосняком песчаных холмах берега Суванто-ярви.

В связи с их местоположением опорный пункт получил название «Берегового». Ни ДОТов, ни убежищ для гарнизона на нем не было, поэтому зачастую многие финские источники эти позиции вообще не рассматривают как укрепленный участок. Далее на восток все опорные узлы имели свои собственные порядковые номера.

Первый опорный пункт участка Кирвесмяки располагался на открытом поле и прикрывал дорогу вдоль берега Суванто-ярви на мыс Патониemi (мыс Лесной), имевший важное стратегическое значение, о котором пойдет речь далее. В ширину позиция занимала сто пятьдесят метров, и на ее правом фланге располагался пулеметный каземат. Примерно в ста метрах в тылу от позиции было оборудовано укрытие для личного состава. Связь с расположенными в лесу деревни Рииска тыловыми позициями была затруднена, так как для того, чтобы до них добраться, надо было преодолеть треть километра открытого поля. Позиция находилась на вершине холма, спуск на юг от которой упирался в противотанковый ров, за которым сразу стояли постройки хлева и жилого дома крестьянской семьи Укконен. Фундаменты этих строений и сейчас хорошо сохранились вопреки прошедшему через этот участок огненному валу и разрушающему воздействию времени.

Опорный пункт № 2 располагался восточнее дороги, ведущей из Кирвесмяки на песчаный мыс Патониemi, и был всего в полусотне метров от первого, но дорога между ними была заминирована. Ширина обороны здесь была около ста метров. Как и первый, второй пункт тоже имел свой ДОТ, хотя укрытия для гарнизона здесь не было.

Далее по направлению к Ладожскому озеру, в двухстах метрах от второго, располагался третий опорный пункт. Его окопы покрывали край леса, перед которым стоял хутор Каананмаа. На позиции имелся бетонный ДОТ, а позади нее — мощное убежище для личного состава, полутораметровое перекрытие которого могло выдержать попадание восьмидюймового снаряда. Правда, к началу войны это укрытие не было полностью построено.

С третьего опорного пункта хорошо просматривались подступы к соседним позициям, расположенным справа и слева. Тем не менее связывающие их окопы не были дооборудованы надлежащим образом.

Еще восточнее, также на краю леса, был четвертый опорный пункт. В плане этот пункт напоминал подкову, выгнутую в сторону противника. Сами позиции располагались на пологом, поросшем лесом склоне. В метрах семидесяти от передовых окопов находилось достаточно крепкое укрытие для гарнизона, получившее название «Нирвана» или «Таппара», вмещавшее в себя около сорока человек. Оборона «четверки» была затруднена тем, что перед ним располагались строения хутора Ойваара и сосновая роща. Используя эти естественные и искусственные прикрития, противник имел возможность сконцентрироваться непосредственно перед оборонительными позициями финнов.

В трехстах метрах к востоку от «четверки», посреди широкого открытого заболоченного луга Суонийтют, располагалась пятая опорная позиция. Как и на упомянутых предыдущих участках, здесь ширина обороны также была около ста пятидесяти метров, а в тыл от передовых позиций отходил окоп, ведущий «в никуда», так как укрытия для личного состава здесь не было. Вся «пятерка» уместилась на небольшом вытянутом по фронту холме, выступающем из обширной травяной низины. Сейчас трудно сказать, был ли этот холм рукотворным или его здесь создала сама природа, но вид с него открывался почти до самого ручья Мустаоя (ныне именуемый ручьем Черным, что является прямым переводом с финского языка). С восточного края холма был врыт бункер на один пулемет, задачей гарнизона которого была задержка пехоты в случае потери ДОТов у устья ручья Мустаоя (описание которых приведено ниже) и передовых позиций, расположенных в ближайших перелесках.

Если принимать все пять опорных пунктов в Кирвесмяки как единое целое, то ее правый фланг прикрывала позиция на берегу озера Суванто, а слева — пара легких заграждений на востоке Суонийтют. Согласно боевому уставу, занимавший позиции в Кирвес-

мяки батальон был распределен так, что одна его рота занимала с первого по третий пункт, первая рота занимала четвертую, пятую позиции, а третья рота занимала позиции у Суванто-ярви.

По боевому расписанию гарнизон непосредственно передовых окопов каждого опорного пункта, сменяющийся через определенное время, должен был состоять из одного-двух взводов и двух-трех пулеметных расчетов из отдельной пулеметной роты батальона.

Забегая вперед, надо сказать, что, когда война длилась уже почти две недели и финский 30-й пехотный полк занял позиции в Кирвесмяки, строительство тыловых укрытий для солдат и офицеров еще не было завершено, поэтому многие солдаты продолжали жить в палатках.

Во время строительства каждое укрытие, служащее одновременно и штабом подразделения, получило свое имя, представляющее либо производную от имени собственного, либо кличку: «*Кирвескорсу*» (укрытие Кирвес, от «Кирвесмяки», «холм Кирвес»), «*Суденпеся*» («Волчья нора»), «*Кремли*» («Кремль»), *Сеурахуоне*, *Микколанкорсу*, *Кайвокорсу* и *Кяпялямяки*. Уже после начала боевых действий, были достроены «*Таппара*», «*Карманколо*», «*Хорнанкирну*» и «*Пиилопиртти*».

Стык двух районов обороны, Кирвесмяки и Теренттиля, прикрывался тремя ДОТами, два из которых представляли собой пулеметные полукапониры на противоположных берегах обрывистого устья ручья Мустаоя, в том месте, где Тайпалеен-йоки делает изгиб на восток. Каждый из ДОТов держал под прицелом свой рукав реки — восточный на левом берегу ручья простреливал западный сектор, а западный — соответственно восточный. Пару лет назад из-за оборудования частного аэродрома были вырублены все деревья, выросшие вокруг этих ДОТов за семьдесят лет. Это позволило в наше время взглянуть на то, как эта местность выглядела осенью 1939 года, когда укрепрайон Тайпале заняли готовящиеся к войне финские резервисты.

Метрах в ста от этих двух ДОТов, посреди поля, располагалось еще одно капитальное сооружение, получившее название «*Алка-*

зар» и представлявшее собой железобетонный бункер, служащий укрытием для гарнизона, оборудованный бетонированным бруствером, прикрытым бронеплитой с бойницами для ведения огня из стрелкового оружия. Название «Алказар» по ассоциации с крепостью в Испании присвоил ему командир взвода Урхо Кяхонен, написавший впоследствии книгу о своем участии в боях на Тайпале, и, в частности, в районе этих укреплений. Первоначально и «Алказар», и южная оконечность болота Теренттилянсуо относились к участку обороны Кирвесмяки, но позже их переподчинили району Теренттиля.

Конструкция «Алказара» очень сильно напоминала проектные решения, принятые при сооружении открытых стрелковых позиций российского форта «Ино». Форт этот, обладавший мощными средствами береговой обороны Финского залива, был взорван перед передачей его независимой Финляндии. Существует гипотеза, что броневые плиты с бойницами, встречавшиеся помимо «Алказара» и на других участках линии Маннергейма (например сектор в районе деревни Ильвес), и есть оставшееся имущество форта «Ино», растащенного и приспособленного новыми хозяевами для своих целей...

Соседняя с востока от Кирвесмяки оборонительная линия в Теренттиля состояла из семи опорных пунктов, расположенных между Мустаоя и речкой Каарна-йоки, и в целом оборудование этих позиций было хуже, чем у своих западных соседей.

Расположение бетонных фортификационных сооружений в районе Тайпале было предусмотрено таким образом, что вся линия обороны пролегла поперек основания полуострова Коуккуниemi, и совсем не уделялось внимания району Теренттиля. По мнению финских армейских инженеров, быстрое течение порога Кемпилянкоски и крутые обрывистые берега у так называемых «леса Пярсинена» и «рощи у Народной школы» не должны были позволить вероятному противнику пробиться вперед. Поэтому все опорные позиции в Теренттиля оборудовались уже непосредственно в ходе начавшейся мобилизации и не имели предварительно построенных казематов. Громкие названия «лес Пярсине-

на» и «роща» или «лес Народной школы» были даны финскими командирами небольшому лесному массиву между дорогой к Ладожскому озеру и берегом реки Тайпалеен-йоки при привязке ориентиров. Остатки этих сосновых рощ сейчас располагаются на коттеджных участках вдоль реки Бурной.

Первый опорный пункт укрепленного района в Теренттилянсуо, на высоте 13,2. Нельзя сказать, что эта высота сильно выделялась на общем ландшафте здешних мест. В настоящее время этой высоты вообще не существует, так как в процессе последующих боевых действий она существенно понизилась от разрывов снарядов. Как и на многих других, на этой позиции тоже был пулеметный ДОТ фронтального огня, а также убежище для взвода солдат и пункт корректировки артиллерийской стрельбы. Остатки тонкостенного пулеметного сооружения по сей день возвышаются над оврагом «Черного ручья», чего нельзя сказать о других укреплениях этого района времен «Зимней войны».

Второй опорный пункт был оборудован на южной кромке болота Теренттилянсуо к северо-востоку от первого, с которым его связывали окопы. Кроме окопов здесь не было никакого укрытия для его гарнизона.

Если смотреть с юга, то справа от «двойки», на северо-запад от хутора Хиеккала, размещался третий опорный пункт. Позиции прикрывали важную стратегическую дорогу на север, ведущую вдоль болота к деревне Вилаккала и далее в глубокий тыл. Позже эта позиция приняла на себя основной удар советских частей, когда они пытались пробиться на север. Вдоль дороги, в непосредственной близости от позиции, располагался песчаный карьер и хутор Вирстакиви, которые впоследствии служили местом для отдыха сменявшихся на передовой батальонов, а еще позже и линией фронта.

Опорный пункт номер четыре находился в трехстах метрах от третьего, на краю леса, у дороги на Вилаккала. Здешние позиции не успели оборудовать достаточным образом, поэтому они просто представляли собой сеть стрелковых гнезд с ведущими в тыл траншеями.

Окопы пятого опорного пункта были расположены прямо рядом с четвертым пунктом, только восточнее. Его стрелковые ячейки и ходы сообщения находились прямо напротив «Роши у народной школы», которую от позиций отделяло широкое поле. Позднее именно этот опорный пункт стал местом наиболее ожесточенных боев.

Шестой и седьмой опорные пункты располагались между «пятеркой» и Каарна-йоки в островках леса, торчащих посреди открытого луга. От них до обрывистого берега Тайпалеен-йоки было около четырехсот метров. Впоследствии они были самыми спокойными позициями за все время боев на Тайпале. К началу войны в этом районе успели построить несколько убежищ для гарнизона, которые позже были модернизированы и укреплены. Расположенный на передовых позициях батальон состоял из трех рот, из которых одна занимала с первого по третий опорные пункты, одна четвертый с пятым и одна шестой и седьмой. Непосредственно на передовой располагалось от одного до полутора взводов с двумя-тремя пулеметами.

Пять опорных позиций третьего района, Линнакангаса, были расположены между Каарна-йоки и берегом Ладожского озера, вдоль северного берега Тайпалеен-йоки, в неглубоком тылу которых и располагался «Улицкий шанец». Как уже говорилось, впоследствии передовые позиции этого района не были местом сильных боев, хотя они и прикрывали важную дорогу на север вдоль берега Ладоги. Основной причиной этого была надежная естественная преграда — здесь, в своем устье, ширина реки Тайпалеен-йоки достигает около двухсот метров, и форсировать здесь реку было чрезвычайно трудно из-за незамерзающего участка и большой дистанции до противника. Кроме этого своим относительным покоем находившиеся на этих позициях финны должны быть обязаны ДОТу «Нииттюказематти» («Луговой каземат»), который относился к первому опорному пункту. В его секторе обстрела находились подступы к мосту через Каарна-йоки и паромный причал. Таким образом, он как бы запирает дорогу к Линнакангасу, предотвращая возможность обхода всей линии обороны по берегу

Тайпалеен-йоки с восточного фланга. От ДОТа к Каарна-йоки вел окоп, который продолжался на другом берегу речки и вел к седьмой опорной позиции в Теренттиля.

В паре сотен метров восточнее него, на поросшей лесом высотке, находилось еще одно бетонное сооружение фронтального огня, получившее название «Метсяказематти» («Лесной каземат»), который в свою очередь простреливал подходы к своему «близнецу» в низине.

Вообще, бетонные ДОТы были своеобразной «цитаделью» каждого опорного пункта, если, конечно, они вообще имелись на позиции. Обычно вокруг каземата кольцом была вырыта главная траншея, в которой должен был находиться основной гарнизон. От кольцевой траншеи и в тыл, и по направлению к противнику изогнутыми лучами отходили окопы, ведущие к передовым позициям пулеметчиков, наблюдателей и минометчиков. Ведущие в тыл окопы, как правило, соединялись еще с одной линией траншеи, которым предназначалась роль тыловых позиций в случае захвата неприятелем передовой позиции.

Уже в ходе боевых действий, в январе 1940 года, начальником инженерной службы 3-го стрелкового корпуса майором Маклецовым ДОТы у ручья Мустаоя, на тот момент давно уже занятые подразделениями 49-й стрелковой дивизии, были описаны следующим образом:

«Захваченные ДОТы не имеют технического оборудования, нет ФВО, нет бронезаслонок в амбразурах, закрепленных пулеметных станков, освещения (подземная связь пока не обнаружена). Входные двери с толщиной брони 10—12 мм. Толщина перекрытия 1,2—1,5 м, напольной стены толщиной 1,0—1,2 м, арматурное железо 10—12 мм. Промежуточные стены толщиной 0,8 м. Убежище (речь идет об «Алказаре». — Примеч. авт.) имеет на потолочном перекрытии швеллера, на убежище броневой щит на 36 бойниц»¹.

Необходимо отметить, что в оборонительных укреплениях Тайпале не было противотанковых надолбов. Имевшиеся небольшие цепи камней и бревенчатые завалы не представляли для

танков даже тех времен практически никакого препятствия. Та трехрядная полоса из гранитных валунов, что до сегодняшнего дня пересекает территорию бывших боев, была установлена в период 1942—1944 годов, когда финны готовились к завершающей стадии своего участия во Второй мировой войне. Единственным крупным противотанковым препятствием стал ров, выкопанный резервистами уже в октябре 1939 года параллельно главной оборонительной линии. Не очень широкая и достаточно мелкая канава начиналась от одного из западных притоков Мустаоя и заканчивалась у берега Суванто-ярви. Ручей Мустаоя протекает по дну глубокого оврага, являясь сам по себе противотанковым препятствием. В наше время, по прошествии более полувека, отроги оврага поросли деревьями. В тридцатые же годы этот «каньон» пересекал ровное плоское поле, на котором не было ни единого куста. Поэтому глубокое препятствие было довольно трудно заметить на расстоянии всего в пару сотен метров.

Кроме этого, перед всеми финскими позициями была натянута колючая проволока в три-четыре кола. Позже, когда подмерзли озера Суванто и Ладога, колючка была натянута на вбитых в лед кольях вдоль их берегов, насколько это позволяла оперативная обстановка.

Важнейшую роль в оборонительной системе Тайпале играли две стационарные артиллерийские батареи — «*Каарнайоки*» (названная так из-за одноименной деревни и речки, протекающей неподалеку), и «*Ярисевя*», располагавшаяся прямо на берегу Ладожского озера на одноименном мысу (ныне мыс Чалка). Будучи самым восточным флангом всей линии Маннергейма, упирающейся в Ладогу, этот укрепрайон обладал своей собственной частью береговой артиллерии, функцию которой и выполняли орудия батареи «Ярисевя», стратегической и тактической задачей которой была защита левого фланга сектора Тайпале. Батарея же «Каарнайоки», расположившаяся в открытых бетонных блоках за несколько километров к северу от Тайпале, была способна прикрывать участок суши почти от Кивиниеми до Тайпале и значительную часть акватории Ладоги. Состояла эта батарея из четырех 152-мм орудий.

Обе батареи входили в систему береговой обороны Ладоги, которая цепью протянулась от Кексгольма до Тайпале по берегу озера. Помимо упомянутых мест расположения, в состав финского «орудийного щита» со стороны ладожского водоема также входили батареи, установленные на острове Коневец и мысах Юляпяниями (Черемухино) и Мустаниеми. О роли этих батарей еще будет неоднократно упомянуто в последующих главах.

Западный фланг района защищался орудийными капонирами, расположенными на северном берегу озера Суванто-ярви, у поселка Келья (нынешнее Портовое), получивший название укрепрайона «Ке», и на мыске Патониеми, хотя они по своей мощи не шли ни в какое сравнение с двумя батареями, о которых было сказано выше. Да и вооружение эти казематы получили уже тогда, когда советские войска перешли финскую границу.

Удивительным фактом является то, что во время последних предвоенных инспекций Генеральный штаб вооруженных сил Финляндии просто не обратил на эти сооружения достаточного внимания, считая их давно устаревшими. Тем не менее, когда в начале ноября 1939 года угроза войны стала нарастать с невероятной скоростью, командующий береговой обороной Ладожского участка Карельского перешейка подполковник Рикама отдал распоряжение о проверке состояния этих построек. Посланные для этого артиллеристы с трудом нашли бетонные коробки, обильно заросшие кустарником за свои двадцать лет бездействия. После того как они были обнаружены, военные столкнулись еще с одной проблемой: металлические двери казематов были заперты, а ключи находились у кого-то из местных селян. В конце концов ключи нашлись, кустарник вырубили, а состояние сооружений оказалось лучше, чем это представлялось штабным офицерам. Но тут встала проблема вооружения, так как орудий в бункерах не было. Рикама выслал запрос в штаб группы Ладожской береговой обороны о демонтаже части орудий с второстепенных позиций и передаче их в свое распоряжение. Как и следовало ожидать, командование береговой обороны, относящееся к военно-морским силам, ответило категорическим отказом. Тогда он попытался вооружить казематы

полевыми орудиями, но ни одна из пушек не подходила для использования в бетонном помещении. Так бы они и остались торчать на берегу Суванто-ярви серыми параллелепипедами, выступающими из поросших жухлой травой бугров, если бы в первые дни войны, когда полки 142-й дивизии РККА уже были на подходе к южному берегу озера, в дело не вмешался финский Генеральный штаб. По его непосредственному приказу ВМС пожертвовали четырнадцатью 57-мм орудиями «Норденфельд» образца 1892 года, которыми поспешно были оборудованы казематы на мысках Патониemi, Кекинниemi (у Келья), а также еще несколько артиллерийских сооружений по северному берегу Вуоксы.

Ближайший к укрепрайону Тайпале орудийный каземат на Патониemi был двухэтажным. На первом этаже располагались погреба и места для obsługi, а на втором собственно сами орудия, нацеленные на правый и левый сектора обстрела. Вокруг сооружения кольцом была вырыта траншея с ведущими к индивидуальным стрелковым ячейкам ответвлениями. Слева и справа у подножия этого каземата в непосредственной близости располагались два пулеметных ДОТа фронтального огня. Юго-восточный бункер находился совсем рядом, метрах в двадцати от главного сооружения. Он и сейчас хорошо виден, несмотря на то, что местность вокруг него давно оборудована стихийными туристскими постройками. Северо-западный каземат отстоял от мыса Патониemi на дистанцию в двести-двести пятьдесят метров, и сейчас представляет собой груды бетонных осколков и искореженной арматуры.

Впоследствии укрепления на мысе Кеккиниemi и Патониemi сыграли существенную роль в сражении, о котором будет рассказано далее.

Конечно, вышеописанные бетонные ДОТы не были единственными оборонительными укреплениями. К началу войны на участке от Кивиниemi до Тайпале в общей сложности имелось около семидесяти ДЗОТов и восьмидесяти так называемых «пасивных» укреплений для личного состава. Вдоль всего северного берега Суванто-ярви было устроено не менее десяти оборонительных опорных пунктов, основу которых составляли вырытые в

податливом песке пулеметные гнезда. По финскому обычаю каждый из опорных пунктов получил свое название и был отнесен к зоне ответственности укрепрайона Sa, от центра волости Саккола (Громово).

Тем не менее ни о какой мощи, ни о каких сравнениях с «линией Мажино» здесь не могло быть и речи. Даже сравнивая отдельные укрепленные узлы линии Маннергейма, возведенной советской пропагандой в нечто монстрообразное по своему засилию мифических трех- и четырехэтажных ДОТов, район Тайпале отличался от укрепузла района Суммы, как буденовка от стального шлема.

Уникальность здешних оборонительных сооружений состояла лишь в одном: их близком расположении к границе с непредсказуемым и страшным с финской точки зрения «красным соседом». Все строительные работы, производившиеся здесь в двадцатых и тридцатых годах, делались в обстановке строжайшей секретности. Позиции сдерживания, или так называемое «предполье», здесь ограничивались несколькими хилыми окопчиками по сторонам главных дорог и небольшими завалами, которые делались уже в период начавшейся войны. Современная техника, при наличии у войск определенного опыта ведения боевых действий, могла пройти всю территорию до Тайпале за полдня. Поэтому первая линия обороны здесь становилась и последней. За ней ожидаемому противнику открывался практически полный оперативный простор до самого города Кексгольма и далее на север, в глубь Финляндии. Конечно, стратегически оценивая обстановку, финское командование учитывало возможность прорыва позиций, и поэтому в глубоком тылу, почти на самых подступах к городку, в районе озера Пюхярви (Отрадное), были сооружены дополнительные оборонительные позиции, представлявшие собой несколько линий окопов, подготовленных ДЗОТов и противотанковых рвов.

Уже перед самым началом войны в районе Тайпале финны попытались соорудить еще одну линию обороны, также пересекающую местность почти по прямой, но только не с северной, а с

южной стороны от реки Тайпалеен-йоки. Для этого они начали устраивать полевые укрепления по границе болотца Умпи-лампи, от берега Ладоги до берега Тайпалеен-йоки в районе впадения в нее речки Виисъйоки (Вьюн). Далее позиции были устроены вдоль берега реки по южной оконечности полуострова Коуккуниemi до самого порога Васкелянкоски (ныне порог Падунец). Укрепления эти получили гордое название «линия Умпи-Лампи», хотя на самом деле серьезными оборонительными позициями эту линию можно было назвать с большой натяжкой.

Итак, как бы то ни было, финны готовились к войне. Готовился к войне и Советский Союз. На советской территории Карельского перешейка был организован «Карельский укрепленный район» или «КаУР», также протянувшийся от вод Ладожского озера до берега Финского залива цепью железобетонных огневых точек со своей артиллерией, пулеметным вооружением со стационарным водяным охлаждением, казармами и электростанциями. Разведка СССР также не сидела сложа руки.

В середине тридцатых годов был выпущен альбом с грифом «для служебного пользования», иллюстрирующий все, что смогли разведать агенты армейской разведки по ту сторону границы на Карельском перешейке. Странно, но в районе Тайпале, так близко расположенном к межгосударственному рубежу, советским резидентам не удалось выяснить ничего, что смогло бы в декабре 1939 года помочь в продвижении частям РККА и снизить многочисленные потери. В этом альбоме на карте-схеме Тайпале были показаны всего четыре ДОТа в самой восточной части сектора, почти у самой Ладоги, и один ДОТ посередине полуострова Коуккуниemi. Ни одно местоположение, за исключением, пожалуй, «Лугового» и «Лесного» бункеров, не соответствовало действительности. Но даже в таком виде, как он был издан, этот альбом не был перед войной направлен в войска.

Ознакомившись с ним, командиры форсирующих реку подразделений уж никак не направили бы своих солдат туда, где по схеме сосредоточено большинство огневых точек противника...

Впрочем, мы опять забегаем вперед. Все по порядку.

Начиная с лета 1939 года отношения между СССР и Финляндией стали ухудшаться с нарастающей скоростью. Учитывая то, что эти отношения носили характер «холодной войны» после бурных вмешательств во внутренние дела друг друга в 1918—1922 годах, уступки стран Прибалтики в образовании военных баз Советского Союза на их территории и участие СССР в разделе Польши убеждали большинство финских политиков в том, что бывшая метрополия попытается захватить Финляндию силой. Разведки обеих стран усиленно работали, пытаясь выяснить, что происходит на противоположной стороне границы.

Реагируя на возрастающую угрозу войны, в августе 1939 года на Карельском перешейке были проведены большие военные учения финских вооруженных сил, а уже в октябре того же года в Финляндии была объявлена всеобщая мобилизация.

Октябрь на Карельском перешейке — невеселая пора. Темнеет рано. Короткая золотая осень уступает место ветрам и частым осадкам, за каких-нибудь две недели срывающим нарядный желто-красный покров деревьев и превращающим окружающий пейзаж в голую просматриваемую на много метров местность. Местность, прикрытую лишь частыми осенними туманами или пеленой нудного морозящего дождика. В такое время, особенно когда серый насупившийся день плавно переходит в безлунную осеннюю ночь, огни в окнах сельских домиков как-то по-особенному тянут к себе, маня своим уютом и теплом. В такое время нет ничего лучше, чем прошлепать по разбитой мокрой дороге пару верст, оступаясь в лужи и спотыкаясь на ухабах, ввалиться в натопленный дом и скоротать вечер в хорошей компании, прислушиваясь к завыванию ветра в печной трубе.

Но осенью 1939 года ночи перестали светиться окнами домов на протяжении всей советско-финской границы. Как со стороны Финляндии, так и со стороны СССР. Ближайшие к границе финские хутора опустели — крестьян отправили в эвакуацию. На север, в глубь страны, от границы потянулись обозы с нехитрым скарбом и семьями жителей приграничных деревень. Навстречу им из сборных пунктов на юг направлялись длинные колон-

ны призванных резервистов. Они шли по узким лесным дорогам мимо опустевших домов, ежась от сырой и ненастной октябрьской погоды. При свете сумрачного осеннего дня они прибывали на места дислокации и сразу же вовлекались в кипящую работу. Им предстояло достроить и укрепить оборонительную линию, бездействовавшую с момента своей постройки. Они не знали, сколько времени им осталось ждать нападения, и будет ли это нападение вообще, но им надо было успеть вырыть блиндажи, углубить окопы, установить противотанковые завалы и минные поля. И все это сделать за месяц, так как в течение нескольких лет на это не хватало ни сил, ни средств.

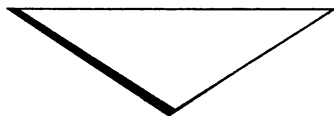
И еще у каждого была надежда, что пройдет немного времени, объявят отбой, и за рождественским столом они весело будут рассказывать своим близким о том, как они месили грязь на внеочередных осенних сборах.

Мобилизация в Финляндии дала еще один козырь Кремлю заявить об угрозе со стороны своего северного соседа. Всего за месяц до нападения верный сталинский народный комиссар иностранных дел Вячеслав Молотов в своем докладе о внешней политике Советского Союза громогласно заявил об этом на съезде народных депутатов. Правда, он не забыл позабавить депутатов сообщением, что население Финляндии почти равно населению Ленинграда. Надо сказать, что в этом же одиознейшем выступлении он констатировал факт дележа Польши с Гитлером, провозгласил на весь мир о том, что *«преступно вести борьбу за уничтожение “гитлеризма”»* и что советское руководство всегда считало, что *«сильная Германия является необходимым условием прочного мира в Европе»*². И если Германия позволяет себе нападать и побеждать гораздо более развитые и подготовленные к войне государства, то почему Советский Союз не может этого сделать? Стоит ли считаться с таким вздором, как крохотная Финляндия, когда почти вся Европа уже поделена на сферы влияния и на карту поставлена безопасность Ленинграда? Ведь безопасность Ленинграда надо отстаивать любой ценой. И если надо, то и за счет чужой территории.

Тем временем прошел октябрь. Затем стал подходить к концу и ноябрь, с его первым снегом и частыми заморозками. На границе ничего из ряда вон знаменательного не происходило. Среди томящихся от разлуки с домом финских резервистов все упорнее ходили слухи о возвращении. Кроме тревожных сообщений в газетах, за четыре недели мобилизации не появилось ни одного признака, говорящего о приближении войны. Слухи о скором мирном разрешении отношений стали подтверждаться и действиями мирного населения. Некоторые хуторяне, так и не дождавшись разрешения на возвращение из эвакуации, самовольно приезжали в свои опустевшие дома.

Но утро 30 ноября 1939 года перечеркнуло все ожидания. Все, кто в этот день оказался близок к границе, были разбужены отдаленным громом орудий, ознаменовавших *начало войны*.

Вторжение

Предназначенные для нападения на Финляндию с юго-восточной части Карельского перешейка советские силы состояли из трех кадровых дивизий — 142-й, 90-й и 49-й, входивших в состав 7-й армии под командованием командарма 2-го ранга Всеволода Федоровича Яковлева. Несмотря на то, что приказ о переходе границы зачитывали во всех соединениях, первой в бой была введена 142-я стрелковая дивизия. Именно ей была присвоена задача быть «соединением прорыва». По ее следам, сразу же после ее выступления, планировалось ввести в дело 49-ю дивизию.

Общее руководство войсками возлагалось на командующего Ленинградским военным округом Кирилла Мерецкова. Создается такое впечатление, что на первых порах советское правительство вообще собиралось обойтись силами кадровых частей ЛенВО, без привлечения дополнительных соединений с других военных округов. Эта ошибка — недооценка сил противника и условий ведения боевых действий — весьма часто встречается в современной истории.

Согласно общему стратегическому плану ведения боевых действий, основной целью сосредоточенных у границы войск на этом направлении был небольшой финский город Кексгольм, или, в финской интерпретации, Кякисалми. По своему маршруту части РККА должны были уничтожить финские силы пограничного прикрытия, занять находившиеся на их пути такие приходские центры, как Рауту и Метсяпиртти, затем форсировать водную преграду Вуокси—Суванто—Тайпале и лихим ударом занять собственно сам Кексгольм. На всю эту операцию частям РККА отводилась одна неделя. В дальнейших планах советского командования наступающие войска должны были соединиться с другими частями, придвигавшимися из Восточной Карелии вдоль

северного берега Ладоги, зайти в тыл западным оборонительным укреплениям линии Маннергейма и продолжать наступление далее в глубь Финляндии, на Выборг и Хельсинки.

По данным разведки, подготовившимся к наступлению дивизиям противостояли небольшие подразделения финской пограничной стражи, передовые посты которых располагались на главных магистралях, ведущих к границе с СССР.

Приказ о наступлении был подготовлен и подписан Яковлевым за неделю до начала войны. Четвертый пункт этого приказа гласил: *«50-й стрелковый корпус (142, 90 СД, 35 ТБР, 302 ГАП, 311 ПАП РГК, 5 понтонный батальон, 5 КАО) уничтожить части прикрытия противника, овладеть опорными пунктами МЕТСЯПИРТТИ, РАУТУ, ЛИПОЛА, РАССУЛИ и выйти на рубеж р. ТАЙПАЛЕЕН-ЙОКИ, южный берег оз. СУВАНТО-ЯРВИ, южный берег оз. ВУОКСЕН-ВИРТА»*. А пункт четырнадцать, как принято в военной практике: *«Число перехода в наступление будет указано особым распоряжением»*³.

Особое распоряжение поступило в войска накануне вечером. В соответствии с ним официальное вторжение началось в восемь часов утра 30 ноября 1939 года. Финны не успели уничтожить ни один пограничный мост, но зато потом восполнили это упущение значительным количеством взорванных и сожженных мостов через многочисленные речки Перешейка. Дорога для продвижения войск была свободна, и, ломая тонкий ледок замерзших луж, в Финляндию двинулись части Красной армии. Согласно оперативной сводке первого дня войны, *«142 дивизия с частями усиления после 30—45 минутной артподготовки перешла госграницу: а) 19 СП в 8—45, б) 701 СП в 8—35, в) 461 СП в 8—30»*⁴.

Лишь смолкли первые залпы советских орудий, темное декабрьское утро заполнил шум работающих моторов бронетехники, грузовиков и тракторов. Мимо покрытых первым декабрьским снегом маленьких домиков финской пограничной охраны потянулись колонны пехотинцев, автомобилей и гужевых повозок. Ежась от предрассветного легкого морозца, впервые вступившие на территорию чужой страны красноармейцы с любопытством огляды-

вали окрестности. Окружавший их пейзаж ничем не отличался от мест их службы. Заснеженный лес. Голые ветви торчащего по обочинам кустарника. Дорога, петляющая в лесу, перемежающаяся небольшими полями и уходящая опять в лес.

Перейдя границу, части 142-й стрелковой дивизии начали наступление по трем главным дорогам, ведущим от пограничных застав на север — от Раасули (нынешнее Орехово), от Сиркиансаари (Пески) и от Таппари (Пятиречьё). Первоочередная задача для передовых частей была поставлена командованием незамысловато: за день продвижения выйти к приходским центрам Рауту и Метсяпиртти, а затем молниеносным ударом, преодолев двадцать километров, выйти к южному берегу озера Суванто-ярви и Вуоксы.

На самом восточном участке, вдоль берега Ладожского озера, продвигался 19-й стрелковый полк 142-й дивизии. Слева от него, по старой торговой дороге, двигались три батальона 701-го полка, которые к двенадцати часам утра отрапортовали о взятии поселка Сиркиансаари. Поселок этот был расположен всего в двух километрах от границы. На западном фланге полосы наступления 142-й стрелковой дивизии, вдоль железной дороги и шоссе, которое через много лет будут называть Приозерским, был выдвинут 461-й полк. В первые часы войны он продвинулся сквозь Раасули и Лиипуа, заняв таким образом территорию нынешнего садоводческого массива Орехово — 67-й км.

Отмотав первые километр-другой от границы, бойцы не встретили ни одного человека. Попадавшиеся им первые хутора представляли собой еще дымящиеся пепелища, черными пятнами торчащие среди припорошенных снегом полей. Возможно, уже тогда во многих головах красноармейцев рождались сомнения. Советская пропаганда вдалбливала им, что их цель — освобождение мирового пролетариата и крестьянства от ига помещиков и капиталистов, но никто не встречал их по дороге хлебом-солью. Даже те из солдат, кто уже успел поучаствовать в походе на Польшу, не видели ничего подобного. Там, на западе, большинство местного населения жило в своих домах и высыпало на улицы, когда в тот или иной населенный пункт входили части Красной армии. Дру-

гой вопрос, хорошо или плохо встречали новых хозяев. Но здесь, в Финляндии, встречать было некому. Здесь ушли *все*. Тем не менее уже через несколько часов безлюдье на сожженных финских хуторах компенсировалось встречей с обитателями здешних мест совсем не так, как этого ожидали благодушно настроенные бойцы Красной армии. Достигнув окраин первых относительно крупных поселков, передовые части 142-й дивизии наткнулись на хотя и подготовленное, но достаточно слабое сопротивление.

Действия финских отрядов шюцкора и пограничников были заранее распланированы в соответствии с их боевым расписанием. В полосе предполья восточной части Перешейка была образована группа «Р», названная так по имени центра церковного прихода в этой местности, Рауту. В ее состав входил 4-й егерский батальон, 6-й отдельный батальон и четыре пограничные роты (шестая, седьмая, восьмая и девятая). Все эти части занимали позиции на трех основных направлениях, блокируя ведущие в глубь Финляндии дороги. Кроме того, в составе войск первого этапа сдерживания находилась также боевая группа «Метсяпиртти», оборонявшая свой собственный приходской центр и собранная непосредственно из его жителей. Фактически 8-я и 9-я отдельные пограничные роты и входили в состав подразделения «Метсяпиртти». Помимо этих частей, в группу входила еще 2-я отдельная артиллерийская батарея. Группа «Метсяпиртти» держала оборону на самом восточном фланге, вдоль берега Ладоги.

В задачу группы «Р» входило максимальное сдерживание частей Красной армии от самой границы до водного рубежа Тайпалеенйоки. Ну и попутно по-максимуму успеть уничтожить оставшиеся брошенными здания хуторов, дабы не оставлять противнику пригодные для размещения и обогрева дома. Одновременно со своей «факельной» функцией они помогали эвакуироваться мирному населению в тех местах, где оно еще не успело уехать. На счастье, в этом районе его оставалось не так много. По сравнению с густонаселенной юго-западной частью Карельского перешейка на востоке деревень было несравнимо меньше. Кроме того, как уже говорилось ранее, еще месяц назад, предвидя возможность советского нападе-

ния, финское правительство переселило большинство обитателей десятикилометровой пограничной зоны в глубь страны. Тех же, кто не пожелал тогда уехать, теперь необходимо было эвакуировать в кратчайшие сроки.

4-й егерский батальон расположился к западу от Рауту, прикрывая направление вдоль железной дороги и Кексгольмского тракта. 6-й отдельный батальон занял позиции у Палкеала (Замостье), соответственно к востоку от Рауту на направлении от Сиркияксаари. Каждое из перечисленных подразделений имело на вооружении противотанковые ружья и управлялось своим командиром — полковником Нурми и полковником Бlichem, впоследствии занявшими командные посты непосредственно в сражении на Тайпале.

Эти два финских подразделения, пожалуй, были единственными, кто с воодушевлением принял известие о начале войны. И действительно, кто как ни кадровые военные теперь мог наконец продемонстрировать свои качества после более чем десятилетнего мирного периода! Свою историю 4-й егерский и 6-й отдельный батальоны вели еще с начала двадцатых годов, когда на Перешейке только-только сформировались регулярные части армии Финляндии, своим появлением ознаменовавшие окончание кровавой гражданской войны.

За первый день войны перешедшая границу советская 142-я дивизия потеряла двенадцать человек убитыми и сорок шесть ранеными. Основной причиной медленного продвижения были названы мины. Первое боевое донесение штаба дивизии, «Оперсводка № 110», завершалось словами, что *«снежный покров толщиной пять-двадцать сантиметров (лесах, лощинах). Дороги на территории противника для движения непригодны ввиду минирования и разрушения мостов и полотна дороги»*⁵. Безусловно, продвижение красноармейских частей также замедляло сопротивление финнов, но по сравнению с другими участками приграничных районов Карельского перешейка в зоне действия 142-й стрелковой дивизии оно было достаточно пассивным. Первый значительный огневой контакт с противником произошел в районе деревни Палкеала, где на пути следования советской дивизии возник око-

павшийся 6-й отдельный батальон армии Финляндии, собранный еще до войны из местных жителей и управлявшийся капитаном Саарелайненом. Перестрелка противников продлилась полдня, но после того как к затормозившему авангарду советских частей прибыла артиллерия и стала палить по врагу прямой наводкой через холмистое сельское поле, финны поспешно ретировались.

Соседом слева у 142-й была 90-я стрелковая дивизия, которая наступала западнее Кексгольмского шоссе на большую приграничную деревню Липола. За два первых дня войны ее части не смогли продвинуться дальше двух километров от границы, увязнув в серьезном бою за первый же населенный пункт. Согласно отчету о ведении боевых действий этого соединения, только за один день 30 ноября 1939 года в дивизии были выведены из строя двенадцать танков, десять тракторов «Комсомолец», два орудия и *«большие потери в личном составе и материальной части»*⁶. В дальнейшем продвижение частей этой дивизии существенно отличалось от темпа наступления своего соседа на правом фланге. В течение последующих пары дней несколько батальонов периодически сбивались с пути и один раз даже вступили в перестрелку друг с другом.

Там, где на подъезде к повороту на Сосново Приозерское шоссе пересекает глубокую лощину, наступающим ротам 90-й стрелковой дивизии преградил дорогу финский 4-й егерский батальон. Условия для его обороны были идеальные — обойти природную выемку мешал плотный еловый лес и болота, а основные части наступавшего соединения все еще пытались преодолеть сопротивление у самой границы, в Липола. Поэтому к первому в этой войне оборонительному рубежу противника подошли немногочисленные силы Красной армии, а именно машины советской 13-й танковой бригады и разведывательные взводы 558-го стрелкового полка. В принципе силы можно было назвать равными: у РККА были танки и преимущество в живой силе, а у финнов выгодная тактическая позиция и противотанковая артиллерия. Из этих пушек егерям удалось подбить шесть атаковавших их бронемашин. С учетом выгодного расположения на местности финны

сумели продержаться у долины Куолеманлааксо нерешительный авангард советских частей вплоть до 2 декабря. В это время части 142-й дивизии уже занимали Рауту, тем самым создав угрозу захода в тыл противнику с востока. Испугавшись окружения, 4-й егерский батальон отступил на северо-запад, в направлении Эйряпя (в настоящее время носящее имя Барышево).

Если говорить о зоне действия 142-й дивизии, то самым успешным в ее секторе оказалось продвижение 19-го полка, который к первому декабря уже вышел к окраинам Метсяпиртти и вступил в бой с одноименной финской оборонительной группой.

Остальные два полка советской 142-й дивизии, захватив в этот же день станцию Рауту, направились к озеру Суванто-ярви. К западу же от Рауту территория все еще оставалась в руках противника и, учитывая трудности в полосе наступления красноармейских подразделений вдоль и левее Кексгольмского шоссе, неизвестно, сколько бы еще суток финны смогли сдерживать их напор. Впрочем, напором в известной степени назвать это было нельзя — войска СССР только-только вступили в бой и для их полной адаптации к военным реалиям требовалось определенное время.

Доподлинно неизвестно, сколько времени финские группы прикрытия смогли бы сдерживать наступление советских войск на кексгольмском направлении, если бы не поступивший приказ об общем отступлении. Не ощущавшие должного напора со стороны противника, и пограничники, и егеря со своими велосипедами, и карелы из 6-го отдельного батальона с удивлением узнали о том, что им необходимо ускорить темп отхода и отойти за основную линию укреплений.

В своих мемуарах маршал Маннергейм обосновал достаточно быстрый отход арьергардных частей простой ошибкой. В первые дни любого вооруженного конфликта всегда возникают внезапные и ничем не подтвержденные сведения о действиях неприятеля. Эта война не была исключением. Распространившийся до самого Генерального штаба вооруженных сил Финляндии слух, что дивизии РККА прорвали оборону войск прикрытия в центральной части Карельского перешейка, вынудили издать поспешный приказ

об отводе частей сдерживания на востоке за основную оборонительную линию, хотя они вполне могли бы сковывать продвижение неприятеля еще как минимум сутки. Так или иначе, Маннергейм был весьма недоволен, считая, что отход групп прикрытия слишком поспешен. Впрочем, у командующих сформированных II и III армейских корпусов на этот счет было противоположное мнение.

Продвигавшийся напрямик к Тайпале 19-й стрелковый полк РККА в действительности обладал всеми необходимыми для активного прорыва обороны качествами. Хорошо обученный и экипированный по сезону (постоянная дислокация в Ленинградском военном округе давала свой эффект), полностью состоящий из кадрового, а не приписного личного состава, он оказался самым успешным на всем Карельском перешейке в первые дни декабря 1939 года. Кроме указанных качеств, малочисленность советских войск первого эшелона на востоке Перешейка обеспечила гибкость и выбор маневра, чего никак не ожидали от СССР обороняющиеся подразделения Финляндии. Боясь обхода и, как следствие, окружения и получив с облегчением приказ об отступлении, арьергард финнов всего-навсего на третий день войны отошел за основную линию обороны и влился в состав 8-й и 10-й пехотных дивизий, занявших позиции вдоль северного берега Вуоксы и Суванто-ярви.

Последней стычкой перед форсированием реки был продолжавшийся сутки бой за Метсяпиртти. Солдаты группы «Метсяпиртти», оборонявшие свой приходской центр, с самого начала войны предпочитали не прямое столкновение с противником, а короткие рейды по лесам, знакомым им с детства, и полупартизанские вылазки на ничего не подозревающие арьергарды Красной армии. Эта тактика хорошо проявила себя в глухих лесах Карелии, но никак не в этом районе, густо усеянном дорогами и тропинками, а также ограниченном с востока Ладожским озером. Здесь этот прием работал плохо и, кроме того, сыграл с ними мрачную шутку: в одной из таких вылазок в самый первый день войны возвращавшийся с двумя подчиненными из разведывательного выхода командир входившей в группу 8-й пограничной роты лейтенант

Пекка Аларанта был убит своими же сослуживцами, принявшими лыжную группу за красноармейцев. Аларанта стал самым первым погибшим офицером финской армии в «Зимней войне».

Таким образом, группа «Метсэпиртти» отступила за реку, оставив в районе Неосаари вывод из состава 28-го пехотного полка, удерживающего последний плацдарм на южном берегу по всему протяжению длинной цепи озер Вуоксы. Об этом будет подробнее рассказано далее.

1 декабря вслед за советской 142-й дивизией границу перешли части 49-й. Следующей за ней снялась с промежуточных мест дислокации 150-я стрелковая дивизия, а также приданные восточной группе войск артиллерийские дивизионы. С этого момента вся масса войск со всей техникой и обозами напрочь забила дороги, потеряв темп продвижения и гибкость маневра.

Длинные и уязвимые с флангов колонны машин, людей, гужевых повозок и танков РККА медленно тянулись по узким финским дорогам. К сутолоке и неразберихе, которые преследуют любое воинское соединение, в один момент тронувшееся с места дислокации, добавлялись действия мобильных финских групп. Единственный выстрел противника из заснеженного леса либо случайный подрыв на mine мог остановить колонну на несколько часов. Разбор завалов из деревьев и обезвреживание минных ловушек также нисколько не ускоряли и без того не быстрое продвижение. Первые записи в журналах боевых действий перешедших границу частей констатировали: *«В 23.00 группой белофиннов неизвестной численностью был сделан налет на штаб полка. В результате перестрелки один красноармеец был убит и один ранен. Противник скрылся»* (15-й СП 49-й СД). *«Несколько красноармейцев полка впервые попали на мину. Три человека взрывом мины были ранены»* (212-й СП 49-СД). *«Все дороги минированы, что сильно задерживает темп наступления на лесисто-болотистой местности»* (19-й СП 142-й СД)⁷.

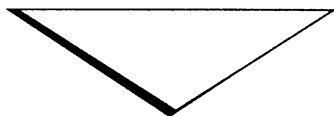
Из-за всех этих факторов для полной концентрации ударной группировки у водной преграды, которую представляла река Тайпалеен-йоки, потребовалось два дня. Только к четвертому де-

кабря, когда в районе Метсяпиртти сосредоточилось большинство войск, разведчики начали прощупывать берег реки.

Красноармейцам, вышедшим к реке, предстал унылый пейзаж долины Тайпалеен-йоки. Еще не успевшая замерзнуть река несла свои черные воды к Ладожскому озеру. С безлесых холмов Метсяпиртти были хорошо видны ее оба берега, поросшие мелким кустарником. Вдали, за рекой, черно-зелеными пятнами среди белых полей зимним сухим шумом шевелились сосновые рощи. За покрытыми неглубоким снегом полями, на которых торчали редкие дощатые сараи, узкой полосой виднелся сплошной лес. Над всем этим пейзажем до звона в ушах властвовала тишина, которая всегда сопутствует поздней осени и ранней зиме. Через несколько часов тишину сменил шум многотысячного войска, занимавшего позиции к югу от реки.

А в тридцати километрах западнее, к Кивиниеми, к узкой протоке между озерами Суванто-ярви и Вуокса с повисшими над ней железнодорожным и шоссейным мостами, уже подходили части 90-й дивизии Красной армии, готовые со всеми приданными им танковыми батальонами форсировать незамерзающую порожистую воду, отделяющую их от финнов.

К тому времени, когда все наступавшие советские войска уперлись в еще не успевшие замерзнуть вытянутые с запада на восток озера, в штабе 7-й армии и ЛенВО родилась идея о выделении частей 50-го стрелкового корпуса в отдельную группу войск. Теперь войска 49-й и 150-й стрелковых дивизий, а также 10-го танкового корпуса были объединены в «Северо-восточную особую группу». Командующим новой группой войск был назначен комкор Владимир Давыдович Грендаль.

Грендаль

Он родился 22 марта 1884 года в Финляндии, в пригороде Гельсингфорса, Свеаборге, в семье кадрового военного. С юных лет Володе Грендалю была уготована военная карьера, для достижения успехов в которой он был отдан родителями в Псковский кадетский корпус. Оставив за плечами свое первое учебное заведение и достигнув совершеннолетия, он отправился в Петербург, где его приняли в Михайловское артиллерийское училище.

Неудачная война с Японией принесла горькую весть — известие о смерти отца, полковника Давида Грендаля. Как следствие этой войны, Российскую империю впервые за много лет начали потрясать противоречия, вылившиеся в первые массовые недовольства правительством в 1905 году. Но империя устояла и, казалось, будет стоять незыблемо. Володе в то время не было никакого дела до политики, и он старательно учился и постигал науку артиллерийского дела. Его старательность и усердие не остались без внимания — после успешного окончания училища он был направлен продолжать учебу в Михайловской артиллерийской академии. Затем, после службы на разных должностях, грянул 1914 год, и офицер-артиллерист Грендаль был направлен на Германский фронт.

Похожая судьба была и у его младшего брата Дмитрия, выбравшего, как и все мужчины своей семьи, карьеру офицера российской армии.

Именно там, в боине Первой мировой, полученные во время учебы теоретические знания впервые можно было применить на практике. Командуя батареей «специального назначения», на вооружении которой стояли тяжелые орудия, Владимир делал себе для памяти записи, чтобы впоследствии воплотить их в свои работы по баллистике и применению наземной артиллерии. Его усердие и

здесь не пропало даром — начальство не оставляло его без благо-склонного внимания, а учитывая то, что на войне вообще быстро делают карьеру, к достижению Грендалем возраста Христа он уже дослужился до звания полковника. Тяготы фронтовой жизни не прошли для Владимира бесследно — полученная легкая простуда переросла в бронхит с осложнениями, и через два года после нача-ла войны, в связи с плохим состоянием здоровья, он был отозван с фронта вблизи Риги обратно в Петроград. Он простился со своими боевыми товарищами по возглавляемому им 1-му морскому тяже-лому артиллерийскому дивизиону и отбыл в столицу.

Наряду с неудачами на фронте жизнь в тылу изо дня в день ухудшалась, призрак необратимого краха царской России уже вов-сю замаячил в городах и селах империи, и в октябре 1917 года кризис вылился в большевистский переворот.

Смена власти застала Владимира Грендаля на должности стар-шего производителя «артиллерийских опытов» на полигоне под Петроградом. Будущее было туманно, армия разваливалась на глазах, дальнейшая карьера была проблематична, и когда новая власть предложила ему сотрудничество, он, немного подумав, со-гласился. Менее чем через год он уже находился на Южном фрон-те, осуществляя деятельность по улучшению боевого применения артиллерии в боях против Врангеля в должности инспектора ар-тиллерии. Он участвовал в легендарных боях при штурме Переко-па, где штык к штыку позиции белогвардейских войск штурмовали части Красной армии и народной армии Нестора Махно. Оборон-явшаяся в Крыму Добровольческая армия имела на вооружении значительное количество танков и броневиков, зато Красная ар-мии имела перевес в артиллерийских орудиях. Как результат та-кого перевеса, участвуя в боях под Каховкой, Грендаль предложил бороться с танками противника путем наведения орудий на пря-мую наводку. Идея была одобрена и использована по максимуму. Таким образом, уже в 1920 году начала разрабатываться теория и практика противотанкового боя с применением артиллерии.

Позже, когда войска Белой армии Врангеля были вытеснены с Крымского полуострова и надобность в войсках батьки Махно

отпала, брат Грендаля Дмитрий, также вставший на сторону большевиков, командовал бронепоездом, который принимал участие в разгроме крестьянского войска Украины.

Новоиспеченного красного командира Владимира Грендаля захватила организационная деятельность, и он не покладая рук участвовал в формировании и обучении вновь создаваемых артиллерийских дивизионов Красной армии.

Как бы то ни было, но деятельность Грендаля была отмечена. Хотя комиссары с недоверием относились к военным советникам, имеющим значительный послужной список на службе в царской армии, и несмотря на общий провал операции по захвату «белопанской» Польши, он, как участник этой войны, был награжден золотым портсигаром, а после введения советским правительством первой боевой награды, получил на гимнастерку орден Красного Знамени. Вместе с ним в списке награжденных того времени значились Ворошилов, Буденный, Фрунзе, Чапаев, Котовский и многие-многие другие участники Гражданской войны, которых впоследствии пропаганда возвеличила в ранг легендарных военачальников периода становления советской власти. Грендаля был доволен. Он был востребован, он более чем лояльно проявил себя к новой власти, и она это заметила. Карьера офицера продолжалась.

Война закончилась, и его направили командовать артиллерией Киевского военного округа. Затем его снова отозвали в Петроград, на ту же должность начальника артиллерии. Советская военная машина набирала мощь, и для создания потерянного в результате революции звена грамотных офицеров необходимо было привлекать оставшихся в живых и хорошо зарекомендовавших себя специалистов «из бывших». В связи с этим Грендаля недолгое время пробыв начальником Академии артиллерии РККА, но в 1924 году его снова назначили на штабную должность — инспектором артиллерийских частей. Во время своего краткосрочного пребывания в качестве начальника высшего военного заведения Грендаля не удалось продвинуть идею широкообразовательного теоретического обучения курсантов. Он пытался всячески развивать обуче-

ние физико-математических предметов и активно сопротивлялся формированию строевого факультета. Но после нескольких конфликтов он ушел в войска, а президиум Высшего академического совета сразу же создал это отделение и упразднил детище Грендаля — баллистический факультет.

Полученная хроническая болезнь легких часто давала о себе знать, но он изо всех сил старался работать, лавируя среди постоянных проверок, чисток, недоверия и подозрительности, атмосфера которых начала расти в геометрической прогрессии после смерти Ленина.

Дослужившийся к тому времени до звания полковника, Грендаля имел за своими плечами солидный груз, привлекающий советские карательные органы. И когда летом 1929 года из Главного артиллерийского управления Красной армии ОГПУ начали арестовывать представителей «старой артиллерийской школы» по обвинению в организации контрреволюционного заговора, его арест был лишь вопросом времени.

В начале 1930 года *за ним пришли*. Казалось, его участь была решена. По плану следствия ему предназначалась не просто роль рядового участника антисоветского подполья, но руководителя и организатора группы заговорщиков. Через полгода десять его коллег по ГАУ были расстреляны и еще несколько получили значительные сроки заключения. А он... Он был отпущен на свободу!

Что послужило причиной его освобождения, останется навсегда на его совести. Просто так из застенков ОГПУ выбраться было нереально. Скорее всего, он пошел на сотрудничество со своими тюремщиками и обелял себя, очерняя других...

Возможно, этот арест повлиял на его дальнейшее понижение в должности, произошедшее в течение нескольких лет, начиная с 1930 года. В 1932 году его сместили с должности инспектора артиллерии как беспартийного, занимающего ответственный армейский пост, официально прикрыв этот поворот судьбы «состоянием здоровья». На должность инспектора назначили Николая Роговского, а Грендаля — его заместителем. Через какое-то время его

опять понизили, назначив на пост заместителя начальника Управления военных приборов.

На этом месте Владимир Давыдович просидел несколько лет, выезжая в войска для проверок, создавая отчеты и рапорты о состоянии артиллерийских частей. Вместе с общими политическими веяниями он клеймил троцкистов, осуждал англо-французских империалистов, славословил Сталина, то есть ничем не отличался от своих сослуживцев.

В середине тридцатых он прикрепил на воротник униформы второй ромб, соответствующий званию «комдив» и получил назначение стать руководителем кафедры артиллерии Академии имени Фрунзе. Благодарная должность, позволяющая писать статьи, изучать литературу, читать лекции и участвовать в написании учебников для курсантов-артиллеристов, была им использована полностью. В библиотеках академии появились написанные им методички для занятий в поле, его имя стало все чаще встречаться в списке имен составителей объемных теоретических трудов по применению артиллерии в современной войне, названия которых говорили сами за себя: «Уточненная стрельба», «Огонь артиллерии», «Полевая служба артиллерийского командования и штабов»...

Карьера его брата, Дмитрия, также проходила довольно благополучно. Примерно в это же время тот уже целиком посвятил себя авиации — и мог гордиться службой в одной части с Валерием Чкаловым.

В общем, артиллеристу Грендалю постоянно находилось применение. Всегда подтянутый и энергичный, обладающий значительными теоретическими и практическими знаниями, он всегда старался вникнуть в техническую сторону дела. Именно он подкинул Ворошилову идею возобновить организацию подготовительных военно-учебных школ по образцу дореволюционных кадетских училищ, и в роковом 1937 году пять средних школ в Москве были переведены на новую программу, готовившую старшеклассников к поступлению в высшие артиллерийские учебные заведения.

Одной из его основных идей стала интеграция артиллерии в другие рода войск. В результате его совместных с маршалом Тухачевским усилий были созданы специальные подразделения связи артиллерийских частей с пехотой и кавалерией. Его нововведенческие идеи, начиная от внедрения облегченной 76-мм пушки до алгоритмов точной стрельбы и так называемой инструментальной разведки, активно внедрялись в вооруженные силы Советского Союза. Он был регулярным докладчиком на сборах Военно-научного общества, где курсанты и командиры Красной армии могли приобщиться к последним теоретическим и практическим достижениям технической мысли применительно к задачам Народного комиссариата обороны.

Год 1937 стал последним для многих военачальников ранга Грендаля, не говоря уже о более низших чинах Красной армии. «Большой террор» Сталина, словно невидимые грабли, прошелся по всему командному составу вооруженных сил СССР, когда большая часть высшего командного состава РККА была расстреляна или отправлена в лагеря.

Несмотря на то, что шансов отправиться в застенки НКВД вторично у Владимира Грендаля было более чем достаточно, судьба благоволила к нему, и он успешно избежал чисток 1937—1938 годов. Беспартийный офицер, родившийся в Финляндии, имеющий за спиной солидный срок службы в царской армии и уже арестовывавшийся в 1930 году, он легко мог стать жертвой доноса в то время, когда более «правверные» и имеющие безупречный послужной список командармы арестовывались и отправлялись в лагерь, чтобы никогда больше не возвратиться. А личное знакомство Грендаля с такими видными советскими военачальниками, как Тухачевский, Якир, Эйдеман, вообще само по себе могло служить обвинением во вредительско-террористической деятельности, результатом чего могла стать такая же участь, как и у его сослуживцев. Но ему везло. Впрочем, то, что комдива-артиллериста не тронул ежовский аппарат, возможно было платой за то самое *сотрудничество*, позволившее ему выйти сухим из воды восемь лет назад. А может быть, сама сталинская политика определяла

такой ход действий — выдергивать наугад, не обращая внимание на заслуги или проступки. Это была смертельная лотерея, схожая с судьбой человека на фронте, — если сегодня пуля попала в соседа, значит, *сегодня* я еще буду жить...

Незадолго до начала финской кампании карьера Владимира Грендаля опять начала расти. В 1938 году он получил соответствующее генерал-лейтенанту звание комкора и одновременно с этим назначен заместителем начальника Главного Артиллерийского управления. Вместо расстрелянного предшественника пост начальника ГАУ занял молодой полковник Воронов, только что вернувшийся из командировки в Испанию и специально для этой должности также повышенный до, в его случае, внеочередного звания комкора. В своих воспоминаниях Воронов очень уважительно описывал свое отношение к своему подчиненному, который был и старше и опытнее. У них действительно возникли добрые отношения, причем Воронов всегда подчеркивал, что в силу своей молодости его технические знания и опыт уступали знаниям своего заместителя, у которого имелось профессорское звание и около трехсот работ по артиллерийскому делу.

И действительно, в кресле заместителя начальника ГАУ комкор Грендаль был незаменим как специалист, имеющий солидный багаж технических знаний, необходимых для общения с инженерами оборонных заводов, выполнявших заказы на изготовление опытных образцов орудий, совершенствования и изменения конструкторских чертежей.

С началом войны, сигналом к которой послужила утренняя канонада подтянутых к границе артиллерийских дивизионов, Грендаль со своим начальником отправились в действующие на Карельском перешейке войска. Им обоим было необходимо осуществить инспекцию эффективности стрельбы советских орудий после многолетнего отсутствия опыта крупномасштабного применения артиллерии.

Пришедший приказ о создании действующей на востоке Перешейка и состоящей из двух дивизий особой группы, и тем более назначение на должность командира этой группы комкора Грен-

даля, стали для него, да и для его начальника неожиданностью. Вероятней всего, он был первый из грамотных специалистов, кто попался под руку Мерецкову и Яковлеву, а военный совет во главе с Ворошиловым и Сталиным утвердил эту кандидатуру не глядя.

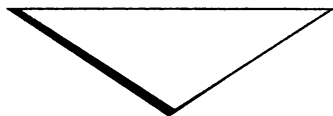
Недоумение Владимира Грендаля по поводу его назначения вызывало то, что у него не было, да и не могло быть опыта командования большими соединениями, особенно в период активных боевых действий. Как любой военачальник, он, конечно, был знаком с законами стратегии и тактики, но его опыт и знания в этой области ограничивались командно-штабными и полевыми учениями. Он был артиллерист, причем с техническим уклоном, и разработка масштабных операций с применением различных родов войск никогда не входила в его компетенцию. Кроме того, созданию группы войск не предшествовала никакая предварительная подготовка — не было самого штаба, подразумевавшего определенное наличие канцелярских работников, не было связи, не было никакого аппарата управления. Была группа назначенных старших командиров и был приказ, и отказаться от предложенного поста в самом начале войны, зная о мнительности и злопамятности «Отца народов», значило бы подписать себе приговор. Впрочем, на это можно было взглянуть и с другой стороны — война только началась, вверенные ему силы первыми достигли оборонительного рубежа противника, и при благоприятном стечении обстоятельств это назначение могло сулить повышение и признание его в качестве талантливого полководца. Одним словом, выхода все равно не было, и он отправился принимать должность в штаб 49-й стрелковой дивизии, который автоматически преобразовывался в штаб Северо-восточной особой группы войск.

Грендаль прибыл в расположившийся в Метсъяпиртти штаб дивизии в ночь с 4 на 5 декабря. Вместе с ним прибыл назначенный комиссаром группы инспектор политуправления Красной армии полковой комиссар Рябчий. В ту же ночь туда же прибыло еще несколько человек, назначенных на разные должности новоиспеченного штаба Северо-восточной особой группы войск или, как ее еще проще называли, «правой группы 7-й армии». Всем им во

главе с Грендалем накануне отправления в войска была вручена одна-единственная карта предстоящего театра военных действий и накоротко описана обстановка на фронте. В качестве последнего устного напутствия им было приказано готовиться к форсированию Тайпалеен-йоки.

В ту же беспокойную ночь на 5 декабря в штаб 49-й стрелковой прибыл сам командарм Яковлев. Оглядев присутствующих, он устно приказал начать форсирование 6 декабря 1939 года. С чем и убыл обратно в Агалатово, где находился штаб 7-й армии.

И оставшиеся начали готовиться. В их распоряжении были 19-й стрелковый полк 142-й дивизии, три полка 49-й дивизии, три полка подтягивавшейся 150-й дивизии, довольно внушительная группировка артиллерии и два понтонных батальона.

Предштурмовые хлопоты

Что послужило причиной того, что первый свой удар по прорыву линии Маннергейма советские войска решили нанести именно здесь, у Тайпале? На этот счет существует несколько версий, каждая из которых имеет право на существование и может подтверждаться различными аргументами.

Согласно первой, удар был нанесен из-за того, что войска 49-й и 142-й стрелковых дивизий первыми вышли к финской оборонительной линии. В то время как их коллеги еще вели бои на юго-западе, пытаясь уничтожить мобильные группы противника, пробивались к Териоки и Кивеннапа, вели жестокий бой за Райволу и Липолу, здесь все предполье вражеской обороны уже было оставлено позади. В тылу подразделений Красной армии практически не оставалось неприятельских войск, способных оттянуть на себя значительные силы.

Согласно второй версии, очень вероятно, что командование РККА знало или догадывалось, что финны ожидают его удара сначала именно в районе Суммы, на выборгском направлении. Следовательно, там они должны были сконцентрировать наибольшее количество сил, да и укрепления там должны были представлять собой большую мощь, чем здесь. Ударом по Тайпале подразумевалось предпринять обманный маневр, надеясь оттянуть сюда финские резервы с Суммы, являвшейся ключом к Выборгу, и тем самым ослабить оборону на направлении второго по величине города Финляндии.

Существует еще и третья версия, которая не подтверждена почти никакими документами и имеет право на существование исключительно в качестве предположения.

К исходу первой недели войны весь мир узнал о создании в поселке Териоки «народного правительства Демократической

Республики Финляндии» во главе с коммунистом Вилли Отто Куусиненом. И несмотря на то, что во всех советских газетах Терийоки именовали «городом», несуразность этого определения небольшого курортного местечка была слишком вызывающей. Новому «правительству» был нужен город. А новому марионеточному государству, о создании которого строили планы Сталин и Жданов, нужна была столица, пусть и провинциального масштаба. Ни Выборг, ни Хельсинки в силу своего географического положения и исторических корней не могли быть выбраны в качестве главного города «демократической Суоми».

А Кякисалми, или Кексгольм, как ни один другой город удовлетворял всем условиям. По договору, который, кстати, планировалось подписать Жданову и Куусинену именно в этом городке, к Финляндии отходила практически вся советская Карелия. Претворись эти планы в реальность, город стал бы находиться почти в центре нового территориального образования. Кроме этого, через Кексгольм проложены железнодорожная и шоссейная магистрали, что обеспечивает его связь как с Россией, так и с Финляндией и Карелией. И еще одним преимуществом являлось то, что он находится на берегу Ладожского озера, которое после победы Красной армии должно было стать «закрытым» от доступа других, враждебных империалистических стран водоемом.

Что же касается исторических корней города, то, в отличие от всех крупных городов Финляндии, Кексгольм чуть ли не единственный был основан православными карелами, и древняя крепость Корела была тому подтверждением. Да и население восточной части Карельского перешейка имело достаточно русских или по крайней мере православных предков, что можно было наблюдать как во многих именах и фамилиях, так и топонимических названиях. По иронии судьбы в названии деревеньки Теренттиля на берегу Тайпалеен-йоки тоже легко угадывались русские корни.

Несмотря на то что договор между Куусиненом и Молотовым был подписан 2 декабря 1939 года не в Кякисалми, а в Москве, важность поставленной перед Северо-восточной особой группой войск задачи не уменьшалась. Война только началась, и дальней-

шее развитие событий должно было воплотить планы в реальность. А почему бы и нет?

Финские же силы, дислоцированные в этой части Перешейка, были сведены в III армейский корпус под командованием генерала Эрика Хейнрикса. Начало войны для пятидесятилетнего генерал-майора не было первым боевым опытом. Как и большинство финского генералитета, он начал армейскую карьеру в Первую мировую войну, когда молодым человеком двадцати пяти лет от роду вступил в 27-й егерский батальон, в большинстве своем состоявший из финнов и сражавшийся на стороне Германии на Восточном фронте. После объявления Финляндией независимости он вместе с сослуживцами-егерями прибыл в раздираемую гражданской войной страну. Прибытие ветеранов 27-го батальона и послужило началом создания финской Белой гвардии, положившей конец распространению революционных идей в стране. Во время финской гражданской войны Хейнрикс успел покомандовать батальоном, получить в 1919 году звание подполковника, и через шесть лет отбыть на учебу во французскую военную академию. Потом были разные военные посты, в числе которых была должность командира 1-й дивизии финских вооруженных сил, не особенно быстрое, но и не очень медленное повышение в званиях. Его последней перед нападением Советского Союза на Финляндию должностью было место инспектора пехотных соединений.

Как уже было сказано, в доставшийся ему в подчинение корпус входили две пехотные дивизии, 8-я и 10-я, а также несколько отдельных батальонов и рот. Подавляющее большинство личного состава этих дивизий прибыло из внутренних областей Финляндии. Способ комплектования соединений финских вооруженных сил осуществлялся по территориальному принципу. К примеру, один полк мог состоять почти целиком из уроженцев губернии Коувола, а другой — Ювяскюля. Опять же, как упоминалось, непосредственно из жителей приграничных приходов Рауту, Метсяпиртти и Саккола были сформированы всего три уже укомплектованных отдельных подразделения — 6-й отдельный батальон, группа «Метсяпиртти» и гарнизон береговой батареи «Ярисевя».

Линию фронта по Тайпалеен-йоки занимала 10-я пехотная дивизия, командир которой полковник Кауппила с самого начала боевых действий был предупрежден, что какого-либо существенного пополнения он получить не сможет. И Карл Густав Маннергейм, и весь его Генеральный штаб считали, что исход войны решается в Сумма, и в район Тайпале они не смогут направить ни одного дополнительного батальона.

Части 10-й дивизии располагались на участке от Саккола, расположенной в западной части побережья Суванто-ярви, до самой Ладоги и состояли из 28-го, 29-го и 30-го пехотных полков. И если по берегу озера подразделения 29-го полка занимали удобные сухие возвышенности, то у основания полуострова у Тайпале, где дислоцировались 30-й и 28-й полки, ввиду того, что грунтовые воды здесь пролегают очень близко к поверхности почвы, окопы местами представляли собой лишь немного углубленные мелиоративные траншеи. Для того чтобы окопы все-таки могли скрывать человека, высота их брустверов увеличивалась за счет стенок из натасканных булыжников. Сужающуюся часть полуострова Коуккуниemi, окаймленную Тайпалеен-йоки, финны оставили в качестве ничейной территории, выставив там только небольшие группы дозорных. Это была низкая, плоская и почти лишенная леса земля.

Там, за рекой и лесом, финские солдаты уже ждали первого удара. В ночных дозорах они, затаив дыхание, прислушивались к выстрелам и шуму моторов, доносившихся с юга. Рассказы о первых боях и первых жертвах уже вызывали мысли о возможности смерти, но каждый гнал их от себя, считая что его-то как раз это и минует.

По обе стороны реки, в лагерях противников, молодые здоровые мужчины еще жили, смеялись, шутили, были загружены своими проблемами и заботами. Бесспорно, что почти у каждого из них немного сосало под ложечкой, когда они обращали свой взор туда, на противоположную сторону, в сторону врага. И каждый из них еще не представлял, что всего лишь через день, два, неделю или месяц он превратится в ничто, сметенный огненным шквалом войны.

5 декабря 1939 года разведгруппа 222-го стрелкового полка была обстреляна финнами в районе Неосаари, в результате чего погиб один красноармеец. Его похороны были торжественным образом организованы полковыми инструктором пропаганды и политруком. Понятно, что перед стремительным броском через реку бойцам надо было создать соответствующее настроение в духе смертельной ненависти к «белофинским бандитам». Но сам факт этих торжественных похорон, равно как и приказ командира 49-й стрелковой дивизии об организации последних проводов, говорит о том, что никто в РККА еще не представлял, в какие потери выльется финская кампания в недалеком будущем:

«..Всем частям иметь журналы для регистрации всех погибших в боях с подробным указанием автобиографических сведений, точного домашнего адреса и краткого описания обстановки при которой погиб»⁸. Не пройдет и пары дней, как в этот приказ придется вносить существенные корректировки...

Согласно составленной после войны справки начальника штаба Северо-восточной особой группы войск комбрига Голушкевича, данные о противнике выглядели следующим образом: *«Было достоверно установлено, что перед наступавшим в предполье 19-го стрелкового полка находились подразделения 2-го егерского батальона финской армии (по документам, найденным на убитых и по частной корреспонденции, захваченной в почтовой конторе в Метсяпиртти). Больше никаких сведений о частях противника не было. Данные об укреплениях на сев. берегу р. Тайпалеен-йоки имелись только согласно карты разведотдела ЛенВО (в действительности оказались весьма неточными). Воздушной разведки расположения противника не производилось ввиду нелетной погоды. В районе Тало-Неосаари еще находились небольшие подразделения боевого охранения противника. Данных о характере и свойствах речной преграды никаких не было. Войсковая разведка противника была организована неудовлетворительно: было известно только, что попытки наших разведгрупп приблизиться к реке встречались пулеметным огнем»⁹.*

Комбриг конечно же в некоторых фразах кривил душой. Данные о характере водной преграды были собраны в течение 4 и 5 декабря, причем в некоторых случаях финны ставили препоны к сбору информации, а в иных вообще не препятствовали выходу советских бойцов на берег реки, дабы не обнаруживать своих огневых точек раньше времени. В журнале боевых действий 1-го отдельного саперного батальона 49-й дивизии от 4 декабря 1939 года имеется следующая запись: *«Батальон готовится к устройству переправы при форсировании реки Тайпалеен-йоки. Командир части капитан Зыкин И.А., лейтенант Кононов, Чмутов, нач. штаба ст. лейтенант Шелков А.Е. с группой бойцов производили инженерную разведку реки Тайпалеен-йоки на предмет устройства переправы при форсировании реки. При производстве разведки противник не обстреливал»*¹⁰.

Для форсирования реки в первом эшелоне было решено выдвинуть 15-й стрелковый полк 49-й дивизии, назначив его удар главным в районе финского парома, у Неосаари, назначив в этом районе «переправу № 1». Несмотря на удобства подъезда (к месту предполагаемой переправы вела паромная дорога), вокруг парома на полкилометра была открытая местность, не позволявшая войскам скрытно осуществить выдвижение к воде. Согласно описанию результатов разведки капитана Зыкина, в месте парома оба берега Тайпалеен-йоки довольно пологие и песчаные, ширина реки составляет 180 метров, а ее глубина у берегов 2—3 метра, а на середине реки — 6—7 метров. От внимания инженерной службы не ускользнуло и быстрое течение, составляющее 1,3 метра в секунду.

Левее 15-го полка бросок через реку должен был осуществлять 222-й стрелковый полк того же соединения. Условия его переправы, названной «переправой № 2», были хуже, чем у соседа с правого фланга. Подходы к месту броска через водную преграду были открытыми уже не на пятьсот, а на восемьсот метров, а глинистый берег реки возвышался над водой пятиметровым обрывом с уклоном 45 градусов. Единственным преимуществом этого места была меньшая ширина реки, составляющая 145 метров, и

наличие речки Виись-йоки, позволявшей скрытно подвести личный состав поближе к исходной позиции. Глубина же и скорость течения реки здесь были такими же.

Самый восточный участок фронта, у южной оконечности Коуккуниemi, занял 19-й стрелковый полк 142-й дивизии. Вокруг намеченной «переправы № 3» на несколько километров простиралось ровное, без единого деревца поле, бывшее когда-то дном озера Суванто-ярви. Берега реки на этом участке были невысокими и пологими, а течение гораздо спокойнее, чем в местах двух других переправ.

За готовившимися к переброске через Тайпалеен-йоки частями выстроились 6-й и 7-й понтонные батальоны для наведения переправы, а за ними — подразделения 150-й дивизии, подготавливаемые для развития успеха. Если, конечно, этот успех будет иметь место...

Декабрьский день очень короток, и за светлое время суток одного дня все подготовить конечно же не удалось. К трем часам дня 5 декабря, когда зимнее небо уже поворачивало к сумеркам, в Метсяпиртти прибыл *Командарм-7* Яковлев и командующий Ленинградским военным округом Мерецков. Грендаль подробно описал им обстановку и взмолился о переносе сроков форсирования хотя бы на один день.

Мерецков покивал головой и после короткого совещания с Яковлевым разрешил сдвинуть начало операции на 7 декабря. Обрадованный Грендаль сообщил об изменении даты командирам готовившихся к операции полков, с тем чтобы они тщательно подготовились за завтрашний день. Выделенные дополнительные двадцать четыре часа предоставляли возможность подготовиться к преодолению Тайпалеен-йоки должным образом и по всем правилам военного искусства.

Но не тут-то было.

В одиннадцать часов ночи в штабе Грендаля зазвонил телефон. Подняв трубку, он услышал голос Мерецкова, сообщавший что наступление должно начаться утром 6 декабря. Возражения о недостаточной подготовленности войск Мерецков отверг, ссылаясь на полученный из Москвы приказ.

ПРИКАЗ

Народного комиссара обороны командующему войсками Ленинградского военного округа о переходе в наступление частей 7-й армии

№ 295/оп, 5 декабря 1939 г.

Приказываю:

1. 6 декабря с рассветом решительно форсировать реку Тайпалеен-йоки, быстро выбросить на левый берег 49-ю стрелковую дивизию и вслед за ней 150-ю стрелковую дивизию и выйти во фланг и тыл укрепленного района.

2. Одновременно 6 декабря с рассветом 90-й 142-й стрелковым дивизиям перейти в решительное наступление к северу от Кивиниеми прорвать расположение противника на основном его рубеже с основной целью выхода в тыл противнику. О получении приказа и отданных распоряжениях немедленно донести

Народный комиссар обороны К. ВОРОШИЛОВ

Начальник Генерального штаба Б. ШАПОШНИКОВ¹¹.

На подготовку оставалась ночь. Успевших уже заснуть командиров и начальников штабов полков 49-й дивизии опять вызвали к Грендалю. Дальше по цепочке приказ ушел в батальоны и роты. Сон отменялся. Заснувший было южный берег Тайпалеен-йоки, занятый частями РККА, ожил. К реке стали подносить лодки, на берегу стали долбить землю под огневые позиции. Орудия и автотранспорт с понтонами подтягивались ближе к местам предстоящих переправ. Суетились все — саперы со своими лодками модели «А-3», артиллеристы из Резерва Главного Командования, суетились замерзшие и невыспавшиеся пехотинцы из стрелковых взводов. К десяти часам утра 6 декабря 1939 года все должно было быть готово к началу операции по преодолению реки.

День независимости

Почему мы все так верим в неслучайность совпадений дат и событий? Открытие могилы Тамерлана и начало Великой Отечественной, одна и та же дата нападения на Россию войск вермахта и полков Наполеона... Есть ли в этом всем особый смысл или это всего лишь ирония случая? Любая дата есть понятие относительное, и можно бесконечно долго развивать идею о преднамеренности чисел календаря, но факт остается фактом: первый серьезный удар по оборонительной системе Финляндии был нанесен именно у Тайпале и именно в ее день независимости, 6 декабря 1939 года. День, который уже двадцать лет считался государственным праздником этой северной страны. К морозному утру этого дня почти все подразделения 49-й стрелковой дивизии РККА достигли южного берега Тайпалеен-йоки. Артиллерия догнала их и развернулась в боевой порядок. Части 150-й дивизии дышали в спину передовым частям. Казалось, ничто уже не сможет воспрепятствовать стремительному натиску советских войск.

Первый удар 49-й дивизии начался в начале девятого утра против участка фронта финского 28-го пехотного полка. Наступление началось с мощного артиллерийского обстрела по Неосаари и Коуккуниemi. Интенсивность огня была такой сильной, что отдельные снаряды достигали Вилаккала, что в восьми километрах от фронта. В одиннадцать часов утра советские танки подошли к холмам Неосаари, последнему населенному пункту на правом берегу Тайпалеен-йоки, оставшемся в руках взвода финнов.

Два дня назад занимавший позиции вдоль линии «Умпи-лампи» взвод финского 28-го полка не выдержал напора красноармейцев и отошел к Неосаари. Промерзнув там сутки, они переправились на северный берег, оставив территорию без какого-либо сопротивления и введя тем самым в ярость командира 10-й пехотной дивизи-

зии полковника Кауппила. Он тут же приказал взводу немедленно перебраться обратно и занять позиции на правом берегу.

Приготовившаяся к неминуемой смерти группа переправилась назад. Но вместо того чтобы погибнуть от русских пуль, солдаты с удивлением и радостью обнаружили, что покинутые позиции так и не были заняты войсками неприятеля. Сутки холмы Неосаари оставались ничейной территорией. Более того, невнимательность советских наблюдателей позволила финнам осуществить переправу через реку как минимум три раза.

Группа последних защитников южного берега Тайпале засела на высотках и была вплотную прижата к водной поверхности еще не схватившегося льдом Ладожского озера и реки Тайпалеен-йоки с фланга. Ожидая наступление пехоты, взвод финнов с ужасом увидел что против них двинулись танки из приданного 49-й дивизии РККА танкового батальона. Учитывая, что к этому моменту канонада гремела уже по всему фронту, финны, ни минуты не сомневаясь, рванули со своих позиций на спасительную северную сторону реки.

Впоследствии командир взвода Вуоле-Апия, одним из последних покинувший территорию предполья на востоке Перешейка, описал события того дня у реки, способной, по его мнению, тогда стать рекой «Туонелан-йоки», некоего аналога греческого Стикса, отделяющей царство живых от потустороннего мира следующим образом:

«Наш взвод находился на высотах Неосаари с самого начала войны, и личный состав был довольно сильно измотан. Противник во что бы то ни стало пытался выбить нас на северный берег реки у Силанпя. Я запросил разрешение на отход сначала всех солдат взвода, а затем и пулеметчиков, так как эффективно сопротивляться уже не представлялось никакой возможности. Получив разрешение, мы решили переправиться у порога Кемп-пилянкоски, где по нашим сведениям должны были находиться три лодки. Когда наша первая группа подошла к берегу (вторая группа еще находилась в Неосаари), то мы увидели, что две лодки были разбиты огнем артиллерии, а третья находилась на дру-

гом берегу. Мы стали громко кричать, но нас не слышали. Ширина Тайпалеен-йоки в этом месте достигала ста метров, и переправа вплавь в ледяной воде не сулила ничего хорошего. Противник находился непосредственно рядом с нашими высотами, на которых наш отход прикрывало несколько человек. Мы уже начали раздеваться, как неожиданно к нам на помощь пришла лодка. Капрал Хюнюнен подал нам знак, и под минометным обстрелом мы были переправлены на тот берег. После этого так же были переправлены группа Хюнюнена и замыкающая группа прикрытия. В момент переправы на бреющем полете над самой водой пролетели три самолета противника, которые не сделали ни одного выстрела. Вероятно, они приняли нас за своих. Отступление прошло удачно, как будто воды реки нас оберегали. Как только мы переправились на свой берег, на том берегу показались русские солдаты...»¹².

Интересно отметить, что согласно справке комбрига Голушкевича, «наша авиация не летала, ввиду нелетной погоды. Противник же все время посылал для разведки один самолет, летавший с большим искусством в условиях высоты и потолка не более двухсот метров»¹³.

Скорее всего, те три самолета, что видели отступавшие финны, были всего-навсего одной крылатой машиной ВВС Финляндии, трижды пролетевшей над ними и узнавшей в них своих.

Ну а тем временем вследствие отхода арьергарда противника с южного берега все подступы к линии Маннергейма у Тайпале оказались в руках советских войск. Следующим их шагом было форсирование реки...

Несмотря на то что окончательная подготовка к форсированию реки не была завершена, в 10 часов утра (лишь рассвело) началась предшествующая переправе артиллерийская подготовка.

Как и было задумано накануне, переправу штурмовых групп решили осуществлять в трех, наиболее узких местах реки — на южной оконечности Коуккуниemi (19-й стрелковый полк), на изгибе реки напротив «Алказара» (222-й стрелковый полк) и в районе, где у финнов функционировала паромная переправа

(15-й стрелковый полк). Бессонная ночь дала свои результаты. За день до операции саперы подогнули по Вийс-йоки, являющейся притоком Тайпалеен-йоки, надувные резиновые лодки и плоты. У подразделений Красной армии все было готово к переброске десанта, который должен был обеспечить защиту двух понтонных батальонов во время их работы по наведению мостов.

В узкие бойницы четырех пулеметных казематов финские солдаты с напряжением всматривались в подготовительные действия противника. И когда чернеющие фигурки солдат противника потянулись к реке, словно муравьи неся с собой понтонное оборудование, пальцы обороняющихся легли на ручки пулеметов.

После четырехчасового артиллерийского обстрела левого берега красноармейцы ринулись в лодки. Течение сразу подхватило их и понесло к Ладоге, прямо вдоль финских пулеметных позиций. Когда до противоположной стороны реки оставалось не более пятидесяти метров, противник открыл огонь. Пули вспороли беспокойную поверхность воды и, очертя полукруг, стали приближаться к плывущим. Сначала первая лодка как будто споткнувшись, ткнулась носом в воду, опрокинув весь находящийся в ней личный состав, затем пули вспороли борт второй, полоснув по сидящим и не успевшим никак на это среагировать красноармейцам, а затем пошло и пошло... Резиновые лодки словно воздушные шары лопались от попавших в них пуль и отправляли в обжигающе ледяную воду группу за группой советских солдат. С каждой минутой потери переправляющихся росли в геометрической прогрессии. Шинели и тяжелое обмундирование оказавшихся в воде людей мгновенно тянули их на дно, не оставляя шанса выжить даже если бы по ним не стреляли. Пытающихся выплыть, матерящихся, кричащих в воде солдат безжалостно косили финские пулеметчики — с высокого и обрывистого северного берега реки им было все видно, как на полигоне. За какие-то полчаса на дно отправились десятки красноармейцев. А те, кому удалось достичь противоположного берега, стуча зубами от холода и страха, вжались в мерзлую глинистую землю.

Тем не менее с холмов Метсяпиртти, где располагался штаб группы войск, создалось впечатление, что на том берегу уже по-

казались первые бойцы штурмовых групп, и в дело можно пускать понтонеров. Командиры полков всего через 20—25 пять минут после начала операции уже бодро докладывали об успехе. Достаточно было бросить взгляд на карту, чтобы решить, что самым удобным местом для наведения наплавного моста было местоположение финского парома. Место узкое, подходы к реке удобные с обеих сторон, подъезд транспорта не затруднен. И плацдарм на том берегу, по мнению командующего 7-й армией, уже был создан. Не поставив в известность Грендаля, Яковлев отдал приказ о направлении к месту парома понтонеров для наведения моста.

Задача была поставлена 7-му отдельному понтонному батальону, который бодро подтянулся к реке навстречу своему уничтожению. Когда первые машины уже выезжали на берег, за лесом на той стороне реки глухо ухнули артиллерийские выстрелы, и прибрежный откос накрыли снаряды. Затем разрывы достигли колонны автомобилей, кося находившихся рядом людей. Спасаясь от неожиданного обстрела, бойцы сломя голову бросились врассыпную, ныряя под машины, в кусты и придорожные канавы. Осколки с металлическим лязгом дырявили металл грузовиков и понтонов. Те, кто в числе передовых экипажей оказался у реки, были взяты на мушку финских пулеметов. Пули с визгом полоснули по людям, швырнув их в прибрежную темную воду. Успевшие залечь в безопасных местах понтонеры, стиснув зубы, наблюдали, как их брошенные грузовики с оборудованием один за другим разрывало в клочья, оставляя на дороге горящие остовы в лохмотьях покоренного металла. Сброшенное же в реку, но так и задействованное оборудование уже спасти не удалось. Течение неторопливо развернуло три изрешеченных понтона и утянуло на дно.

Только ночью, когда обстрел прекратился, уцелевшие и поврежденные машины с пробитыми шинами, на ободах, развезли по придорожным укрытиям... В дальнейшем вследствие людских и материальных потерь седьмой понтонный батальон мог служить только в качестве дополнения к более удачливому шестому...

Видя бесполезность усилий и значительное число убитых и раненых, в шесть часов вечера переправу прекратили. В это время

напротив парома, прямо через реку от пытавшихся навести переправу саперов, у «леса Пярсинена», осталось до роты красноармейцев из 15-го полка 49-й дивизии, которых миновала смерть во время форсирования реки. Выпрыгнув из лодок с уже изрядным количеством раненых, они буквально вгрызлись в обрывистый северный берег, сосредоточившись в «мертвых» зонах, куда не достигал огонь финских пулеметов. Дальнейшее продвижение в первую очередь сталкивалось с препятствием именно природного характера — высоким берегом реки. Любая попытка взобраться на гребень обрывистого откоса пресекалась прицельным огнем противника. Переправлять в этом месте следующие подразделения красной пехоты было равносильно преднамеренному самоубийству. Через некоторое время финны начали контратаку и в течение последующих двух дней все бойцы из 15-го полка в районе парома были сброшены в реку. На тех же лодках, на которых они сюда переправились, красноармейцы вернулись обратно на свой берег. Обстрел с финской стороны не прекращался, и поэтому некоторым из бойцов завершающие метры реки приходилось преодолевать вплавь, преодолевая боль от холода в коченеющем теле. Те, кто сопротивлялся финской контратаке, проявляли чудеса находчивости и героизма, но видя бесперспективность дальнейших прорывов, откатывались на правый берег.

«Потери полка за 6, 7 и 8.12.1939 убитыми и ранеными и контуженными 278 человек. Смертью храбрых в исторической переправе погибли герои родины командир 7-й роты ст. л-т Калинин, политрук Ковалев, политрук Шпанов, командир взвода Котов.

В бою за переправу через р. Тайпалеен-йоки показали самоотверженность и смелость командиры, политработники и бойцы.

Красноармеец Иванов 7-й стрелковой роты, переправившись через реку Тайпалеен-йоки и будучи послан в разведку попал в окружение противника. Видя неминуемую гибель, т.Иванов притворился мертвым и этим обманул противника и вышел из окружения. Доложив командиру роты о положении противника, он был послан с донесением в штаб полка. Это была героическая переправа через реку Тайпалеен-йоки. В ледяной воде, на бревне,

под огнем противника он доставил в штаб полка ценные сведения о положении противника и состоянии своего подразделения. Представлен к награде правительства.

Красноармеец Максимов А.П., находясь под сильным артогнем противника, выкатил свои пулеметы на открытые позиции, метким огнем подавил две огневые точки противника, чем обеспечил переправу всей роты через реку. В этом же бою он под сильным огнем противника стойко и мужественно управлял взводом, обеспечивая пулеметным огнем переправу батальона.

Красноармеец Гаврилов под сильным артиллерийско-пулеметным огнем противника первым высадился на левый берег, двигаясь в передовой группе. Находясь в 7-й стрелковой роте в течении 3-х дней в окружении противника, своим мужеством подавал пример бойцам, чем способствовал неоднократному отражению атак.

Товарищ Буреевский в бою 7.12.1939 мужественно и храбро руководил своим отделением. Тов. Буреевский отразил две атаки наступающего противника и за мужество и героизм представлен к правительственной награде»¹⁴.

Переправа номер два, осуществляемая силами 222-го стрелкового полка в километре к западу от первой, началась ровно в полдень серого декабрьского дня. Как и в случае с 15-м полком, большинство лодок были повреждены еще в момент подтаскивания их к кромке воды. Всего для переправы двух стрелковых батальонов было подготовлено двадцать лодок. Переправлявшийся первым 3-й батальон первым и принял на себя удар из ДОТов с противоположного берега.

Учитывая то, что пулеметные очереди финнов продырявили четырнадцать лодок еще на берегу, в первом рейсе их участвовало шесть штук. Одна из лодок с командой саперов из отдельного саперного батальона 49-й дивизии была повреждена аккурат на середине реки. К счастью находившихся на ней бойцов, большая часть из которых была ранена, лодка не полностью затонула. Промокшим, но оставшимся живыми и невредимыми красноармейцам удалось кое-как прибить свое переправочное средство к берегу и вынести

на руках выбывших из строя сослуживцев. Пока вытаскивали раненых, лодка отошла от берега метров на двадцать и оставшийся в ней боец Петров-Назаров в полном снаряжении плюхнулся в воду и доплыл до спасительного прибрежного песка. Четвертый и пятый рейсы десанта осуществлялись уже на трех лодках. Затем выбыла из строя еще одна. Как гласят записи полка, «...*большая часть третьего и весь второй батальон переправлялись на двух лодках*»¹⁵.

Так же, как и у 15-го стрелкового полка, продвижению вперед мешал плотный огонь финнов и крутые глинистые берега реки в месте выброски штурмовой группы. Начавший переправляться первым в час дня 3-й батальон оставил на каменистом дне почти весь свой личный состав, включая командира батальона старшего лейтенанта Михаила Дударенко. Через два часа после начала смертельно опасных челночных рейсов в лодки попрыгали красноармейцы второго батальона под командованием капитана Василия Нетребы. Скорые декабрьские сумерки помогли его подразделению избежать таких катастрофических потерь, каковые оказались у предыдущей группы. Основная масса солдат была переправлена в темноте. К полуночи Нетреба установил телефонную связь с правым берегом и доложил о закреплении на крошечном плацдарме.

Оставался еще один батальон, первый стрелковый батальон 222-го полка. Его переправу решили отложить на следующий день.

Из всех форсирующих реку частей больше других повезло 19-му полку. Местом переправы ему была назначена южная оконечность Коуккуниemi, в километре-полутора юго-западнее первоначальных двух участков форсирования Тайпалеен-йоки. Огонь пулеметов из ДОТов сюда не доставал, а финское охранение, увидев массу войск противника, стремящегося к реке, просто без боя покинуло свои позиции. К этим благоприятным условиям надо приплюсовать и определенную решительность кадрового состава полка, получившего боевой опыт в течение первой недели войны.

Без боевого охранения финнам оставалось только открыть артиллерийский огонь в попытках воспрепятствовать переброске передовых групп полка.

Ветеран 19-го полка В.В. Ткачев вспоминал: «*Наши выбегают на поле и бегут к реке, а тут финская артиллерия начала шрапнелью стегать. Всех к земле и прижала. Я в тот момент с группой бойцов находился недалеко от траншеи. По ней и рванули к берегу. Выбежали на берег — саперов наших перебитых — уйма! Внизу — несколько двухвесельных лодок... И вот нас, тридцать два человека, оказалось на том берегу. Здесь были штабеля леса. Командую: «Рассредоточиться!» Укрылись за бревнами, а финн как даст по бревнам! Снаряд ряда три пробивает, потом бревна летят вниз. Сидишь и думаешь, как обвалится вся эта свалка и пойдет в реку, так нас и похоронит... Начали окапываться. Промокшие в реке дрожали от холода, согревало рытье окопов. К вечеру, под обстрелом, окопались, заняли оборону»¹⁶.*

Лишь только первые отделения доложили об успехе, к воде направились машины 6-го понтонного батальона. Нашлись смельчаки, которые под обстрелом вывели грузовики с понтонами к самому берегу Тайпалеен-йоки. В своих фронтовых заметках о таком герое писал Александр Твардовский. Рядовой водитель грузовика «ГАЗ-АА» Артюх сумел проявить мастерство вождения и, вилля груженой машиной между разрывами снарядов, привел свой автомобиль к берегу реки.

Как только понтоны были сброшены, отряд лейтенанта Павла Усова начал наводить наплавную переправу через kloчущую воду реки. За свои смелые действия и за тот успех, что обеспечили ему обстоятельства и роты 19-го стрелкового полка, лейтенанту было присвоено звание Героя Советского Союза. Фотографию молоденького красавца-лейтенанта с описанием его подвига до сих пор можно видеть в экспозиции Музея инженерных войск и артиллерии в Петербурге. Награда была получена по заслугам: любой человек должен был обладать изрядной долей отваги, чтобы, будучи абсолютно промокшим от пота и от ледяных всплесков еще не замерзшей реки, пинками подгонять отстающих солдат и, борясь со страхом, под градом осколков монтировать тяжелые понтоны. Три рейса туда и обратно через реку позволили разведывательному взводу 19-го полка занять

плацдарм на полуострове Коуккуниemi и прикрыть саперов Усова для наведения моста.

В городе Старая Русса до сих пор проживает участник описываемых событий — Тимофей Филиппович Балахматов. Он, пожалуй, последний, кто остался из тех, кто в декабре 1939 года на резиновых лодках переправлял штурмовые взводы 222-го полка на левый берег, кто мастерил из бревен плоты и перекидывал веревки через реку для организации парома. Несмотря на более чем преклонный возраст, он помнит, как они, побросав тросы, укрывались от финского обстрела, как снайпер убил их командира взвода, который выделялся на фоне серых шинелей белым полушубком, и как он ходил в разведку выяснять позиции противника. За участие в этих боях Балахматов был награжден орденом Боевого Красного знамени...

Нельзя сказать, что переправлявшиеся части Красной армии пассивно ожидали, когда их расстреляют засевшие на левом берегу реки стрелки противника. Пока первые штурмовые группы пытались переправиться, со своей стороны их прикрывали готовившиеся к форсированию подразделения. Существенную роль в форсировании реки сыграла артиллерия. Командир 116-го гаубичного полка майор Турбин даже получил досрочное звание полковника и звание Героя Советского Союза за то, что своими гаубицами обеспечивал огневой заслон атакующих войск. Начальник артиллерии 222-го полка старший лейтенант Добряков лично командовал четырьмя расчетами противотанковых пушек, установленных прямо на берегу реки и ведущих по финнам огонь прямой наводкой. Проблема была в другом. На момент начала операции огневые точки финнов, включая два злополучных ДОТа на изгибе Тайпалеен-йоки у устья ручья Муста-оя, разведаны не были. Поэтому стрельба советской артиллерии была, мягко говоря, гораздо менее эффективной, чем аналогичный огонь орудий финнов.

Тем не менее вопреки неприятельскому сопротивлению задача была выполнена, Тайпалеен-йоки форсирована и понтонная переправа наведена. Через день, скрупулезно подсчитывая оставшееся невредимым имущество, писарь 1-го отдельного саперного бата-

льона запишет: *«Из сорока лодок, имевшихся на двух переправах, отобрано пригодных пять, остальные оказались разбитыми»*¹⁷.

Дальнейшей целью советских войск стала проблема закрепления на захваченном плацдарме, а их противнику соответственно задача этот плацдарм ликвидировать. Несмотря на темное время суток, вся местность вокруг переправы была освещена — отступивший противник поджег крестьянские сараи. Трещущий огонь деревянных строений озарял передвигающихся короткими перебежками группы красноармейцев 19-го полка с винтовками наперевес, пытающихся пробиться к темному лесу в полукилометре от берега реки, чтобы выйти из-под зоны обстрела шрапнельных снарядов. Ни у советских, ни у финских солдат в этот момент не было четкого представления, где и как может нанести удар враг, поэтому участвовавшие в первом бою у Тайпале ветераны обеих сторон в первую очередь вспоминают ту суматоху, которая овладела ими.

В штабе финской 10-й пехотной дивизии тревожные вести об удачном прорыве русских вызвали страх потерять всю линию обороны. Неизвестно, всерьез ли Кауппила считал, что положение еще можно восстановить, или это была попытка показать вышестоящим начальникам, что оборона не сидит сложа руки, но в тот же день в 18.00 на передовую для противодействия противнику были направлены два батальона 30-го пехотного полка. Контратака первого батальона началась в пять утра на следующий день, 7 декабря. Второй батальон безнадежно опоздал, и его атака была предпринята вообще в час дня.

Обе контратаки оказались на редкость неудачными. Во-первых, распыленные силы финнов не соответствовали той группировке, которую успел сконцентрировать на полуострове 19-й стрелковый полк РККА. Во вторых, боевое охранение полка не спало, и финнам не удалось применить фактор внезапности.

Резервист из 3-й роты 30-го полка Лаури Котилайнен так вспоминал свой первый бой у деревни Кирвесмяки: *«Мы начали продвигаться, но по нам был открыт яростный огонь. Наша атака с фланга захлебнулась, а мы надеялись, что оттуда нас поддержат*

огнем. Осветительные ракеты чертовски слепили глаза. Когда мы достигли кричащих на финском языке фигур, прапорщик Тойвонен послал разведку выяснить обстановку. По радиостанции донеслось на финском: "Здесь наши". Мы продолжили подход к позициям противника. Наша рота должна была ударить с правого фланга, сконцентрировавшись на самом его краю. Расположенная посередине вторая рота наткнулась на сопротивление и существенно замедлила свое продвижение. Мы продолжали двигаться вперед. Направление атаки сместилось, и к нашей досаде, сообщения об окружающей нас ситуации мы не получили. Внезапно с края леса по нам был открыт огонь. Мы принуждены к земле и стали пытаться отвечать на выстрелы. Край леса затих, но теперь яростный огонь открылся с расположенного справа поля. Мы изменили направление атаки и попытались окружить стреляющих. Это было безнадежно. Противник появился со всех сторон, и мы сами чуть не оказались в окружении. Поле было усеяно вражескими ячейками. Мы услышали приказ отходить из зоны обстрела. Это было мудрое решение, так как атаковать окопавшихся солдат без гранат было бы безумием.

Заметив наш отход, противник стал контратаковать. Унтер-офицер Маннинен и я остались прикрывать отходящих, и хотя мы стреляли по массе солдат противника, задержать их все-таки не смогли. Противник накопил в Коуккуниemi такие силы, что весь наш батальон надо было бросать против его пехоты и танков»¹⁸.

Таким образом, продвинувшись от основной оборонительной линии на километр по направлению к южной оконечности Коуккуниemi, финские группы наткнулись на яростное сопротивление советских солдат и были вынуждены отступить. Красноармейцы заняли все уцелевшие и полуразрушенные постройки, превратив их в огневые точки. В результате этой контратаки финны потеряли около тридцати человек убитыми и сорока ранеными, что для первого дня боевых действий в этом районе для них оказалось не просто ощутимо, но вообще явилось серьезным потрясением. Кроме того, наиболее неприятной вещью для обороняющихся ста-

ло то, что большая часть погибших остались на территории, занятой противником, что делало невозможным ни точно подсчитать потери, ни отпеть и отправить тела в последний путь на родину. Через несколько часов после первой стычки в бой был направлен прибывший с опозданием второй батальон 30-го полка, который тоже откатился назад с потерями.

Оперативная обстановка показывала, что преодоление водной преграды частями советской армии стало свершившимся фактом, который изменить финны не смогут уже никогда. В связи с этим командиры 30-го и 28-го пехотных полков получили указание прекратить попытки выбить русских с плацдарма, выровнять линию фронта и отправить часть своих подразделений в резерв. По сути дела, «выровнять линию фронта» для них означало просто занять подготовленные предвоенные опорные позиции и ждать удара с юга, не пытаясь контратаковать на плоской и поросшей редколесьем земле Коуккуниemi. С этого момента основная конфигурация фронтовой передовой на Тайпале совпала с оборонительной полосой финнов. Позиционная война на Тайпале стала реальностью. Но угроза прорыва оставалась все равно, и к фронту был переправлен еще один пехотный полк — 23-й, из 8-й пехотной дивизии.

Из суетолики и неразберихи первого масштабного соприкосновения противоборствующих сторон в штабе комкора Грендаля стали вырисовываться первые наброски оборонительной линии противника. Она перерезала выступ Коуккуниemi у основания, и переправа через реку совсем не означала ее прорыв. По-прежнему Мерецков и Яковлев считали, что во всей обороне финнов важную роль играет «крепость» — «Улицкий шанец», о котором имелись сведения в советских источниках. Ни тот, ни другой, ни остальные командиры Красной армии в глаза не видели этой крепости, строя свои предположения исключительно из-за деятельности финской батареи «Каарнайоки», чьи снаряды прилетали примерно с того направления.

Несмотря на то, что в одном месте через реку уже была сооружена наплавная переправа, 7 декабря в месте форсирования

222-го полка еще продолжались попытки переброски последнего батальона, оставшегося в тылу. По записям журнала боевых действий: *«В 12.00 подошел к переправе 1-й батальон и был встречен сильным ружейно-пулеметным огнем противника... Часть батальона была переправлена под сильным огнем противника понеся большие потери. Командир полка тов. Борисов отдал приказ переправу прекратить, оставшимся подразделениям и части 1-го батальона ночью пойти в обход на переправу 19-го СП»*¹⁹.

Как уже говорилось, в месте неудачной выброски 15-го стрелкового полка на второй день боев командиры пытались организовать ликвидацию плацдарма и эвакуацию оставшихся в живых и раненых на свой берег... В течение ночи бойцы отражали финские контратаки, и в конце концов «лес Пярсинена» был окончательно оставлен красноармейцами.

На второй день боев на Тайпале, наспех обработав первые донесения о характере обороны, командование Правой группы 7-й армии РККА подвело неутешительные итоги. 15-й полк сумел переправить в районе финского парома только две стрелковые роты. Остальные подразделения полка под огнем противника даже не сумели спустить свои переправочные средства. 222-й полк на своем участке смог переправить только пять рот. Не успевшие переправиться роты залегли на берегу под огнем финнов. 19-й стрелковый, самый удачливый и «пробивной», сумел создать плацдарм на вражеской территории и к седьмому декабря значительно его расширить. Успех успехом, но потери первого дня форсирования реки были близки к катастрофическим. Ударный 19-й полк, мужественно сражавшийся и отстоявший плацдарм в Коуккуниemi, необходимо было менять — после дня и ночи боев полк практически перестал существовать в том виде, как ему это предписывается штатным расписанием. А все остальные части плюс подтянувшуюся 150-ю дивизию необходимо было отправить на другой берег по единственному наведенному 6-м понтонным батальоном мосту.

Как только пришло известие о готовности моста к приему частей, к нему были направлены оставшиеся роты 15-го и 222-го

полков. Туда же были направлены подразделения еще не успешшего окунуться в боевые действия 212-го полка 49-й дивизии со своим танковым батальоном. За ними в очередь на переправу выстроилась 150-я стрелковая дивизия с тремя своими полками. По узкому понтону в Коуккуниemi необходимо было переправить всех — колонны грузовиков с боеприпасами, гужевые повозки с походными кухнями, нагруженных войсковым имуществом солдат, командиров со своими штабами, артиллерию, приданные дивизиям танки, словом все, из чего состоит полноценная войсковая часть.

Все это вызвало огромную пробку на пути к переправе, снизив темп продвижения частей всего от ста до двухсот метров в час.

Полуостров Коуккуниemi словно гигантский пылесос втягивал в себя войска РККА через узкую, подверженную артиллерийскому обстрелу горловину наведенной переправы. Поток людей и техники без остановки, медленно двигался в течение трех дней. И все три дня в колонну, состоящую из частей трех дивизий, падали снаряды, убивая и калеча людей и лошадей, уничтожая технику и имущество.

Штаб Северо-восточной особой группы войск тоже был направлен к переправе, где и обосновался, чтобы быть ближе к управляемым частям. Естественно, удобство оперативного вмешательства в действия подчиненных подразделений из-за их близкого расположения имело и обратную сторону: риск быть подверженным обстрелу противника или (что не раз бывало в истории войн) вообще переместиться в центр боевых действий при успешной контратаке противника и сдвиге передовой линии. Неудобство близкого фронта ощутилось уже в первый же день. Упавшим снарядом была подбита машина начальника штаба группы Голушкевича. Сам Голушкевич не пострадал, но штаб, который в начале войны и так был обделен вниманием командующего 7-й армии, потерял важное, чуть ли не единственное комфортное средство передвижения.

Действия командарма Яковлева, не ставившего в известность о своих действиях Грендаля, вынудили последнего пожаловаться

напрямую в Кремль, Ворошилову. Тот направил Яковлеву и Мерцкову грозную телефонограмму:

«Организация форсирования реки Тайпалеен-йоки 6 декабря была произведена неудачно лишь потому, что вы артиллерийскую подготовку оторвали во времени от переправы пехоты и не сочетали одно с другим.

Приказываю:

1. Мощным артиллерийским огнем громить сопротивляющегося противника в районе Кююреля, Терентия, Тайпале и, особенно, крепости в этом районе.

2. Продвижение нашей пехоты должно сопровождаться мощным артиллерийским огнем, как я уже указывал в своем приказе № 0269/оп.

3. Передовые части пехоты (роты, батальоны) обязательно сопровождать непосредственно 45-мм и 76-мм полковой артиллерией.

4. Всемерно ускорить выдвигание 150-й стрелковой дивизии и вводить ее на северном берегу для быстрой поддержки частей 49-й стрелковой дивизии.

5. Артиллерийским огнем с юго-западного берега оз. Суванто-Ярви на участке от Копперойсенмяки до Аркунтанху не только заставить замолчать батареи противника на северо-восточном берегу этого озера, но и содействовать продвижению на север пехоты 49-й и 150-й стрелковых дивизий фланговым артиллерийским огнем.

6. Иметь надежную связь со Штармом-7 в Агалатово не только по телефону, но и по радио, автомобильной, летучей почтой. Обращаю Ваше внимание на недопустимое отношение к правдивой информации о действиях войск и особенно при которых Вы находились. Вы являетесь командующим фронтом и не имеете права оставлять управляемые вами армии на целые сутки без руководства. Ставлю это Вам на вид.

7. В последний раз предупреждаю командующего 7-й армией Яковлева о недопустимости намеренного неосведомления своего штаба о действиях войск, при которых он находится.

8. Немедленно представить подробный план действий на 7-е декабря на участке от оз. Суванто-Ярви до Ладожского озера²⁰.

Участок от озера Суванто до берега Ладоги был частично разведан. Худо ли бедно ли, неся существенные потери, сухопутным войскам все же удалось форсировать реку Тайпалеен-йоки. Но, несмотря на это, все равно победной реляции не получалось. После ознакомления с оперативными сводками с фронта перед командующим Ленинградским военным округом командармом 2-го ранга Кириллом Мерецковым вставала неутешительная картина. За прошедшую с начала наступательных действий неделю темп общего продвижения войск был потерян. Первый удар по линии Маннергейма показал, что для ее прорыва потребуется гораздо больше сил и средств, чем было предусмотрено в подготовительных планах штаба ЛВО. Однако, еще не поняв, что преодоление водного рубежа не *окончание*, а только *начало* многодневной кровопролитной эпопеи, Мерецков доложил в Кремль о том, что оборонительная линия противника по северному берегу у Тайпале *прорвана*, и дальнейшей задачей войск на плацдарме в Коуккуниеми теперь является не прорыв линии Маннергейма, а *дальнейшее развитие успеха*.

Для дальнейшего развития наступления нужна была ударная бронированная группа. И к месту боевых действий подтянули 39-ю танковую бригаду подполковника Лелюшенко.

Описывая общую картину первых серьезных столкновений противоборствующих стран у Тайпале, необходимо упомянуть еще один вид театра боевых действий — морской. Вернее, в случае с местной спецификой правильнее было бы его назвать «*озерным*». В короткий период до наступления ледостава Ладожское озеро успело стать ареной драматических, а порой и трагикомических событий.

Ладога. Хроника неудач

После отделения Финляндии от России Ладожское озеро перестало быть внутренним водоемом одной страны. Граница прошла почти посередине озера — разделив его надвое по прямой от западного берега до восточного. Согласно условиям Тартусского мирного договора 1922 года, ни Финляндия, ни СССР не могли размещать на озере какие-либо крупные военные корабли, водоизмещение которых бы превышало сто тонн. На этом, собственно, не очень симпатизирующие друг другу государства и успокоились, обустроив каждое со своей стороны только по бригаде пограничных катеров. С советской стороны главной базой Ладоги являлся Шлиссельбург, а с финской — Лахденпохья. СССР считал акваторию Ладоги бесперспективной с военной точки зрения (отдавая основное внимание Финскому заливу), а у финнов на изготовление и расположение на Ладоге каких-либо значительных плавсредств просто не было денег. Правда, взамен создания значительных морских сил в этом районе финское правительство оборудовало почти все свое побережье озера батареями, стволы которых были направлены в сторону озера. Батареи «Каарнайоки» и «Ярисевя», о которых уже упоминалось в предыдущих главах и которые были ближайшими к Тайпале, и являлись частью этой системы береговой обороны.

Названная по местоположению (мыс Ярисевянниemi) батарея «Ярисевя» состояла из двух 120-мм английских орудий «Армстронг», установленных в тридцати метрах друг от друга в открытых бетонных капонирах на прибрежном пятиметровом холме. Сами орудия являлись наследством царской армии, перекочевавшим к финнам в 1918 году. В свою очередь в Российские вооруженные силы эти пушки прибыли из Японии, поэтому по японской классификации их еще называют орудиями «Канэ».

Между артиллерийскими позициями находился склад боеприпасов и помещения для орудийной obsługi. Все сооружения, естественно, были закамуфлированы землей и камнями. Орудийные погреба у каждой из пушек соединялись между собой подземным коридором с толщиной стен около полуметра. Батарея имела в запасе фугасные, осколочные и шрапнельные снаряды. Сами орудия были оборудованы броневыми щитами для защиты obsługi, а их дальность составляла около тринадцати километров.

После объявления в Финляндии всеобщей мобилизации, береговые батареи ладожского сектора Карельского перешейка в оперативном отношении были переподчинены командованию III армейского корпуса, т.е. Хейнриксу, хотя формально они так и остались подразделениями военно-морских сил Финляндии. Гарнизон батареи набрали из местных резервистов с церковных приходов Пюхярви и Метсаяпиртти, доведя общую численность подразделения до двухсот человек. В связи с тем, что, кроме капониров и самих орудий, на мысу ничего не было, с момента призыва резервистов и до самого начала войны основным занятием одевших военную форму деревенских мужиков было оборудование позиции для превращения ее в полноценный береговой форт. Все эти действия направлялись и контролировались лейтенантом Ниило Косма — таким же резервистом, бывшим в мирное время инструктором Шюцкора.

За полтора месяца до начала войны на батарее вдоль поросшего тростником берега Ладожского озера были вырыты тринадцать ячеек и блиндажей, которые впоследствии занял приданный батарее взвод пулеметчиков. Пустующие казармы были оборудованы койками и кухнями. Территория новой войсковой части была обнесена колючей проволокой, а с ее тыла, с материка, были вырыты окопы и капониры для батареи полевых орудий. Кроме этого солдаты построили наблюдательную вышку, на которой каждый день посменно дежурили всматривавшиеся в туманную даль часовые. 30 ноября они были оповещены о начале войны, и через три дня после этого на горизонте показались силуэты кораблей противника. Это были катера советской Ладожской военной флотилии.

Боевая группировка небольших кораблей Советского Союза на Ладожском озере была абсолютно новым сформированным подразделением Красного флота. Первые действия по созданию Ладожской военной флотилии были предприняты лишь в преддверии войны, в октябре 1939 года. 10-го числа этого месяца в Шлиссельбург по Неве из Кронштадта был переброшен 4-й дивизион сторожевых катеров, состоявший из одиннадцати плавсредств. Через два дня к ним присоединился сторожевой корабль «Циклон», а еще через неделю — пара тральщиков. У командования Балтфлотом была идея перевести на Ладогу даже одну подводную лодку, но вскоре от этой мысли отказались. Несмотря на разношерстный состав этого военно-морского соединения, набранное в Шлиссельбурге ядро могло бы создать внушительный перевес сил на Ладожском театре военных действий. Но перевод всех этих маломерных кораблей в Шлиссельбург был, пожалуй, первой и единственной бесспорно удачной операцией в истории Ладожской военной флотилии. Еще до начала войны флотилию начало преследовать чередование фантастических невезений и промахов.

С началом ноября обратно в Кронштадт был отозван «флагман» флотилии — сторожевик «Циклон», а с ним и оба тральщика. Для восстановления ударной силы вместо них на базу Ладожской флотилии выдвинулись четыре канонерских лодки. Но на дворе уже стояли первые ноябрьские морозцы. В местах своего плавного течения Нева стала активно затягиваться льдом, и путь лодок, в обычное время составлявший один день, в результате вылился в четыре. Причем из четырех лодок в Шлиссельбург пришла только одна — «Ораниенбаум». Остальные задержались у Ивановских порогов, не смогли преодолеть ледяные наслоения и повернули обратно к уютным и знакомым причалам Кронштадта. Так как с запада пополнить флотилию кораблями возможности не представилось, в ее состав ввели корабли, прибывшие в Шлиссельбург с востока. Взялись они вот откуда: почти весь ноябрь группа тральщиков, буксиров и гражданских пароходов по Ладожскому каналу, то есть вдоль южного берега озера, потихоньку перевозила в Олонку 75-ю стрелковую дивизию. Дивизии этой предстояло наступать

через Свирь в финскую Южную Карелию, на север, в глубь почти не тронутых человеческим вмешательством лесов. Через месяц эта дивизия намертво завязнет в сугробах Приладожской Карелии у финского поселка Аглярви...

Но речь не об этом.

Из тихоходных кораблей, служивших перевозочным средством, в Ладожскую флотилию вошли восемь тральщиков, из которых два имели имена собственные («Москва» и «Видлица»), а остальные просто имели свой бортовой номер, от «31-го» до «37-го».

Итак, в канун войны в Шлиссельбурге находилось двадцать два «вымпела», или плавсредства, которые образовывали Ладожскую военную флотилию. Для того чтобы иметь представление о том, что собой представляло это морское соединение, необходимо обратиться к цитате из труда Исторической комиссии ВМФ:

«Механизмы мобилизованных кораблей были изношены, нередко в машинах и котлах происходили аварии. У многих кораблей была течь... Навигационное оборудование было самым примитивным. Лагов не имелось, а на тральщиках типа “Ижорец” и канонерской лодке “Ораниенбаум” отсутствовала штурманская рубка. Компасы были ненадежными. Личный состав был крайне неоднородным и в массе неподготовленным... Сигнальщики имели самое приближенное понятие о семафоре, сигнальных флагах и азбуке Морзе... Опыта в совместном плавании не было. Радисты были неопытными. Вполне исправная радиостанция оказалась только на одном тральщике “Москва”»²¹.

Как любому отдельному соединению, действующему на особом участке фронта, Ладожской флотилии придали свою собственную авиацию. Правда, как и сама корабельная группа, ладожская авиационная часть тоже была весьма немногочисленной: в 41-й морской ближнеразведывательной авиаэскадрилье под командованием капитана Баканова насчитывалось всего восемь так называемых «летающих лодок», гидросамолетов «МБР-2», «морских ближних разведчиков». Из-за своей аббревиатуры эти слабовооруженные и тихоходные машины были наречены кличкой «амбарчик». Базировалось это летное подразделение на аэродроме в

Новой Ладоге, маленьком городке на южном берегу Ладожского озера.

Таким «любительским» составом на малопригодных к бою кораблях и с ничтожным количеством самолетов флотилия начала свою Финскую кампанию.

Первым действием озерных краснофлотцев было выдвижение на север, поближе к границе и месту боевых действий. Для этого в полном соответствии с поговоркой о самосоздаваемых трудностях первый отряд кораблей, и без того плохо ориентирующийся в дневных условиях туманной осенней Ладоги, бесстрашно вышел в путь в одиннадцать часов вечера 30 ноября. К счастью, ночной переход завершился без потерь, и к утру корабли бросили якорь в гавани Никулясы, ожидая делегата от 142-й стрелковой дивизии, чтобы осуществить контакт и увязать взаимодействие с сухопутными войсками. Но 19-й полк 142-й дивизии стремительно шел вперед, и с пустынного берега бухточки Никулясы корабли никто не поприветствовал. В этот же день, разминувшись по времени со своей поддержкой с озера, командир 142-й дивизии в свою очередь в отчете категорично написал: *«Сосед справа — Ладожская флотилия отсутствует»*²².

Не дожидаясь позднего рассвета, два катера из отряда выдвинулись на разведку дальше, вдоль берега на север, тем самым перейдя водную государственную границу. В ночной темноте на каком-то участке берега их обстреляли из пулемета. Кто это был, свои или финны, командиры катеров выяснять не решились и после этого оба поспешили ретироваться к месту промежуточной стоянки.

В середине дня вылетевшая на боевое задание эскадрилья советских бомбардировщиков «СБ» обнаружила группу кораблей на рейде у бухты Никулясы. Проявляя рвение и энтузиазм первых военных будней, самолеты сбросили на свои же корабли около двадцати бомб. К счастью, степень мастерства летчиков была примерно такой же, как и у моряков, поэтому ни один из сброшенных «подарков» не попал в цель.

Словно обуреваемые справедливым чувством мести к «сталинским соколам» за попытку их потопить в самом начале ратных

дел, на следующий день корабли отряда открыли огонь по тихо возвращавшемуся с разведки самолету «МБР-2». И опять же, благодаря необученности личного состава и низкой облачности крылатому разведчику из 41-й авиаэскадрильи удалось невредимым вернуться на аэродром.

В это время осенний низкий туман Ладожского озера плавно перенес флюиды нелепых неудач с советской стороны на финскую.

Не зная, какая армада может скрываться за дымкой горизонта у Советов, два небольших минных заградителя из финской флотилии торопливо минировали фарватеры озера неподалеку от устья реки Тайпалеен-йоки, чтобы обеспечить непроходимый барьер для кораблей Красного флота. Но своенравные воды озера быстро разметывали их старания. В конце концов, когда пыхтя от усердия, катер «Кивиниеми» гордо продефилировал над тем местом, где сам только что установил мину и тут же подорвался, всю ответственность за береговую оборону финны возложили на свои прибрежные батареи.

Караул береговой батареи «Ярисевя» зорко всматривался в близкий горизонт озера. И когда 1 декабря на этом самом горизонте проступили силуэты двух советских катеров, ее орудия открыли огонь. Катерам стрельба батареи не нанесла никакого вреда, зато местоположение и сам факт наличия этого огневого подразделения был занесен в разведывательные сводки 7-й армии РККА. Теперь батарею ожидало пристальное внимание со стороны противника.

Тем временем озеро продолжало наводить на Ладожскую флотилию «сглаз и порчу». В вечерних сумерках, пытаясь зайти с рейда в бухту Никулясы, командир катера «413» всадил свой корабль в каменный мол. В полном соответствии с законом боевой взаимовыручки на помощь катеру поспешил его напарник, «414-й». Последний при попытке снять пострадавший катер с мели пробил у себя дно в двух местах.

Два других катера нашли более удобное место дислокации — брошенную финнами гавань у мыса Саунаниеми. Бухта находи-

лась недалеко от устья Тайпалеен-йоки, от сурового нрава Ладоги катера охранял длинный каменный мол (существующий и поныне), а глубины гавани позволяли встать в ней кораблям с осадкой не менее трех метров.

3 декабря командиром передовой группы флотилии было принято решение протралить проход вдоль берега от Саунаниеми до самого пункта Тайпале. Надо сказать, что прибрежное дно озера в этом районе не особо глубокое и изобилует крохотными островками и каменистыми банками. Как и прошедшим днем, едва тральщики показали в зоне видимости батареи «Ярисевя», оба ее орудия начали вести стрельбу. И тут же список неудач с финской стороны пополнился еще одной. Два снаряда разорвались сразу после выстрела, ранив трех человек из obsługi, которых отправили в госпиталь в Пюхярви.

Снаряды не достигали советских кораблей, но командир отряда полез на рожон. Он приказал канонерской лодке «Ораниенбаум» обстрелять батарею. В окружении тральщиков лодка подошла к мысу Ярисевянниемеи на расстояние девяти километров и обменялась с противником несколькими залпами. Ни финские, ни советские снаряды не поразили своих целей, ложась то недолетом, то перелетом. Когда «Ораниенбаум» стал поворачивать на обратный курс, на его пути встретилась одна из упоминаемых выше банок. В 16.47 лодка на полном ходу уткнулась прямо в середину гряды камней.

Оба тральщика попытались оказать содействие своему флагману. Но декабрьский день недолог. На озеро опустилась ночь, ветер усилился, и при попытке снять «Ораниенбаум» с мели один тральщик пробил себе дно, а второй повредил винт. Охранявший всю эту компанию катер «415» начало швырять на немилосердных волнах, и в конце концов он тоже обнаружил течь у себя в трюме, а в добавок ко всему прибывший вечером на подмогу катер «215» также повредил винт.

Погода испортилась, и четыре обездвиженных корабля остались ждать помощи от своих сослуживцев. Благо декабрьский воздух Ладоги наполнен сыростью и туманом, и финны не видели

неудачу группы плавсредств своего противника. От батареи финнов корабли отделяло расстояние в девяносто пять кабельтовых (17,5 км), которое для снарядов калибром 120 мм являлось непреодолимой дистанцией. Да если бы финны и увидели советских моряков, вряд ли они смогли бы что-либо предпринять в условиях штормящего озера...

На следующий день ветер усилился еще больше. Корабли отбуксировать не удалось, и в обратный путь они отправились только 4 декабря. Еще через пару дней четыре поврежденных катера и два тральщика отбуксировали на ремонт в Шлиссельбург. На этом их боевая биография и закончилась.

Но оставались еще корабли, которые к моменту первых столкновений флотилии с финской береговой обороной уже подходили к гавани у Саунаниеми.

За день до форсирования Тайпалеен-йоки кораблям флотилии все же удалось установить связь со штабом 49-й стрелковой дивизии. Для этого на берег были посланы краснофлотцы, которые не только нашли нужных людей на берегу, но и привели с собой делегатов от сухопутных войск. Те и доложили морякам о готовящейся 6 декабря операции по преодолению водной преграды.

Когда отгремела канонада советских пушек и первые разведгруппы начали грести в сторону северного берега реки, в Ладжское озеро вышли два сторожевика, два тральщика и два катера. Судна направились напрямик к уже разведанному месту нахождения батареи «Ярисевя», дабы огнем своих корабельных орудий способствовать наступлению частей Красной армии на берегу.

В течение полутора часов финская батарея и советские корабли вели друг по другу огонь, но большая часть снарядов с обеих сторон упала в воду, не долетев до цели.

Сержант Нестори Каасалайнен из орудийного расчета вспоминал:

«В начале декабря 1939 года водная поверхность Ладоги еще не была покрыта льдом, а густой туман уменьшал видимость почти до нуля. Шестого числа мы увидели всполохи выстрелов с воды и в направлении нашей батареи стали падать снаряды.

Кроме неясного силуэта кораблей мы ничего не могли определить, поэтому чтобы выяснить дистанцию до них, я залез на вышку и засекал время между вспышкой и разрывом снаряда. В соответствии с расчетами мы установили прицелы орудий и открыли ответный огонь. Наши действия возымели результат, потому что корабли противника отошли, хотя из-за тумана мы не могли определить, как близко от цели упали наши снаряды»²³.

По данным отчета о действиях флотилии, корабли отправились в обратный путь только с наступлением темноты, почти в четыре часа вечера. И отошли они из-за бесперспективности ведения артиллерийской дуэли, а не из-за огня противника. С наступлением сумерек финны не могли точно определить, ушли ли корабли или остались на рейде.

А в это время вся долина реки Тайпалеен-йоки озарялась вспышками яростного боя. На финской батарее, находящейся от места сражения на расстоянии семи-восьми километров, казалось, что бой идет совсем рядом и грохот разрывов, треск пулеметной стрельбы и зарево пожара в считанные минуты переключают на этот крохотный мыс песчаного ладожского побережья.

Откуда родился первый панический слух о прорыве советских войск на направлении Тайпале, наверное, останется тайной навсегда. Персонал батареи впоследствии пенял на обороняющиеся в Теренттиля подразделения 28-го пехотного полка, которые якобы сообщили о наличии групп красноармейцев на берегу Ладоги в зоне их ответственности. Те же в свою очередь обвиняли батарею «Ярисевя», с которой якобы кто-то сообщил об удачной высадке морского десанта с кораблей Рабоче-Крестьянского Красного Флота.

Учитывая, что к наступлению позднего вечера Дня независимости Финляндии информация об успешном форсировании реки Тайпале советскими войсками являлась правдой, дополнительный слух об удачной высадке десанта противника вызвал у обороняющихся состояние, близкое к панике. Захват плацдарма со стороны озера означал выход врага в тыл оборонительной линии и неминуемое ее сворачивание. Казалось, оборона кончалась еще тол-

ком и не начавшись. Слухи вообще распространяются быстро, а в условиях нервозности первого серьезного боя их скорость близка к скорости осеннего карельского ветра.

«...В ту ветреную и тревожную ночь пехота сообщила нам о нахождении вражеских кораблей в устье Тайпалеен-йоки и что они возможно осуществляют высадку десанта. Это была первая реальная тревога на батарее “Ярисевя” и в подразделениях береговой обороны, которая вызвала смущение и нервозность вплоть до самострелов, дезертирства и других нелицеприятных случаев...»²⁴ вспоминал лейтенант Армас Туунонен. Помимо дезертирства, слух об удаче противника вызвал у некоторых финских солдат желание перейти на сторону РККА. В журнале боевых действий 222-го полка 49-й дивизии есть упоминание о двух перебежчиках, задержанных часовыми и отконвоированных в «Особый отдел».

Панический слух был столь серьезен и правдоподобен, что высланный для контратаки в Коуккуниemi 2-й батальон финского 30-го полка был перенаправлен для отражения противника на мыс Ярисевяниemi. К облегчению прибывших пехотинцев, противника на мысу не оказалось, но пока разобрались, в чем дело, было упущено драгоценное время. Именно из-за этого батальон опоздал на шесть часов к началу контратаки первого батальона и был вынужден отступить под натиском советских частей...

Бой 6 декабря был, пожалуй, одним из наиболее удачных дней Ладужской военной флотилии. Оставшиеся после серии поломок два сторожевых корабля «Разведчик» и «Дозорный», пять тральщиков и четыре катера обосновались в гавани Сауналахти. Надежды, что новая база будет недосыгаема для финских орудий, развеялись днем 8 декабря 1939 года, причем самые губительные последствия огневого налета имели место не из-за непосредственного огня, а действий командиров плавсредств.

В этот серый и холодный день, когда с Ладужского озера шла крупная и опасная зыбь, свист вражеских снарядов рассек воздух в еще толком не оборудованной военно-морской базе в Сауналахти. Не причинив ни малейшего вреда кораблям, «подарки» батареи «Ярисевя» вызвали панику среди командиров-моряков.

Начав спешно выводить свои корабли из замкнутой бухты на колыхающийся волнами простор озера, два командира посадили свои тральщики на мель. Один из них, ТЩ «Москва», повредил винт, а второй, ТЩ-М30, пробил борт и начал тонуть. Дабы избежать потери корабля, его командир принял решение направить его на мелководье, но сделано это было столь быстро и нервозно, что тральщик моментально протаранил борт спешившего, как и все остальные, на выход из Сауналаhti скоростного катера СКА-416. Последнего спасти не удалось. Катер затонул, став первой и единственной безвозвратной потерей Ладожской флотилии за всю Финскую кампанию.

Ко всем этим бедам, от которых командир группы был уже на грани самоубийства, добавилась еще одна. На пытающемся на выходе из гавани открыть ответный огонь тральщике «Видлица» разорвало 75-мм орудие. Пятый снаряд разворотил ствол пушки, контузив двух и убив четырех несчастных моряков из орудийного расчета.

К досадной трагедии на воде добавилась трагедия в воздухе. Во время возвращения из своего разведывательного полета один из самолетов 41-й эскадрилии был настигнут звеном своих же истребителей «И-16» из 49-го авиаполка Ленинградского военного округа. «Ишачки» не опознали в диковинном самолете с двигателем над фюзеляжем свою машину и с легкостью ее сбили. Подбитый самолет рухнул в Ладожское озеро. Из четырех человек экипажа спастись удалось только штурману Петрову, который выпрыгнул с парашютом и приводнился в ледяные волны в пятистах метрах от берега. Находившиеся на борту лейтенант Циплаков, капитан Белов и стрелок-радист Гришков погибли.

Непредсказуемая в любое время года Ладога в начале декабря всегда отличается наиболее коварным нравом. За ветреным штормовым днем, когда под низкими тучами поверхность озера вздымается серыми волнами, может наступить мутный туманный сумрак, способный снизить видимость до нескольких метров белесой мглы. За туманным днем может наступить снегопад, сначала притапливающий в воде крупные снежные хлопья, а затем

превращающийся в первый лед, который сперва не схватывается и свободно плавает вдоль берега белыми пятнами.

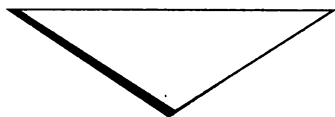
В таких условиях воевать кораблям не с руки. Ко всем погодным трудностям начались перебои с углем, потому что подтянуть груженую баржу от Шлиссельбурга до Сауналахти с каждым новым декабрьским днем стоило все больших и больших усилий.

В середине месяца спасатели сняли с камней канонерку «Ораниенбаум» и отбуксировали ее в район деревни Полуторно. Затем на зимовку ушли два тральщика и все катера.

После этого корабли флотилии еще несколько раз выходили на рейд, обстреливая берег противника, но с каждым днем делать это становилось все труднее. Последний выход был осуществлен 12 января. Затем со льдом стало невозможно бороться.

С началом серьезных январских морозов в бухте Сауналахти грустно вмерзли в лед два сторожевых корабля, два тральщика «32» и «34» и два буксира «Тюлень» и «Водолаз». Выйти в открытое море Ладоги им удалось только весной, уже после окончания войны, да и то для того, чтобы быть отправленными обратно в Кронштадт. В декабре 1939 года закончилась их «морская» эпопея, но никак не боевая. С наступлением зимы орудия кораблей стали служить дополнительной артиллерийской поддержкой воюющих на заснеженном побережье частей.

Но прежде, для полноты общей картины боевых действий на востоке Карельского перешейка в начале декабря 1939 года, необходимо рассказать еще об одном сражении — попытке форсирования Вуоксы у финского поселка Кивиниеми.

Каменный мыс

День независимости Финляндии 1939 года ознаменовался не только переправой советских войск через Тайпалеен-йоки. Приказ Ворошилова предписывал ударить по финским силам, объединенным в III армейский корпус, с двух направлений — у Тайпале, на крайнем восточном фланге, и у Кивиниеми, через узкую порожистую протоку меж двух вытянутых озер, Вуоксен-вирта и Суванто-ярви.

Кивиниеми, «каменный мыс», с глубины веков был известен своим удобным стратегическим положением. Расположенный на пересечении водного и сухопутного путей, соединяющих разные области Карельского перешейка, поселок издавна был привлекателен для людей.

За время его существования протекающая по «Кивиниемскому горлу» река успела поменять направление своего течения. Мосты, соединяющие его берега, разрушались и возводились заново. Один из первых мостов, подвесной, т.е. закрепленный с помощью цепей, был даже платным, представляя собой прообраз современных платных магистралей.

Как и в районе Тайпале, после окончания Северной войны российскими военными инженерами здесь было сооружено укрепление, получившее имя «*Кивиниемского шанца*». Предназначенный для обороны южной стороны протоки, редут был оборудован по классическим фортификационным правилам XVIII века, имел ров по периметру своих земляных валов и пороховые погреба. Впрочем, как и его восточный сосед, «Кивиниемский шанец» никогда не участвовал в сражениях.

С постройкой в 1917 году железной дороги, соединяющей Петербург и Кексгольм, значение Кивиниеми повысилось. Теперь построенная здесь станция стала важным железнодорожным

узлом, который пропускал через себя грузы, прибывшие с южного приграничья и с восточной части Перешейка. Через протоку перебросили еще один мост — железнодорожный, который находился на том же месте, что и нынешний.

В отличие от нынешнего шоссейного моста его предшественник был в два раза уже, то есть не обеспечивал одновременного двустороннего движения транспорта, а его конструкция не могла выдерживать современные нагрузки. Железнодорожный мост по своему виду напоминал современный, имея параболическую форму металлических ферм. Особенностью этих мостов как было тогда, так и остается по нынешнее время то, что они не имели тогда и не имеют сейчас промежуточных или срединных опор, так называемых «быков». Следовательно, заложив значительный заряд тротила посередине конструкции, оба моста было легко обрушить с последующим очень непростым их восстановлением.

В период гражданской войны 1918 года, когда почти весь Карельский перешеек был в руках финских коммунистов, Кивиниеми стал одним из немногих важных населенных пунктов, в котором сохранилась власть финской белой гвардии. Именно отсюда был организован поход на юг, к Рауту и далее к границе, завершившийся разгромом красногвардейцев и вытеснением остатков их частей в Советскую Россию.

Словом, Кивиниеми всегда был значимой точкой на карте, но когда началась разработка планов строительства оборонительной линии Карельского перешейка, в силу своего географического положения и природных условий построенные здесь в двадцатые годы фортификационные сооружения можно было пересчитать по пальцам. Бетонных было всего три — два у железнодорожного моста и один у шоссейного, простреливавший восточную часть акватории Вуоксы. Это сооружение у моста являлось артиллерийско-пулеметным ДОТом, подобного которому не было больше ни в одном укрепленном узле линии Маннергейма. В двух помещениях сооружения, смотря в противоположные стороны, находились орудие и пулемет. Вдоль протоки, на восток, был направлен ствол пулемета, а в противоположном направлении — орудие.

Несмотря на малочисленность укреплений, их эффективность была достаточно высокой для предотвращения переправы противника через бурлящий водный перепад, в чем в декабре 1939 года советские войска и убедились.

К 6 декабря к Кивиниеми подошли передовые роты 90-й стрелковой дивизии. Необходимо отметить, что дивизии этой достался один из наиболее неудобных секторов наступления. Единственной приличной дорогой в полосе ее продвижения было Кексгольмское шоссе, окруженное слева и справа неприветливыми холмистыми еловыми лесами, болотами и овражистыми речками. Учитывая, что в первый же день войны это соединение увязло на приграничной территории и два дня не могло продвинуться из-за ожесточенного сопротивления финнов в деревне Липола, продвижение его частей проходило довольно вяло в связи с усталостью и «потрепанностью» личного состава и матчасти. Только за 30 ноября 1939 года дивизия потеряла двенадцать танков, десять тракторов и два орудия. Кроме этих потерь, пять танков из приданного дивизии танкового батальона еще предстояло вытаскивать из трясины, в которую они угодили, пытаясь обойти противника с фланга. Что же касается живой силы, то за пять суток, предшествующие подходу красноармейцев к озеру Вуоксен-Вирта, это соединение потеряло без малого пятьсот человек убитыми и ранеными. Самое удивительное, что при отсутствии сильных морозов в начале декабря среди потерь числились шестьдесят два человека обмороженными.

Кроме вышесказанного, первоначальные планы наступления 90-й дивизии вообще не предусматривали выход ее частей к протоке между озерами. 5 декабря два ее полка, 286-й и 173-й, захватили приходской центр Валкярви (ныне Мичуринское) и были готовы на следующий день продолжать движение в направлении мыса Ораваниеми, что в двадцати километрах западнее Кивиниеми. Третий полк дивизии, 588-й стрелковый, вообще завяз в перестрелке с противником при подходе к финским укреплениям на реке Салменкайта.

«С рассветом 6.12.1939 части дивизии продолжали свое движение на север, однако задача частей была изменена, так как

в 3.00 начальником штаба дивизии полковником Вехиным было принято по телефону приказание командира 50-го стрелкового корпуса, переданное лично начальником штаба корпуса: "90-й СД преследование противника в направлении Ораваниеми прекратить. Дивизии немедленно изменить направление продвижения с северного на северо-восточное с задачей к рассвету 7.12.1939 сосредоточиться в районе Ойяла-Кивиниеми»²⁵.

Командир дивизии полковник Зайцев, ругая про себя вышестоящее начальство, отдал приказ командирам полков менять курс на северо-восток. При этом он все-таки выделил по одной-две роты из каждого полка для продолжения первоначального наступления, чтобы хоть какими-то силами выйти к берегу Вуоксы в районе Ораваниеми и иметь представление о том, что там происходит. Основные же войска, как было указано в новой «вводной», были перенаправлены к Кивиниеми. Находившийся западнее других 588-й стрелковый полк из-за своей дислокации вообще пришлось возвращать назад в Валкярви, дожидаться его прибытия, а потом выступать по дороге, ведущей на северо-восток.

Пока высшие командиры 90-й дивизии предпринимали необходимые действия по переброске своих медленно движущихся и очень инертных колонн с западного направления на восточное, непонятно откуда возник слух, что в районе Кивиниеми уже находятся подразделения 461-го полка 142-й дивизии, которые полностью очистили от противника весь южный берег озерной системы Вуоксен-Вирта-Суванто-ярви.

461-й полк действительно был близок к новому месту назначения полков 90-й дивизии, но непосредственные подходы к мостам в Кивиниеми с южной стороны успешно оборонялись 3-м батальоном 30-го полка 10-й дивизии финнов. Так называемый «предмостный плацдарм» оставался в руках неприятеля.

В точном соответствии с приказом к утру 7 декабря основные силы дивизии были в месте своего нового сосредоточения, в трех-четырех километрах от Кивинемских порогов, в районе населенного пункта Ваалима. Основными силами на тот момент были почти в полном составе 286-й и 173-й стрелковые полки, а

также входивший в состав соединения 339-й танковый батальон. Дивизионная и приданная корпусу артиллерия, а также отстающий 588-й полк и 105-й танковый батальон все еще находились на марше, мешая друг другу и создавая заторы, от которых темп продвижения снижался все больше и больше.

Как только Зайцев и его начальник штаба начали разбираться, где находятся вверенные им подразделения, кто уже прибыл, а кто еще пытается к ним пробиться по нескольким нешироким дорогам из Валкярви, и имеется ли связь с соседними соединениями, как из штаба 50-го стрелкового корпуса поступило новое указание, от которого им обоим захотелось застрелиться.

Дивизии предстояло начать переправу всего через четыре часа. Без рекогносцировки на местности. Без разведки. Без информации о противнике. Без полного боевого состава и даже без понтонного оборудования, которое все еще находилось неизвестно где.

Правда, первым эшелонем все-таки должен был идти уже находившийся, по их сведениям, перед мостами 461-й полк 142-й дивизии, за ним танки 35-й бригады, а только потом они. Но несмотря на это, поставленные сроки все равно казались абсолютно нереальными.

С мрачными предчувствиями командный состав 90-й дивизии принялся за рекогносцировку. В темноте декабрьского утра они вышли к берегу Вуоксы и принялись выяснять оперативную обстановку и местные природные условия. Первым, самым неприятным, известием оказалось то, что южный берег Кивиниемской протоки все еще остается в руках финнов, а 461-й полк, на который возлагалось так много надежд, занял выжидательную позицию и не атаковал врага.

Благо, командир 142-й дивизии комбриг Пшениников тоже оказался в районе Кивиниеми. Получив от своих соседей весьма нелестную информацию о своих подчиненных подразделениях, он устроил разнос штабу 461-го полка. Уже через полчаса после этого события под его личным командованием первые роты начали продвигаться на север, ориентируясь по шуму незамерзающей воды порогов.

Финны только этого и ждали. Началась ружейная перестрелка, затем через короткое время начался минометный обстрел, который заставил красноармейцев отступить. Для большего нажима на противника и быстрого выхода к мостам в бой пришлось ввести батальон 173-го полка соседней 90-й дивизии.

Тем временем занялся мутный рассвет. В его нечетком сумраке к основным силам подтянулись орудия 149-го и 269-го артиллерийских полков, которые развернулись с колес и стали обеспечивать поддержку воюющим за предмостный плацдарм пехотным частям.

Занимавшие южный берег протоки финны ощутили на себе серьезность советских намерений и поспешили ретироваться на северный берег, решив тем самым участь обоих мостов.

Когда последняя группа из 3-го пехотного батальона 30-го полка перебралась на северный берег, поверхность озер вздрогнула от серии мощных взрывов. Заблаговременно установленные заряды сначала обрушили железнодорожный мост, который рухнул и перегородил протоку, выступая из воды железными фермами, словно скелет огромного доисторического животного, а затем и шоссейный.

Пока происходили эти события, к десяти часам утра в район сосредоточения советских войск пожаловало высокое начальство. Видимо, не совсем удачная переправа через реку Тайпалеен-йоки вынудила командование фронтом возложить большие надежды на район Кивиниеми. Поэтому для координации действий частей в новое место дислокации 90-й дивизии прибыл сам командующий 7-й армией Яковлев, а с ним член военного совета Николаев и начальник инженерной службы фронта Хренов. Вслед за ними, лишней раз доказывая важность намечаемой операции, прибыл сам командующий фронтом Мерецков. Последний, правда, пробыл там очень недолго, ограничившись общими фразами и возложив всю ответственность за руководство операцией на командарма второго ранга Яковлева.

Яковлев собрал начальствующий состав 50-го стрелкового корпуса, командиров находящихся здесь соединений, и у разрушенного моста через реку Сайян-йоки начал рабочее совещание.

Первоначальный план бросить в огонь 461-й полк 142-й СД, а за ним 35-ю танковую бригаду был отменен. Полк показал себя абсолютно не готовым к выполнению боевой задачи, поэтому проблема форсирования кивиниемской протоки целиком легла на плечи солдат 90-й стрелковой дивизии.

Поспешные приказы вчерашнего дня о начале операции у Тайпале, закончившиеся двумя неудачами из трех, не смущали командарма. Он вновь озвучил жесткую задачу начать преодоление протоки в именно в этот день, 7-го декабря.

Командарму пытались возражать. Начальник инженерной службы майор Покровский и начальник штаба дивизии Вехин в два голоса доказывали, что без должной подготовки форсирование протоки не получится. Что инженерная и войсковая разведки местности не были предприняты по простой причине отсутствия времени. Что основные силы артиллерии в виде 24-го корпусного артиллерийского полка все еще находятся где-то в тылу на марше. Что в конце концов приданный приказом самого Яковлева 90-й стрелковой дивизии 6-й понтонный батальон по странному стечению обстоятельств оказался в сорока километрах восточнее и обеспечивает переправу через Тайпалеен-йоки.

Все эти аргументы командующего 7-й армией не смущали. На все возражения он категорично требовал начать переправу сегодня же. А что касается средств переброски бойцов на тот берег, то вместо 6-го понтонного батальона он тут же переподчинил 90-й дивизии пятый, который до этого момента находился в ведении 142-й стрелковой.

5-й отдельный понтонный батальон все еще находился в процессе продвижения к предполагаемому месту операции. Поэтому вместо назначенного времени начала форсирования порогов, 11-ти часов утра, время «Ч» увязали с временем подхода машин с переправочными средствами.

Оставив полковника Зайцева решать поставленные задачи наедине со своими войсками, командарм Яковлев удалился. Зайцев тут же собрал командиров полков. На часах уже была половина второго пополудни и короткий зимний день близился к концу.

Единственным радостным известием было то, что к этому моменту все полки дивизии были в сборе, даже отстающий 588-й полк после короткого, но изнуряющего марша оказался в непосредственной близости.

Общими соображениями переправу было принято начать в трехстах-четырёхстах метрах западнее подорванного шоссевого моста, то есть недалеко от горловины протоки. При осмотре местности всем, включая самого Зайцева, было видно, что и южный и северный берега Вуоксы в этом месте были пологими, лед на озере имелся в виде узкого берегового припая толщиной восемь-одиннадцать сантиметров, а водная гладь на середине озера казалась вполне себе спокойной, что означало отсутствие сильного течения.

К этому времени роты 461-го стрелкового полка по приказу покинули район восточной части перешейка между Суванто и Вуоксой, уступив место 2-му батальону 286-го полка 90-й СД. Батальон занял позиции по бывшему суворовскому редуту, именуемому в журналах боевых действий «крепостью».

Место переправы было окончательно утверждено, и берег Вуоксы заняли смиренно ждущие своей участи солдаты 1-го батальона 173-й полка 90-й дивизии и рота из двенадцати плавающих танков Т-37 из 339-го танкового батальона. Расположившись, они стали ждать понтонерщиков 5-го батальона. Спокойным ожиданием дело не ограничилось. С северного берега финны наблюдали все перемещения частей Красной армии, и когда концентрация ее войск достигла, по их мнению, критической отметки, они начали вести по сужающемуся полукилометровому участку южного берега методичный артиллерийский огонь.

Долго ожидаемый понтонный батальон подошел только к половине четвертого вечера и стал разворачиваться прямо с колес в условиях все более сгущавшихся сумерек. Прибытие батальона также не ускользнуло от внимания противника, который перенес основной огонь на ведущую в озеро дорогу. Несмотря на это, к воде прибыли первые три машины, с которых тут же были спущены переправочные средства. В отличие от подступов к реке

Тайпалеен-йоки, весь южный берег Вуоксы был покрыт лесом, который скрывал от неприятеля действия понтонеров и позволил без каких-либо существенных потерь начать переправу.

Уже в полной темноте красноармейцы первых трех понтонов оттолкнулись веслами от берега. Прикрывая их продвижение, негромко урча, в воду въехали и растворились в темноте восемь танков Т-37, по четыре на каждый фланг. Когда вся группа выплыла на середину озера, северный берег ожил. Водяные столбы разрывов, луч прожектора и свист пуль разорвали тишину и темень зимней ночи. Кажущееся с берега отсутствие течения оказалось ошибкой. На середине дистанции до противоположной стороны озера вода подхватила понтоны с людьми в серых шинелях и кружась на водоворотах потащила их к невидимым фермам подорванного моста. При удачном захвате левого берега командир первой роты, находившийся в самой первой группе переправляющихся красноармейцев, должен был оповестить своих сигнальными ракетами. Но изрешеченный пулями понтон с ответственным за подачу сигналов лейтенантом был выброшен течением у железнодорожного моста. Сам ответственный за подачу сигнала ротный пропал без вести, с ним исчезли и средства оповещения своих однополчан на южном берегу.

Не получив известий о первой партии десанта, вслед за первыми тремя понтонами в сумрак ушли еще три, полностью набитые солдатами.

За суматохой отправки людей в ночную смерть незаметно прошло несколько часов. Около двух часов ночи с левого берега протоки прибыло два красноармейца и один командир взвода. Мокрые и дрожащие от холода, они под обстрелом переползли на свой берег по фермам железнодорожного моста. От них-то командование дивизии и получило известие, что переправа, можно сказать, не удалась: сопровождавшие десант танки растворились в темноте, командиров нет, потери гигантские, продвижение в глубь обороны противника невозможно.

Доклад возвратившихся «с того света» бойцов произвел впечатление, и отправку очередных трех понтонов с сотней людей

из 4-й роты отложили. Вместо этого всю роту привели к остаткам моста, чтобы по его стальным конструкциям скрытно перебраться на другую сторону кивиниемской протоки.

Аккуратно карабкающихся по узким балкам людей заметили на том берегу, и по мосту, высекая искры из клепанных швеллеров, застучали пули. Плотный огонь противника заставил красноармейцев вернуться на свой берег, опять подойти к месту переправы, погрузиться на очередные три понтона и уйти в ночь, прямо под луч финского прожектора и водяные столбы артиллерийских разрывов.

Трагедия гибели людей, посланных командованием на смерть в черной ночной воде, поразила военного корреспондента Александра Твардовского. Спустя пару лет, находясь под впечатлением рассказов участников ночных событий 7 декабря, он напишет свое стихотворение «Переправа», в которой есть и такие строки:

*И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди теплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...
Под огнем неразбериха —
Где свои, где кто, где связь?
Только вскоре стало тихо, —
Переправа сорвалась...²⁶*

Поэт был не совсем прав, тихо не стало. Как уже было сказано, среди десятков людей, кинувшихся в ночной ад у Кивиниеми, определенной части удалось выбраться на противоположный берег. Как выяснилось гораздо позже, из девяти отправленных понтонов с бойцами Красной армии *только четыре* достигли неприятельского берега. Впрочем, для тех солдат из первой, пятой и четвертой стрелковых рот, которых миновала смерть в черной воде у Кивиниеми, положение все равно было безнадежным. В отличие от происходившего при форсировании Тайпалеен-йоки здесь вообще не было ни метра свободного пространства впереди.

Откос высокого крутого берега стеной преградил им дальнейшее продвижение, а финские стрелки ловили на мушку каждого, кто пытался на него вскарабкаться.

Как оказалось, приданные в сопровождение танки-амфибии оказались бесполезными не столько из-за финского сопротивления, сколько из-за природных и погодных условий. В отчете о боевой деятельности 90-й стрелковой дивизии неудача преодоления водной преграды описывается следующим образом: *«Высадка танков Т-37 успеха не имела: из восьми танков один попал на МЗП (малозаметное препятствие) на нашем же берегу у воды, четыре танка застряли на подводных камнях вблизи нашего берега, один танк попал на мину или подводное препятствие на середине реки, был перевернут и затонул. Из восьми танков только два достигли противоположного берега одновременно с двумя понтонами. Выбраться, однако, на берег эти танки не смогли вследствие толстой кромки льда у того берега и течения, относившего их при попытке сломать лед... Высаженные на той стороне бойцы рассредоточены на отдельные группы, полузамерзли и, не имея возможности поднять голову, залегли под обрывами крутого берега»²⁷.*

Каждый понтон мог принять около тридцати человек. На девяти переправочных средствах отправилось около двухсот пятидесяти красноармейцев. По информации тех, кто вернулся на свой берег, на той стороне протоки после переправы оказалось всего от шестидесяти до восьмидесяти бойцов.

Утром 8 декабря всем стало очевидно, что приказ Яковлева о форсировании Кивиниемской протоки выполнить не удалось. Цена попытки — сто пятьдесят один раненый, сто девять обмороженных, шестьдесят пять убитых и сто двадцать девять пропавших без вести.

К этому времени прибыл отставший арьергард 5-го понтонного батальона с остатками оборудования. Кроме того, в распоряжении 90-й дивизии оказались двести пятьдесят лодок, реквизированных военными у ленинградцев. И неугомонный командарм, через своего представителя, начальника оперативного отдела ЛенВО пол-

ковника Тихомирова, на вечернем совещании вновь отдал приказ о продолжении операции.

Но тут командиры полков и двух дивизий в прямом смысле взбунтовались. В категоричной форме они потребовали выделить им как минимум один день на разведку местности и подготовку личного состава. Видя столь единодушное противодействие, командование армии пошло на попятную. Общим решением совещания была назначена новая дата начала операции — 10 декабря. Форсирование протоки решили выполнить комбинированным способом — по воде на лодках и по льду с мыса Лехтиниemi.

Накануне намеченного срока в обход протоки по уже замерзшей поверхности Вуоксы в разведку была направлена рота 588-го полка 90-й дивизии. Продолав ночной крюк по льду озера с мыса Лехтиниemi, к десяти часам вечера роте удалось беспрепятственно достигнуть северного берега, о чем и было доложено своим. С получением этого донесения командование дивизии приняло решение немедленно начинать здесь переправу.

Однако она не состоялась, так как в ночь на 10 декабря было получено новое боевое приказание о переподчинении 90-й стрелковой дивизии 19-му стрелковому корпусу и о немедленном выходе частей дивизии в направлении населенного пункта Перк-ярви, который намного западнее от места их первоначальной дислокации.

Освободившиеся позиции по южному берегу опять заняли роты 461-го полка 142-й стрелковой дивизии.

Тем временем командарма Яковлева сняли с поста руководства 7-й армии. Вместо него пост занял командующий Ленинградским военным округом Кирилл Мерецков. Переправу у Кивиниemi посчитали бесперспективной, а все сконцентрированные в этом месте ударные части с приданными танковыми подразделениями бросили на Выборгское направление, ломать тамошнюю линию Маннергейма.

А о тех, кто сумел перебраться на берег противника, попросту забыли. А они напомнили о себе. Внезапно, к полной неожиданности как финского, так и советского командования, на левом берегу с новой силой вспыхнул бой. Недалеко от подорванного желез-

нодорожного моста, в развалинах автомобильных гаражей финны обнаружили группу советских солдат, которые не собирались сдаваться. Их было около двух взводов, и их история до сих пор остается неизвестной. Были ли они остатками тех, кому удалось переправиться на вражеский берег в первую ночь атаки, или же их в качестве разведгруппы перебросили на следующую ночь — уже, наверное, никому и никогда не узнать. Они основательно укрепились, и финны не смогли их уничтожить в первом же бою. Четыре дня их выбивали из развалин, но советские солдаты не сдавались. Они наверняка надеялись на помощь. Ведь свои были рядом, всего в двухстах метрах от них, на заросшем деревьями противоположном берегу реки за рухнувшим горбом моста.

Сражаясь и теряя одного за другим своих бойцов, они не знали, что их 90-я дивизия уже сворачивается для передислокации. Что они уже *посчитаны* и отправлены в виде донесения в штаб армии в числе ста двадцати пропавших без вести... Что никто не придет им на помощь. Никогда.

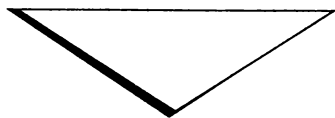
Возможно, их судьба могла бы измениться, если бы Красной армией была предпринята вторая попытка штурма порогов. Конечно, учитывая опыт первой попытки, вторая вряд ли смогла бы окончиться большим успехом, но неразбериха боя могла бы предоставить им шанс. Ничтожный, граничащий с безумием шанс прорваться к берегу и хотя бы вплавь, в ледяной воде, перебраться на занятую советскими частями территорию.

Такой шанс им предоставлен не был.

Окруженные в гаражах Кивиниеми были обречены. Но за попытку их уничтожить финны заплатили значительную цену. Тревожные донесения об отчаянно сопротивляющейся группе противника достигли финского командования, и 11 декабря в поселок меж двух озер прибыл начальник штаба 8-й пехотной дивизии майор Сальгрэн. Его командировка оказалась роковой. Личная инициатива воочию убедиться в происходящем стоила ему жизни — он умер в госпитале от пулевого ранения, став первым в списке погибших старших офицеров финской армии в период «Зимней войны».

13 декабря все было кончено. Около тридцати еле живых от голода и холода солдат Красной армии были взяты в плен — у них даже не оставалось классического «последнего патрона» для себя. Уходя под конвоем в финский тыл, они последний раз бросали взгляд на молчаливый противоположный берег, с которого никто так и не протянул руку помощи.

Этот серый декабрьский день стал последним в активной боевой биографии Кивиниеми. В последующие два месяца война проявляла себя у этой деревеньки в виде ежедневных огневых налетов и артобстрелов с советской стороны, уничтоживших практически все ее жилые и хозяйственные постройки. До самого окончания Финской войны Красная армия больше не предпринимала попыток преодолеть незамерзающую даже в самые суровые морозы протоку между озерами Вуокса и Суванто, у которой на каменном мысу заснеженными развалинами виднелись остатки деревушки Кивиниеми.

Первые атаки, первые разочарования

В то время как в штабе вновь образованной группы войск Грендаль развивал деятельность по разработке планов разгрома противника, занявший плацдарм на северном берегу Тайпалеен-йоки 19-й стрелковый полк отогнал финнов на достаточное расстояние, чтобы обеспечить в своем ближайшем тылу развертывание основных сил. На отвоеванном полуторакилометровом лоскуте земли, утаптывая неглубокий снег, разворачивались роты 212-го полка, еще «не нюхавшие пороху», но нацеленные на северо-восток, с посылкой «ломить белофиннов». И медленно, под ухающими разрывами финских снарядов, переправлялись батальоны 150-й стрелковой дивизии: 469-й и 674-й полки со всеми своими обзорами, за ними легкий разведывательный батальон, за ним 756-й стрелковый полк, а последними выкатывали на равнину Коуккуниemi орудия 328-го артиллерийского полка.

А с уже намечающейся линией фронта, навстречу всему этому скоплению людей, техники, повозок, танков, машин и тракторов, к наведенной переправе, вокруг которой вертелся водоворот из снующих в «гребехатых» стальных шлемах красноармейцев, брела усталая колонна солдат сменяемого 19-го стрелкового полка. С обоих берегов реки на подходе к понтонному мосту образовались заторы, блокировавшие и так небыстрое продвижение подразделений в обоих направлениях.

Крупное скопление людей и техники, вытянутое вдоль реки к мосту, видели и с советской, и с финской стороны. Для ликвидации обычного в таких ситуациях беспорядка и всякого рода накладок требовалось время. Но время, теряемое в условиях передовой, как водится, оплачивается кровью.

В своих мемуарах финны часто обращают внимание на точность попаданий своих орудий. Возможно, это и так. Но в тех

условиях, в которые загнали себя командиры Красной армии для скорейшего прорыва обороны неприятеля, точность стрельбы артиллерии не требовалась. Достаточно было просто снаряд за снарядом посылать за лес на дистанцию в пять-семь километров, чтобы быть уверенным, что противнику будет нанесен урон.

7 декабря у моста через Тайпалеен-йоки урон был нанесен существенный. От снарядов неприятеля погиб начальник штаба 150-й дивизии полковник Левин и начальник связи майор Зорин. Кроме того, с различными ранениями в тыл были отправлены еще несколько так и не успевших приобрести боевой опыт командиров. Не говоря уже о рядовых из боевого охранения переправы...

В первые сутки боя эвакуация раненых была просто невозможна. Слишком плотный поток войск был организован в одностороннем направлении. Поэтому в нескольких оставшихся невредимыми сараях были организованы импровизированные лазареты. Дрожащие и жмущиеся друг к другу раненые бойцы лежали в темных небольших строениях, прислушивались к звуку боя и ждали помощи. В 212-м полку для шестидесяти обездвиженных солдат «ангел-спаситель» явился в виде скромного санинструктора Дземана. Он не успокоился и оставался среди стонущих красноармейцев до тех пор, пока последнему из них была оказана помощь. Кроме него история сохранила еще несколько имен санитаров, благодаря которым многие из советских солдат остались живы. Это и санитар Понизовский из 15-го стрелкового полка, на себе по снегу вытаскивавший раненых из-под огня, и Герой Советского Союза шофер 85-го медико-санитарного батальона Иван Ильиных, который, сначала бросив свой фургон, лично оттащивал к машине тяжелораненых солдат, а затем сделал четыре рейса *против основного потока* движения войск, чтобы вывезти их с плацдарма в тыл, и многие-многие другие.

План дальнейших действий, выработанный штабом «Северо-восточной особой группы», сводился к выводу своих войск «вее-ром» от единственного места их переброски через реку к исходным штурмовым позициям. На левом фланге, по направлению к озеру Суванто, выдвигался 674-й полк 150-й дивизии. Правее

его в лобовую атаку на деревню Кирвесмяки должен был идти 469-й полк того же соединения. Прямо на север, встык финским укрепрайонам, наносил удар 212-й полк 49-й дивизии. Восточнее его, вдоль берега реки по направлению к Ладожскому озеру продвигались оставшиеся батальоны 222-го полка. У них задача была особая. Им надо было пробиться к пяточку, занимаемому со вчерашнего дня ротой во главе с капитаном Нетребой. Огрызаясь на слабые контратаки противника, Нетреба со своими солдатами не мог без существенной поддержки ни продвинуться дальше по направлению к стрелявшим по ним ДОТам, ни вернуться назад.

Таким образом, на второй день боев на Тайпале с советской стороны наметилось простое распределение зон ответственности, которое сохранилось до самого окончания боев. Восточный сектор с деревней Теренттиля входил в зону действия 49-й стрелковой дивизии РККА, а западный сектор с деревней Кирвесмяки рассматривался как театр военных действий 150-й дивизии. Вообще, если говорить о топонимах, обозначаемых на советских военных картах, название «Кирвесмяки» встречается редко. Изначально основной картой, по которой изучалась местность боевых действий, была калька со старой, не очень подробной, еще царских времен карты Карельского перешейка, на которой в районе Кирвесмяки также была надпись «Коуккуниemi». Поэтому район самого полуострова в оперативных сводках стал называться «Коуккуниemi-Южное», а район Кирвесмяки — «Коуккуниemi-Северное» ставшее театром боевых действий стрелковых полков 150-й дивизии.

Дивизия под номером 150 была сформирована совсем недавно, в июле 1939 года, под Вязьмой. С началом нападения Германии на Польшу у Сталина возникла необходимость в увеличении численности собственных ударных соединений. Одной из новых частей и стала 150-я стрелковая. Сначала ее расположили в Советской Белоруссии, подпитывая призывниками из соседней Смоленщины. Затем, в конце сентября, новообразованное соединение вступило на территорию Польши, но не в авангарде, а во втором эшелоне, продвигаясь за передовыми частями 11-й армии. Видимо, уже тог-

да у красных командармов стали появляться сомнения насчет бое- способности этой дивизии. В тылу Белорусского фронта дивизия и провела две недели «польского похода».

Стояла мягкая европейская осень. Красноармейцы нестрой- ным шагом входили в польские местечки, вставали палаточными лагерями у белорусских сел и видеть не видели противника в лице разгромленной армии переставшего существовать Польского го- сударства. Польский поход РККА закончился пожиманием рук с военнослужащими немецкого вермахта на речке Буг, так что уже 14 октября дивизию возвратили на старую территорию СССР, под Минск.

А уже в ноябре это соединение погрузили в воинские эшелоны и направили под Ленинград, в Красное Село. А через неделю по- сле начала Финской войны — на Карельский перешеек, к речке Тайпалеен-йоки.

Так они сюда и пришли, смоленские и минские пареньки из 469-го, 765-го и 674-го полков. В летних ботинках с обмотками, в легких серых шинелях, позвякивая польскими грошами в карма- нах, таща с собой приятные мелочи и сувениры, напоминающие им о недавнем необременительном походе за границу.

И сразу — в снег, грязь, смерть, пар изо рта, в неразбериху, холод, неустроенность, усталость и страх...

И сразу за мостом, как только путем невероятных усилий раз- минулись со сменяемым 19-м полком из 142-й дивизии, приказ *«в атаку, овладеть опушкой рожи Коуккуниеми-северное»*.

Нельзя сказать, что финская артиллерия 7 декабря 1939 года наносила удары сильнее, чем обычно, но весь 674-й полк, сосре- доточившийся к наступлению, вдруг дрогнул и неуправляемой толпой ринулся назад, к переправе, в тыл. Как уже было сказано, паника всегда распространяется со скоростью лесного пожара. Увидев стремительно несущихся мимо своих солдат, дрогнули фланговые роты 222-го и 469-го полков.

Охрана моста и выскочившие из палаток командиры штаба группы с ужасом увидели, как под редкие раскаты ухающих сна- рядов противника, хрустя сапогами по снегу к ним приближается

неорганизованная, объятая страхом полутысячная толпа. Все, что успело сделать начальство у переправы, — это выстроить заслоном «личный конвой» — два взвода кавалеристов, приданных для охранения штаба Северо-восточной группы войск, да поднять в ружье находившийся при мосте личный состав 6-го понтонного батальона. И только это остановило панику.

Потом начался сбор брошенного оружия, переключка и формирование старых подразделений, чтобы заново отправить их на линию начала атаки. Досадный инцидент свел на нет планы наступления сразу же после массовой переброски войск на вражеский берег. На плечах ретировавшегося противника прорвать оборону не получалось. Наступила очередь идти в атаку другому полку 150-й дивизии — 469-му. С ним получилось еще хуже, чем со своим предшественником.

К вечеру 10 декабря весь 469-й полк сосредоточился перед финскими позициями в Кирвесмяки. В 18.00 поступила команда «вперед», но выскочившие из рва первые отделения не добежали и половины отделявшего их от врага поля. Через пятнадцать минут на смену polegшей под пулями первой волне пошла вторая. Затем третья. С невидимых в ночи финских опорных позиций короткие очереди с нескольких направлений скашивали всех до единого. Через полчаса полк уже потерял своего командира и начальника штаба, пытавшихся поднять залегших под огнем пехотинцев. Временно командовавший полком капитан Дубень умер от ран в лазарете, а начальник штаба капитан Семенов был подстрелен и замерз в снегу, не замеченный отступающими подчиненными. Командиры среднего звена, также мужественно пытавшиеся поднять под свинцовой пургой красноармейцев, стали такими же жертвами, как и их начальники. Помимо многочисленных потерь среди рядового состава, всего за один час губительного лобового штурма 469-й стрелковый полк 150-й дивизии потерял убитыми и ранеными *всех* командиров батальонов и *всех* командиров рот.

В точности повторяя действия предыдущего подразделения, полк побежал с поля боя. Для восстановления боеспособности пришлось пойти даже на большие меры по сравнению со случаем

674-го полка, а именно вывести дрогнувшие роты на правый берег Тайпалеен-йоки и в течение последующих десяти дней восстанавливать боевой дух бойцов.

На следующий день его сменил третий, резервный, полк из той же дивизии, 765-й, который также не добился никакого успеха. Согласно записям в журнале боевых действий полка от 11 декабря 1939 года, *«при смене 1-го батальона 469-го полка, 1-й батальон со стороны эскарпированного рва, а также с тыла со стороны деревни Коуккуниemi был обстрелян артиллерийским и пулеметным огнем. Батальон отошел на исходное положение, потеряв по неполным данным около пятидесяти восьми раненых; в том числе комиссара батальона, одного убитого младшего лейтенанта и одного без вести пропавшего политрука...»*²⁸

Открытая местность не давала возможности необстрелянным и паникующим красноармейцам добежать до вырытого финнами противотанкового рва. Пришлось остановиться и начать рытье окопов.

А на восточном направлении, по дороге к деревне Теренттиля, происходили следующие события.

Связь с удерживающим крошечный плацдарм капитаном Нетребой удалось наладить почти сразу после наведения моста — финны откатились от берега реки, освободив прикрываемый речными откосами путь к передовому батальону.

Далее последовали попытки проникновения в глубь территории. Советские войска не обладали вообще никакими разведывательными данными и двигались наугад, натываясь на финское сопротивление, и путем потерь, путем атак и отступлений выясняли общую обстановку, к которой им предстояло адаптироваться.

С утра 9 декабря 222-й полк попытался выйти из леса, чтобы сблизиться с противником. Как уже было заведено, артиллерия обрабатывала финнов два часа, с 10.00 до 12.00. Затем в атаку пошли танки 85-й отдельной танковой бригады. Заставить идти пехоту за танками командирам удалось только со второго раза, после того как танки встретили сопротивление, ощутили себя беззащитными и вернулись назад.

Роты 222-го полка медленно, с оглядкой продвигались между дорогой, ведущей из Коуккуниеме в Теренттиля, и берегом реки. К вечеру этого дня они наткнулись на два ДОТа, врытые у Мустаоя. К облегчению наступающих, оба сооружения были брошены противником — у финнов просто не выдержали нервы. Продвижение за ручей, на поле деревни Теренттиля было встречено плотным огнем с финских 4-го и 5-го опорных пунктов, поэтому передовой отряд вернулся в овраг.

В то время, когда советские солдаты уже обустраивались в захваченных ДОТах, нанеших такой большой урон во время форсирования Тайпалеен-йоки, когда саперы возводили новый мост на месте взорванного финнами моста через овраг для перетаскивания артиллерии на прямую наводку, когда бойцы 222-го стрелкового полка рыли первые ячейки в крутых откосах перегороженного колючей проволокой ручья Мустаоя, их противник находился всего в тридцати метрах от них. «Алказар» все еще находился в руках финнов.

За это время к «Алказару» несколько раз подходили советские огнеметные танки, которые помяли гусеницами окружающую финские укрепления колючую проволоку, струей пламени сожгли несколько уцелевших сараев и удалились, вызвав у сидевших в бетонном сооружении финских солдат нервную дрожь. Два дня они слышали доносящийся с Коуккуниеме гул непрерывно работающих двигателей, свидетельствующий о том, что бронированный кулак, накапливаемый противником, скоро ударит по ним. Они слышали, что красноармейцы совсем рядом, и поэтому готовились к своему последнему бою, потому что «Алказар» находился на значительном расстоянии от общей системы укреплений, да и способность открытой бетонной траншеи с бронированным козырьком к длительной обороне вызвала большие сомнения. Кроме того, они воочию увидели танки, бороться с которыми им еще никогда не приходилось. Когда танки удалились, финны вздохнули с облегчением, но их передышка была непродолжительной.

Когда засевшему в «Алказаре» гарнизону стало очевидно, что контролировавшие реку ДОТы захвачены противником, что не-

приятель уже в овраге Мустаоя, и угроза потерять единственный путь к отступлению — к оврагу ручья стала реальной, они тут же ретировались, оставив атакующим пустой каземат.

А атакующие этого поначалу просто не заметили.

Потеря укрепленного узла, прикрывающего подход к своим позициям в Теренттиля не доставила удовольствия командующему финским III армейским корпусом генералу Хейнриксу, как раз в это время прибывшему с инспекцией на передовую на Тайпале. К этому времени в качестве противодействия прибывшей советской 150-й дивизии он уже перебросил в район Тайпале дополнительные силы, а именно 23-й пехотный полк из 8-й дивизии. Солдаты этого подразделения, командиром которого был подполковник Лаурила, были из центральной части Суоми, и большинство солдат — жителей Перешейка называли их «северянами». Этому полку еще предстояло участвовать в кровопролитных решающих сражениях «Зимней войны», и именно о нем через шестьдесят лет финским режиссером Пеккой Парикка был снят фильм «Зимняя война». Но на момент описываемых событий 23-й полк оставался в ближайшем тылу — в деревне Волоссула. Главной же задачей Хейнрикса на тот момент было выбить противника из «Алказара». Его приказ был краток и бескомпромиссен: сформировать ударную группу, отбить и удерживать «Алказар».

Досаду Хейнрикса легко объяснить. С самого начала боевых действий ни один план финского генштаба в районе Тайпале не был полностью выполнен. Предполье оставили слишком быстро. Хотели задержать противника на линии «Умпи-лампи», но отступили без сопротивления. В первый же день форсирования реки допустили неприятеля в Теренттиля. Пытались выбить Красную армию с полуострова Коуккуниemi и опять потерпели поражение. И напоследок без боя оставили три долговременных огневых сооружения.

На следующую ночь, выполняя приказ, финны начали интенсивный минометный обстрел оставленных позиций и двумя группами подошли к утерянным казематам. Овраг надежно скрывал их. Командир группы вспоминал:

«Минометный обстрел прекратился, и мы рванули к окопам у Алказара... В окопах никого не было. Мы уже были готовы метнуть гранату в дверь каземата, но он оказался пуст. От русских остались вещмешки, плащ-палатки, подсумки и еще... мощный запах. Мы сразу заметили, что “новые жильцы” за ночь выкопали вокруг каземата и к берегу Мустаоя ход сообщения. Кроме этого, еще одна траншея была вырыта к обрыву Тайпалеен-йоки. Русские всего за одну ночь выполнили работу, которую мы до войны не смогли сделать за неделю.

Лицевая сторона бункера была закрыта тридцатимиллиметровым листом брони, но ведущийся сзади огонь мог нанести нам потери...

Наши минометы разогнали солдат противника, хотя основным средством борьбы с ним оставались ручные гранаты. Вторая группа, продвигающаяся к пулеметному ДОТу в устье Мустаоя, подала знак, что они на месте. Звуки боя и крики русских о помощи вызвали орудийный огонь из расположенного справа леса. Темные воронки мин покрыли все поле и стало ясно, что они нанесли противнику значительный ущерб. Мы попросили не вести огонь, так как вторая группа еще вела бой в том направлении. Спустя какое-то время, прямо на нас пошли русские танки, — возможно те, что крутились у нас вчера. У нас уже было достаточно убитых и раненых, и когда по нам начал вестись сильный огонь, мы стали прорываться назад. Отступали по окопу, который был вырыт еще до войны. Бойцы Юлиуса прикрыли нас с высоты 13,2, чем обеспечили наш отход к руслу Мустаоя. Четырехчасовое предприятие стоило нам четырех убитых и десятков раненых»²⁹.

В советских описаниях боев за «Алказар» также рассказывается о трофеях, которые красноармейцы захватили в брошенном финнами бункере. Оба описания правдоподобны. При переходе позиции из рук в руки спасавшие свою жизнь солдаты обладали драгоценными минутами только для того, чтобы успеть схватить личное оружие и, если возможность позволяет, раненых. Вот как описываются эти же события в журнале боевых действий 222-го

стрелкового полка: «В 23.00 в овраге раздался крик, что с левого фланга 2-й стрелковый батальон обходят финны и идут в атаку. Командир батальона Нетреба, расставив огневые точки, поставил задачу, а сам, с пятнадцатью бойцами направился вдоль оврага, где обнаружил третий ДОТ. Расставив силы, Нетреба ворвался в ДОТ и захватил его. Белофинны бежали... В этот день полком был захвачен третий по счету ДОТ, в котором найдены трофеи: винтовка 1, противогазов 2, конский противогаз 1, телефонных аппаратов 2, шинелей 2, ручной пулемет 1»³⁰. Уже потом, после окончания войны, в книге «Бои в Финляндии» в рассказе о захвате «Алказара» капитаном Нетребой журналист придумает, что на стене внутреннего помещения тикали часы, а в найденном там журнале была карта Финляндии с присоединенным к ней куском территории СССР...

На этом история «Алказара» не окончилась. После второй потери укрепленного узла в устье «Черного ручья» Мустаоя штаб финской 10-й дивизии опять получил приказ командующего III корпусом возвратить его. Третья попытка была поручена группе «Метсаяпиртти», одна из двух рот которой 12 декабря осуществила еще одну, последнюю, вылазку с целью захвата, но потерпела неудачу.

Так, схватка за схваткой, в течение двух-трех дней «Алказар» переходил из рук в руки, пока командование дивизии окончательно не оставило идею его удержать. Скрепя сердце Хейнрикс согласился с мнением подчиненных о том, что узкий участок клином выдается из общей оборонительной линии и, несмотря на всю его ценность, сохранение его в руках финских подразделений стоило бы очень больших потерь. В качестве цены за принятие решения об отступлении и за предшествующие оставления позиций командир 10-й дивизии Вейо Кауппила был снят со своей должности. Должен же был Хейнрикс возложить на кого-то ответственность за потерю этого и предыдущих участков передовой? Место Кауппила занял полковник Аарне Блик.

Радостные известия о взятии ключевого узла обороны прибрежной полосы Тайпалеен-йоки уже мало чем могли обрадовать

командарма Яковлева. Возможно, именно за неудачи 7-й армии в первую неделю войны, как уже говорилось, он был снят с поста командующего своими войсками и назначен заместителем Мерецкова, который теперь сам должен был руководить операцией по прорыву финских укреплений. Не исключено, что Яковлев принял это известие с облегчением, так как теперь вся ответственность за действия армии лежала на самом командующем ЛенВО, а судя по начавшимся на Перешейке боям, до окончательного разгрома противника ошибок будет сделано еще немало.

Но как бы то ни было, весть пусть о небольших, но все-таки успехах 49-й дивизии ободряли нового командующего армией. Во-первых, это были *первые* ДОТы, захваченные красноармейцами. Мерецков как никто другой понимал, что все предыдущие доклады о взятии многочисленных «огневых точек» противника в большей степени являлись «липой» — огневой точкой можно назвать и большой валун, скрывающий пулеметчика. И даже если действительно авангардные части брали небольшие земляные укрытия предполья, финны никогда не предпринимали серьезных попыток их отбить.

А здесь картина была совершенно другая. По характеру боев было видно, что потеря группы бетонных сооружений у берега реки переносится противником болезненно, и ряд безуспешных контратак доказал это. Кроме этого, «Алказар» имел стратегическое значение: захватив его, советские войска получили доступ к разделяющему позиции противоборствующих сторон полю в Теренттиля, где можно было эффективно применить танки и куда было невозможно перебросить войска напрямую через Тайпалеенйоки. Кроме этого, заняв южную часть глубокого, с крутыми берегами, оврага «Черного ручья», советские войска получили одно из немногих удобных мест для укрытия и сосредоточения. Сразу же после этого красноармейцы попытались продвинуться вдоль по ручью по направлению в глубь территории, но кинжальный огонь финских пулеметов не позволил им сделать этого. Надо сказать, что, обладая достаточной глубиной и шириной, овраг Мустаоя все равно никогда не был абсолютно безопасным местом. Финские

минометчики постоянно держали его под обстрелом, пехотинцы противника подползали к краю оврага и забрасывали красноармейцев гранатами, но по сравнению с открытым пространством вокруг него его глубина и извилистость оставляли солдатам шанс на спасение. Вскоре все откосы оврага были усеяны солдатскими норами, ставшими для них постелью, кухней, а зачастую и *могилой*.

Теперь и левый, и правый фланг Коуккуниemi был в руках Красной армии. Почти все исходные позиции, расположенные на расстоянии пары сотен метров от противника, были заняты полками 150-й и 49-й дивизий. Глядя на это из своих траншей, финны только к этому моменту осознали, какую непростительную ошибку они совершили, выкопав вдоль большей части своих опорных позиций противотанковый ров. Для танков он не представлял серьезной преграды, а для атакующего противника он стал безопасным местом для накапливания сил перед попытками штурма, причем прямо у них под носом. Впрочем, путь до этого рва, который находился в каких-то пятистах метрах от первоначальных позиций красноармейцев, тоже был непрост.

Ров пересекал полуостров Коуккуниemi и являлся продолжением одного из отрогов оврага ручья Мустаоя. Местность вокруг него была открытая, а позиции финнов в основном были направлены таким образом, что огонь велся косопримельно, вдоль рва. 469-му стрелковому полку из 150-й дивизии потребовалась неделя, чтобы овладеть участком этого рва, и то после того, как к нему были вырыты траншеи, по которым можно было пробираться только ползком.

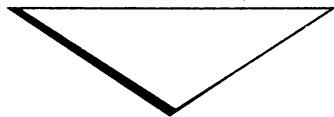
В то время как советская пехота ожесточенно пыталась пробиться сквозь заградительный огонь противника, артиллерия усиленно пыталась выявить расположение и подавить огонь финских орудий.

Скрытые в лесу кочующие и хорошо замаскированные позиции полевой артиллерии найти было нелегко. Батарею «Каарнайоки» тоже обнаружить не удалось, хотя она вела огонь очень и очень часто. Согласно записям в журнале расходов боеприпасов, за 6 де-

кабря 1939 года расчетами было израсходовано 364 снаряда, на следующий день 238 снарядов, а к 10 декабря число выпущенных смертоносных «гостинцев» перевалило за тысячу.

А вот батарея «Ярисевя» была уже обнаружена, и поэтому основной удар советских пушек пришелся именно по ней. К 11 декабря гарнизон батареи уже насчитал около тысячи снарядов, прилетевших с другой стороны фронта. Один из снарядов начисто снес наблюдательную вышку вместе с дозорным рядовым Ренфорсом, а другой 152-мм заряд пробил крышу склада боеприпасов. И это было только начало...

Подводя итоги первых двух недель боевых действий Красной армии, можно было сказать, что худо ли бедно ли, но в конце концов основной рубеж обороны противника был определен. Штаб «Северо-Западной группы» назначил решающее наступление с массовым применением бронетехники на 15 декабря. Для успешного прорыва Грендаль решил использовать почти весь танковый парк, приданный его группе, костяк которого составляли машины 39-й танковой бригады полковника Дмитрия Лелюшенко.

Броня штурмует линию Маннергейма

Отдельная бригада Лелюшенко прибыла на Тайпале почти одновременно с батальонами 150-й дивизии и так же, как это соединение, была снята и переброшена с расформированного Белорусского фронта. Мощный ударный потенциал бронированного кулака группы войск Грендаля был предназначен для *Прорыва*. Настоящего прорыва обороны противника, с полным сминанием его пехоты, отутюживанием позиций и расплющиванием любого, кто встанет на его пути.

Кстати, если говорить вообще о сконцентрированных у границы с Финляндией накануне начала войны бронетанковых частях Советского Союза, то на Кексгольмском направлении их было в полтора раза больше, чем на Выборгском.

Действительно, на 30 ноября 1939 года на западе Карельского перешейка, у реки Сестры, находилась 20-я и 40-я танковые бригады, вместе имевшие на вооружении около трехсот машин Т-26 и Т-28.

На востоке же, в районе Кексгольмского шоссе и у так называемого Кириясальского выступа, командованием Ленинградского военного округа были сконцентрированы 1-я, 13-я, 35-я и 39-я танковые бригады, общий парк которых состоял из ста шестидесяти танков БТ-5 и БТ-2, около двухсот пятидесяти БТ-7 и более двухсот Т-26. Чем не еще один аргумент важности и ответственности удара, направленного на северо-восток Перешейка?

Справедливости ради надо сказать, что все вышеуказанные соединения являлись *легкотанковыми*, т.е. предназначенными для оперативного и весьма быстрого передвижения по территории противника, а не для мощного нажима на фортификационные преграды. У них не было железных гигантов типа многобашенных машин Т-28 или Т-35. Но даже без этих внушительных образцов изделий советской оборонной промышленности, взятые вместе

бригады составляли ту мощь, которой, казалось, нет противодействия.

39-я легкотанковая бригада была среди них одной из лучших.

Самодостаточности подчиненной Лелюшенко части могли позавидовать многие соединения. В состав бригады входили пять отдельных танковых батальонов, каждый из которых насчитывал около сорока танков Т-26. Помимо этого, 39-й бригаде были приданы сорок изрыгающих пламя машин 204-го отдельного огнеметного танкового батальона. В соединение также входили пятнадцать броневиков БА-20 и десятки грузовиков из автотранспортного и ремонтно-восстановительного батальонов. В бригаде были свои отдельные подразделения штабистов, саперов, связистов, зенитчиков, а завершали список подчиненных полковнику Лелюшенко частей 219-я медицинско-санитарная рота, полевой автозавод, военторг и отделение полевой почты.

Сила была внушительная. Правда, на пути из Белоруссии на Карельский перешеек приказом Генерального штаба РККА бригаду лишили трех боевых частей. В соответствии с указанием Москвы 97-й и 100-й отдельные танковые батальоны отправили на Северный фронт, в Карелию, а 98-й батальон придали формируемому в Ленинграде 1-му корпусу марионеточной Финской народной армии. Из-за этих потерь оставшийся в составе бригады 232-й отдельный разведбат был преобразован в линейную танковую часть, имеющую в своем составе не только роту из бронемашин БА-20, но еще и две танковые роты.

Приказ на выступление из поселка Токсово бригада получила 6 декабря, причем изначальным местом назначения машин был район Петяярви—Кивиниemi, где уже намертво встало другое, не менее крупное танковое соединение — 35-я танковая бригада.

Путь был долог. Забитые артиллерией, обозами и автотранспортом дороги не позволяли осуществить молниеносное продвижение. Когда бригада наконец присоединилась к коллегам из 35-й, всем уже было известно о провале операции по форсированию Кивини-емской протоки. После этого 35-ю танковую бригаду отправили на запад Перешейка, а 39-ю бригаду — на восток, в Метсъяпиртти.

Бригада потратила еще два дня, чтобы проделать путь, который современным автотранспортом преодолевается за один час. 13 декабря 1939 года танки Лелюшенко переправились через реку Тайпалеен-йоки и заняли свое место на и без того забитом войсками полуострове Коуккуниеме. По прошествии еще двух дней им было приказано начать атаку.

Надо сказать, что день 15 декабря отмечен в финских источниках как первое серьезное столкновение на фронте Тайпале. В советских же отчетах о боевых действиях это был просто еще один день, наполненный попытками прорвать финскую оборону. Возможно, с той разницей, что теперь для достижения этой цели на помощь пришли бронированные машины, и попытка была сделана одновременно всеми силами, переброшенными на северный берег реки.

На направлении Теренттиля за пару дней до этого саперы несколько раз подрывали мерзлый грунт склонов Мустаоя, чтобы обеспечить танковые проходы. Вдоль берега реки в направлении «леса Пярсинена» была выслана разведывательная группа из находящегося пока в резерве 15-го полка. Разведка наткнулась на финский пулеметный расчет, не выполнила задачи и вернулась с девятью ранеными и одним убитым. 222-й полк в районе оврага предпринял пару предварительных атак с поддержкой огнеметных танков из 204-го батальона, но ввиду того, что преодолеть овраг танки не смогли, посылаемые в огонь роты откатились обратно за склон «Черного ручья».

Усиление советских войск не прошло незамеченным для противника. Используя воздушную разведку, финны выяснили, что на этот день, помимо дополнительно развернутой дивизии неприятеля, число артиллерийских частей Советского Союза на этом направлении было доведено до пятидесяти семи батарей. Противостояло такой силе всего девять полевых и две стационарные батареи обороняющихся.

Основным направлением удара 3-го стрелкового корпуса РККА было выбрано северо-восточное, наискось от оврага, через поле деревни Теренттиля напрямиком на финские опорные пункты, от первого до пятого. Вообще, опорные пункты финнов руководством

Красной армии не выделялись. Разведка искала ДОТы. Именно они считались главным препятствием для прорыва. Оборона противника воспринималась как единое целое, и цитаделью всей защиты финнов была назначена «крепость Тайпале», откуда чаще всего и с максимальным ущербом прилетали финские снаряды. Именно на северо-восток были нацелены удары двух полков 49-й дивизии.

На северо-западное направление, вдоль берега Суванто-ярви, направлялись два полка 150-й дивизии. Приданным им танкам также предстояло преодолеть ров, но по сравнению с оврагом Мустаоя он был намного мельче, поэтому как серьезная преграда не рассматривался.

Стык между двумя дивизиями заполнил возвращенный на передовую ударный 19-й полк 142-й дивизии. Его целью был также удар в восточном направлении, в верховья ручья Мустаоя, к высоте 13,2.

Не дожидаясь рассеивания предрассветного сумрака, 15 декабря 1939 года артиллерия Красной армии начала трехчасовую артиллерийскую канонаду. Это был первый значительный методичный артобстрел позиций противника. Впоследствии такие огневые налеты превратились в рутинную многочасовую артиллерийскую обработку линии Маннергейма. Скорчившись в окопах под таким огненным шквалом, солдаты финской 10-й пехотной дивизии всю стали проклинать свою собственную артиллерию, не выпустившую в ответ ни одного снаряда. Они не знали, что финские артиллеристы получили строгий приказ не расходовать боеприпасы на противодействие артиллерии, экономя их для более важных целей.

В 11.30 обстрел прекратился. Рева моторами, в бой пошли танки, большая часть 39-й бригады в количестве пятидесяти девяти машин Т-26 и тридцати огнеметных танков из 204-го отдельного батальона. 150-ю дивизию поддерживали броневые единицы 232-го отдельного разведывательного батальона, а с бойцами 49-го стрелкового соединения шли в бой танки 85-го танкового батальона.

Для того чтобы бронемашины могли выйти на оперативный простор у Теренттиля, им надо было преодолеть частично занятый овраг ручья Мустаоя. Подрывавшие и выравнивавшие крутые склоны оврага саперы не додумались сделать танковые проходы широкими, и поэтому результаты их работы позволяли пройти только одному танку. Когда финны заметили это, им достаточно было подбить первый танк, чтобы вся колонна, следующая за ним, была блокирована. Из-за таких досадных промахов, машинам не удалось одновременно устремиться к вражеским позициям. В одних местах танки все еще искали обходные пути преодоления препятствия, тогда как в других они уже перемалывали траками снег полей деревни Теренттиля.

Пока советская бронетехника преодолевала глубокий овраг Мустаоя, роты красноармейцев уже вышли на перепаханное снарядами серое поле и стали приближаться к окопавшемуся в Теренттиля противнику. За небольшой промежуток времени между артиллерийским ударом и началом атаки финская пехота заняла стрелковые позиции и приготовилась к отражению атаки противника. Взорам занявших свои окопы солдатам предстала панорама поля, на которой к ним двигались тридцать танков. В полутора километрах западнее, к позициям в Кирвесмяки, приближалась еще одна группа из двух взводов бронемашин Т-26. За техникой большими скоплениями наступал личный состав 674-го и 756-го стрелковых полков 150-й дивизии. После разрыва последнего снаряда над полем нависла напряженная тишина. Безмолвие и тишину нервного ожидания нарушало пугающее лязганье и громыхание танковых гусениц, звук от которых нарастал по мере их приближения. Позади них трусцой приближались подразделения советской пехоты. Не останавливаясь ни на секунду, танки открыли огонь, полоснув снарядами по остаткам деревьев над финскими окопами. Среди обороняющихся послышались крики первых раненых: потери стали расти, вызвав у финнов еще большее раздражение бездействием своей артиллерии.

После пронзительных свистков командиров взводов по атакующим был открыт огонь из всех видов оружия. Из невидимых

красноармейцам окопов застучали пулеметы, заглушив беспорядочный треск винтовочных выстрелов. Далее к общему шуму боя присоединилась финская артиллерия — на поле перед опорными позициями стали рваться шрапнельные снаряды и минометные мины. Столь организованный отпор вынудил стрелковые подразделения отойти обратно и залечь в спасительном рву, оставив свои танки один на один с противником.

Несмотря на внушительный удар обороняющихся, большинству советских танков удалось достичь проволочных заграждений и поелозить по ним, чтобы проделать проходы для своих пехотинцев. Затем они двинулись к финским окопам, перемахнули их и обнаружили себя уже в тылу противника. Но тут возникла проблема. Командиры машин не имели представления о том, что делать дальше. Пехота была отсечена, и залегла далеко позади. Для того чтобы снова увлечь ее за собой, танки повернули назад.

Тут-то и вступили в бой финские противотанковые орудия. Выкатывая легкую пушку «Бофорс» из замаскированной воронки, противотанкисты посылали снаряды в корму или в бок машины, пробивая броню танка насквозь.

Конечно, свою роль сыграли и пехотинцы, которые забрасывали советские танки «коктейлем Молотова», гранатами и так называемыми каспанос, связками тротильных шашек, прикрепленных к длинной палке. Однако основной ущерб атакующей броневой поддержке Красной армии нанесли именно финские противотанковые орудия. Одним из известных примеров финского боевого эпоса является эпизод, когда солдат подбирается к танку сбоку и вставляет ему между катков крепкий кол, тем самым обездвигивая грозную машину. Возможно, такой случай и имел место, но о массовом применении этого варианта противотанковой борьбы вряд ли стоит говорить. Подобраться к стальному агрегату грозило смертельной опасностью, поэтому, как правило, с танками боролись штатными средствами и по возможности на значительной дистанции — бутылками с «коктейлем Молотова», гранатами и противотанковыми пушками.

Уничтожение машин 39-й бригады происходило и на западном фланге театра боевых действий — в Кирвесмяки, где к трем часам

дня атака Красной армии также была полностью отбита. Там, на заснеженном поле, темными силуэтами застыла дюжина танков, из открытых люков которых лениво выбивался дым.

Через час атака повторилась еще раз. Теперь в бой были посланы подразделения второго эшелона. Результат оказался тот же. Сильный ружейно-пулеметный огонь и перегораживающая поле колючая проволока не давали возможности людям преодолеть хотя бы половину дистанции до вражеских траншей.

Танки опять выезжали на поле, опять возвращались к засевшим в овраге красноармейцам. Они вновь устремлялись к вражеским траншеям, искали подходящие мишени, но снова и снова встречали коварный удар снаряда из совершенно неожиданного места. Кочующие от ямы к яме расчеты финских противотанкистов действовали четко и быстро. Послав один-два снаряда в ближайшие неприятельские гусеничные агрегаты с дистанции сто — сто пятьдесят метров, три человека в белых балахонах мигом сворачивались и передвигались на другую позицию. Ближайший к подбитому товарищу танк засекал место, откуда был произведен выстрел, направлялся туда для ликвидации вражеской огневой точки, но не находил там уже никого. Более того, он сам мог в свою очередь подставиться под очередной огневой удар.

В овраге Мустаоя надрывно ревели моторами машины, которым не удалось преодолеть крутой склон. На краю рва их пытались прикрыть бронированными бортами их сослуживцы, уже преодолевшие это препятствие. На поле за оврагом дымилась подбитая бронетехника, подчас с уничтоженным экипажем внутри. Поврежденные, но не обездвиженные танки откатывались назад, за овраг, зачастую управляемые одними контуженными механиками-водителями, которые транспортировали на свои позиции изуродованные тела командира экипажа и башенного стрелка. Те машины, которые не пострадали, отъезжали назад и по пути подбирали на свою броню смертельно бледных раненых солдат-пехотинцев. Всю эту картину периодически скрывал пороховой дым, смешанный с выхлопными газами.

Командирский танк Дмитрия Лелюшенко без остановок метался от одного взвода к другому. Полковник выскакивал из люка,

поднимал пехоту, затем снова прыгал в машину и возвращал подчиненные экипажи, орал на саперов, выслушивал неутешительные донесения и снова и снова с болью смотрел, как гибнет его бригада.

К пяти часам вечера на сборный пункт соединения прибыло четыре бронемашин. Наступившие сумерки притупили накал сражения, уступив место подсчету потерь.

После бессонной и нервной ночи опустошенные и вымотанные командиры-танкисты оценили ущерб первого боя.

Погибло двадцать пять человек, было ранено двадцать семь, пропало без вести шесть. Погиб командир роты воентехник II ранга Руфов, еще накануне пламенной речью призывавший своих коллег «громить белофинских бандитов и освободить народ Финляндии от гнета капиталистов». Погибли политрук роты Плотников, командир взвода лейтенант Булкин, младший лейтенант Домоганский, погибли механики и наводчики, стрелки и связисты.

Многие предпочли с риском для жизни отсидеться и вывести поврежденную технику в тыл уже после окончания боя, в темноте. Примечателен рассказ механика Затулавитера, спасшегося из сгоревшего танка и просидевшего весь день в колодце перед второй финской позицией в Кирвесмяки. Ему удалось не только выжить, но и отвезти в тыл один из подбитых танков, а после войны описать этот случай в первом томе книги «Бои в Финляндии».

Из пятидесяти девяти бронированных агрегатов к утру 16 декабря на опушку роши в Коуккуниemi вернулось шестнадцать боеспособных машин. Еще пятнадцать танков были тем или иным способом повреждены, но их удалось в эту же ночь отбуксировать на сборный пункт. Перед финскими опорными позициями недвижимым металлоломом осталось двадцать восемь единиц техники.

Единовременная потеря значительного количества бронемашин неприятно поразила советское командование, и в части полетели приказы о тщательной разведке передовых рубежей финской обороны на предмет противотанковых орудий. Ни Яковлев, ни Мерецков, ни Грендаль, ни Лелюшенко, ни один из команди-

ров дивизий РККА не могли и предположить, что на всем участке Тайпале их броневому кулаку противостоит *шесть* противотанковых пушек «Бофорс», которые в случае необходимости спешно перебрасываются с одного опасного участка на другой. Со своей стороны, сами финны в этом вопросе считали себя очень удачливыми — шесть орудий на пять километров фронта — это большая концентрация, которой могли позавидовать многие командиры других опорных узлов линии Маннергейма. Недосток штатных противотанковых средств, собственно, и породил много различных способов если не уничтожения бронированной техники противника, то по крайней мере лишения их способности передвижения. Как говорится, голь на выдумки хитра.

16 декабря в атаке участвовало уже гораздо меньше машин. Отчасти это было вызвано небольшим количеством боеспособных танков, а отчасти тем, что, обжегшись один раз, командование советских войск на Тайпале решило не подвергать дальнейшему риску свои броневые силы. Соответственно и потери по сравнению со вчерашним кошмаром были меньше.

Итак, на второй день танковых атак в бой в Теренттиля был отправлен приданный 19-му полку взвод танков в составе пяти машин 85-го батальона и еще один взвод из шести танков поддерживал 212-й полк. В Кирвесмяки действовало всего четыре машины из 232-го разведбата с 674-м стрелковым полком. Кроме этого, два танка из 85 ОТБ участвовали в разведке местности района, где осталась подбитая техника.

Пехота опять не смогла преодолеть огонь противника и продвинулась вперед на полторы сотни метров только в Теренттиля. Из семнадцати танков вернулось назад семь, три были подбиты, но вернулись, а еще семь присоединились к оставшимся на поле боя вчерашним двадцати восьми.

Убедившись, что за десять дней попытки прорыва с ходу в этом районе ни к чему не привели, подразделения красноармейцев стали основательно обустроиваться. Южные склоны невысоких холмов, крохотные ложбинки, рощи — словом, весь небогатый ландшафт полуострова Коуккуниemi за несколько часов покрыл-

ся окопами и одиночными ячейками. Ямы на одного-двух человек располагались абсолютно хаотично. Во многих случаях, это были углубленные и облагороженные воронки от разорвавшихся снарядов. Земля уже успела крепко замерзнуть, и такая «помощь» со стороны финнов в рытье индивидуальных окопчиков была только на руку. Передовые позиции, примыкающие к открытым пространствам, разделяющим противоборствующие стороны, стали укрепляться небольшими булыжниками, которые в обилии содержит в себе грунт Карельского перешейка. Остатки кирпичей от печей сожженных финских домов растаскивались по норам, и из них и подручного материала мастерились печурки. Впрочем, неустроенность быта и отсутствие элементарных мелких, но таких необходимых в жизни вещей с самого начала войны заменялась имеющимися под рукой предметами с использованием солдатской смекалки. К примеру, как уже говорилось, для сооружения печурок для обогрева своих «жилищ» красноармейцы использовали кирпичи с финских пепелищ. В качестве дымовой трубы в дело часто шли вставленные друг в друга снарядные гильзы, у которых обрубалось дно, или грубо свернутые листы от цинковых патронных ящиков. Для укрепления стенок и потолка мини-блиндажей в ход шли также расплющенные патронные цинки, а иногда и плоские бронешитки времен Первой мировой войны, которые было удобно устанавливать вертикально из-за имеющихся у них подставок. Достаточно топлива для импровизированных приспособлений для обогрева было достать нелегко. Сучья и остатки валявшихся рядом деревьев были спалены очень быстро, а каждый подъем головы из окопа был чреват опасностью попасть под обстрел финского снайпера. В дальнейшем каждый согревался как мог. В качестве топлива в ход шли деревянные ящики из-под снарядов, газеты, и даже выдаваемые для совсем других целей лыжи.

Но условия солдатского обитания еще пока мало интересовали высшее руководство армии, все еще лелеющее мысль о быстром продвижении в глубь обороны врага. Потерпев неудачу в первых попытках штурма, атаки не прекратились. Сталин давил на Ворошилова, тот на Мерецкова. Мерецков вызывал Грендаля и в ка-

тегорической форме приказывал ему активно воздействовать на подчиненных. Грендаль нажимал на командующего 3-м стрелковым корпусом Батова, который в свою очередь вызывал на ковер командиров 49-й и 150-й дивизий Воробьева и Князькова. Последние бросали в бой все новые и новые подразделения, но положительного результата все равно не получалось.

Начиная с 17 декабря советские части стали предпринимать ежедневные методичные наступления по всему фронту — от Суванто-ярви до Ладоги. К этому времени к воюющим войскам присоединился 15-й стрелковый полк, тем самым завершив сосредоточение всей 49-й дивизии на левом берегу Тайпалеен-йоки. Направление наступления 15-го полка было выбрано самым точным, вдоль занятых надречных «леса Пярсинена» и «Народной школы» к устью реки Каарна-йоки.

Попытки декабрьского штурма финских опорных пунктов происходили всегда днем, потому что ввиду недостаточных разведывательных данных местность вокруг красноармейских частей все еще в большинстве своем оставалась малознакомой. Атака за атакой не приносила никаких результатов. С середины декабря, записи в журналах боевых действий всех воюющих подразделений стали напоминать переписанные друг у друга школьные сочинения.

17 декабря 1939 года эти записи звучали так:

19-й СП 142-й СД: «...19-й полк достиг южной отметки 13,2—600 м, преодолев два противотанковых рва и проволочные заграждения в четыре кола, продвигаться не мог — окопался. Все время ведется сильный пулеметный и артогонь... 39-я танковая бригада ушла на дозаправку. Полк имеет потери, количество выясняется»³¹.

222-й СП 49-й СД: «..В 14.00 1/222 и 3/222 повели наступление, вошли в опушку леса, но встреченные сильным ружейным, пулеметным огнем противника отошли на прежнее место расположения»³².

212-й СП 49-й СД: «Полк получил задачу атаковать опушку роуци Северо — Западнее Теренттия. В 1-м эшелоне 1/212, усту-

пом за ним 3 и 2/212. Атака успеха не имела, так как противник вел усиленный артиллерийский и пулеметный огонь»³³.

756-й СП 150-й СД: «Атака без артиллерийской подготовки с использованием темноты. 1-й и 2-й стрелковые батальоны преодолев проволочные заграждения за эскарпом были встречены артиллерийским и пулеметным огнем. Третий батальон, преодолев эскарп, до проволочного заграждения не дошел. Батальоны находились под огнем и к исходу дня отошли на исходное положение. Имелись случаи со стороны бойцов самовольного отхода в тыл»³⁴.

15-й СП 49-й СД: «Полк произвел перегруппировку сил, получил задачу наступать на Северо — Западную окраину Тайпале. В первом эшелоне действовал третий стрелковый батальон, но ввиду сильного артиллерийского и пулеметного огня противника, наступление успеха не имело...»³⁵

Через несколько дней все полковые писари как по команде стали начинать ежедневные записи с одинаковой фразы: «расположение полка остается прежним».

Из бригады Лелюшенко 17-го декабря были выделены десять танков, которые поддерживали атаку 222-го стрелкового полка 49-й дивизии. За световой день пять из них были подбиты, а пять вернулось назад. После этого 39-я танковая бригада взяла «таймаут» на целую неделю для эвакуации и восстановления, где это было возможно, своей покалеченной материальной части.

Когда на поле брани опускалась ночь, для советских саперных подразделений начиналась «охота за танками». Целью этой опасной и трудной работы была эвакуация подбитых бронемашин с поля боя для последующего ремонта. Как вспоминал участник боев В. Максимов, «не все танки можно было одинаково легко привести в свою часть. Некоторые из них застряли далеко от наших позиций, иногда даже в тылу противника. Нужно было проявить немало отваги и ловкости, чтобы спасти такую машину. “Охотники” заранее, иногда по несколько раз ходили в разведку, изучали каждый бугорок, иногда маскировали место, куда должен был подойти трактор, насыпая там снежный за-

вал... Саперы выравнивали землю под танком, чтобы он легко, без задержки сдвинулся с места. И в самое "тихое" время, часа в два—три ночи, осторожно, на малом газу подходил к этому месту трактор. Зато когда зацепляли танк тросом за серьгу тут уж шумели всю — давали полный газ и неслись вместе в ним по полю, прыгая по кочкам, под выстрелы и разрывы вражеских снарядов»³⁶.

Таким образом, упрямо, медленно, настойчиво все брошенные машины возвращались назад. Черные от копоти после пожара, со сгоревшими останками экипажа внутри, со смертельными, но с первого взгляда незаметными пробойнами от 37-мм снарядов, со сдернутыми гусеницами, со свернутыми башнями, все они сначала тщательно подготавливались к эвакуации, а затем оттащивались на ремонт в тыл. Каждый факт буксировки подбитой машины записывался в журнале боевых действий:

«26.12.1939. Восстановлено три машины, четыре подготовлено к эвакуации.

27.12.1939. Эвакуировано два танка.

28.12.1939. Подготовлено к эвакуации два танка.

1.1.1940. Восстановлен один танк. Эвакуировано три»³⁷.

И так далее до самого конца войны...

Конечно, танками ночные походы не ограничивались. Искли раненых, пытались вытащить на свою сторону трупы и брошенное оружие, но чем ближе к вражеским позициям приходилось подползать в ночное время, тем меньше было шансов на возвращение. Например, когда в месиве боя обнаружилась гибель начальника штаба 3-го батальона 222-го полка Нокшеева, командир полка приказал притащить его тело, так как у погибшего находилась полевая сумка с картами и важными документами. И три добровольца под командованием занявшего должность Нокшеева капитана Мещерякова ночью поползли на нейтральную полосу искать труп несчастного начштаба.

В темноте финские дозоры заметили шевеление на стороне противника и, не особо высываясь из окопов, открыли беспорядочный и довольно редкий огонь в этом направлении. Чтобы вы-

ползти навстречу смутному движению в темноте, и речи быть не могло — финнам так же было страшно, как и русским. Тем временем, распластаваясь в снегу при каждом выстреле со стороны противника, группа Мещерякова переползала по остывшему полю недавнего боя от одного трупа к другому, ворочая их и пытаясь опознать в заиндевевших оскаленных лицах мертвецов старшего лейтенанта Нокшеева. Тело Нокшеева оказалось пятым по счету. Сумка с документами оказалась при нем, к всеобщему облегчению, документы никто не тронул. Одна проблема была почти решена. Оставалась проблема посерьезнее — само тело старшего лейтенанта. Чтобы забрать с собой труп, надо было приложить массу усилий и, возможно, потерять одного или двух бойцов. Поэтому документы были благополучно доставлены в штаб полка, а убитый начальник штаба Нокшеев остался на поле боя, заметаемый декабрьским снегом, чтобы быть похороненным в общей могиле через долгих три месяца...

Учитывая большое количество потерь, батальоны 49-й и 150-й дивизий переформировывались после двух-трех дней боев. Однако поспешно собранная и прибывавшая в качестве пополнения советская пехота была мало подготовлена к войне. Прошедшие формальное двух-трехдневное обучение и брошенные в бой солдаты паниковали под артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем и откатывались на исходные позиции.

Характер сражения очень напоминал битву на Сомме в Первую мировую войну. Там так же, как и здесь, не имея камуфляжной экипировки, группы наступающих передвигались плотными скоплениями и были видны обороняющимся как на ладони. Танки, также не имевшие белой маскировочной окраски, жались друг к другу, предпочитая действовать повзводно, что создавало возможность выгодно использовать против них полевую артиллерию. Из-за этих самых декабрьских лобовых ударов по всему миру разнеслась весть о том, что Красная армия не считается с людскими жертвами, а ее тактика схожа со средневековой тактикой штурма крепостей. В своих мемуарах, описывая первые бои на Тайпале, эту тактику позже отразил сам маршал Маннергейм, именем которого и был назван

фронтной рубеж: *«русские упорно следовали первоначальному плану лобовых атак, приносящему им чудовищный урон»*³⁸. Но даже в Средние века, после неудачных попыток овладения вражеской цитаделью, нападавшие приступали к осаде, дабы сохранить свою армию и измотать противника. В дальнейшем и советские войска поменяли свою методику ведения войны.

Как командующий частями РККА на этом участке фронта, комкор Грендаль опять и опять запрашивал пополнение. Перевес в артиллерии стал еще более значительным: восемьдесят четыре советских батареи против девяти финских на участке фронта всего в три километра. Из частей ему докладывали, что за период с начала декабря войска его группы потеряли почти половину своего личного состава. Так, например, после первых атак 212-й стрелковый полк неделю был вынужден воевать в двухбатальонном (вместо положенных по штатному расписанию трех) составе.

Количество маршевых батальонов, вливающих в потрепанные части, увеличивалось с каждым днем. Солдаты побывавших на передовой полков в тылу обрисовывали весьма мрачные картины о боях с «белофиннами», в которых на первом месте стояла смертельная усталость, страх и растерянность от бессмысленности пережитого. Ни у кого не оставалось желания вновь возвращаться на передовую, подниматься в атаку и ползти по трупам своих товарищей, зная, что почти наверняка он будет убит. Тем не менее люди вновь и вновь шли на смерть. Поступавшая в качестве дополнительного пайка водка заставляла живых не думать о смерти, ставшей такой обыденной в заснеженных полях у Тайпалеен-йоки.

«Я помню, как в период первых массовых кровопролитных атак к нам в блиндаж зашел пьяный командир взвода разведки из пехоты. Дело в том, что ведомости на выдачу пайка по количеству личного состава составлялись за день вперед. Поэтому, к моменту доставки пищи, многие из заявленных в списках бойцов уже погибли, участвуя в утренней или вечерней атаке. Естественно, что оставшиеся невостребованными пайки распределялись среди оставшихся в живых, и офицеры пользовались преимуществом... Так вот этот лейтенант-пехотинец был очень сильно пьян. Меня

тогда поразило, что он полностью смирился со своей участью, и о себе рассуждал уже как о покойнике. Такое у него состояние духа было»³⁹, — вспоминал Э.И. Заславский, командир топографического взвода 150-й стрелковой дивизии.

Понятно, что не в большевистских традициях проявлять заботу о солдатской массе, но с таким войском ни о каком прорыве ко дню рождения Сталина не могло быть и речи. Мощные артиллерийские обстрелы финских позиций не приносили желаемого результата. Финны отвечали ответным артиллерийским огнем. Батарея «Каарнайоки», о существовании которой советское командование догадывалось, но не могло четко определить ее местоположение, в первую очередь вызывала устойчивую ненависть. Уже в самом начале боевых столкновений было ясно, что крупнокалиберные снаряды неприятеля прилетают с северо-восточного направления, но основным местом сосредоточения пушек врага считалась «крепость Тайпале» или «Улицкий шанец».

И, конечно же, безрезультатные пехотные атаки...

«Взводом командовал у нас Большаков такой, а на роту пришел бывший комбат Донских. А должность командира батальона занял майор Майский, косоглазый такой, маленький, очень вредный... Ко мне все время придирался, впечатление оставил очень плохое. Но потом он получил звание Героя Советского Союза. На чужих костях он сделался героем...»⁴⁰ — комментировал те события один из ветеранов 674-го полка 150-й дивизии. Действительно, майор Сахиб Нурлугаянович Махубгалиев, получивший после поступления на службу фамилию Майский, был награжден званием Героя за то, что с 8 по 23 декабря 1939 года *восемь раз* поднимал в бой красноармейцев своего батальона. Восемь раз он направлял людей в лобовую атаку на возвышенности финской деревни Кирвесмяки, пока в последней из попыток сам не был тяжело ранен. *«Погиб в том бою мой политрук Почекалин, погиб там же на проволоке его заместитель...»⁴¹* — вспоминал тот же участник декабрьских боев.

В том же бою погиб политрук 674-го полка Василий Гутин, когда своим примером пытался поднять залегших бойцов. Его и комбата Майского представили к званию Героя Союза ССР, только

сам Гутин лежит под обелиском братской могилы, а комбат Майский выжил после своего ранения и в апреле 1940 года прикрепил к гимнастерке «Золотую звезду» и орден Ленина. Ровно через три года и один месяц после своего последнего боя на Тайпале он умер от раны, полученной в бою с немцами. Судьба...

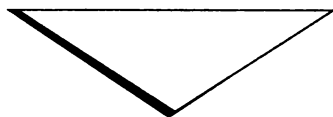
Наравне со своими «безлошадными» сослуживцами все время в бой шли танки 39-й легкотанковой бригады и снова и снова теряли свои машины и экипажи. Правда, потери они несли уже не в таком значительном количестве, как в своих предыдущих выездах. Но все равно, события, словно заколдованные, развивались по кругу, из раза в раз повторяя действия советских войск и противодействие их противника. Танки выходили на прямую дистанцию к траншеям противника, красноармейцы залегали под пулями финских стрелков, бронетехника возвращалась и натывалась на поджидающие их вражеские противотанковые орудия.

Лишь один-единственный раз, когда атаковавший противника на поле деревни Терентила взвод танков внезапно изменил направление своего движения, на его пути оказался абсолютно не ожидавший такого маневра финский расчет с приземистой пушкой «Бофорс». Изумленный механик-водитель танка Т-26 в узкую смотровую щель успел увидеть широко раскрытые от ужаса глаза под белыми капюшонами. Затем он нажал на педаль газа, и жуткий хруст под гусеницами возвестил об уничтожении незадачливых противотанкистов неприятеля...

В общем, в любом случае взять в лоб финнов не удавалось. Основываясь на таких соображениях, комкор Грендаль предложил план обхода финских укреплений с западного фланга — через лед озера Суванто. К середине декабря слабоморозная погода сменилась усиливающимися холодами, и водная гладь озера стала быстро превращаться в прочное ледовое покрытие. Незадолго до принятия решения на фронт прибыла еще одна стрелковая дивизия — 4-я, наскоро сформированная и переброшенная из Белорусского военного округа. Неудачная идея направления сюда дивизии с юго-западных границ СССР объясняется скорее всего той поспешностью, которой была охвачена Ставка Главного во-

енного совета в декабре 1939 года. Крушение планов по молниеносному разгрому своего северного соседа и быстрое ослабление воюющих частей вынуждало советское командование поспешно снимать с мест постоянной дислокации не только соединения, но и отдельные подразделения, усиливая группировку войск на финском театре военных действий, и в то же время ослабляя и внося дезорганизацию в оставшиеся на местах войска. Два стрелковых полка 4-й дивизии (220-й и 39-й) заняли участок вдоль всего южного берега Суванто-ярви, тем самым сузив фронт соседней 142-й дивизии. Третий по счету полк, 101-й, почти весь был отправлен на фронт на полуостров Коуккуниemi, чтобы занять позиции передислоцированного в тыл потрепанного 19-го полка.

Необходимо отметить, что 4-я стрелковая прибыла на фронт более чем слабо подготовленной. Обозы отставали, обмундирование солдат оставалось летним, а о какой-либо мало-мальской подготовке к операции, равно как и предшествующем боевом опыте, не было и речи. Но решение о дате начала наступления уже было принято. Задача командирам полков была поставлена наспех, а скудные данные разведки о характере обороняющихся сил, как водится, не учитывали всех «подводных камней» предстоящих боевых действий. Принцип оставался неизменным: используя крупные массы личного состава при поддержке артиллерии, форсировать Суванто-ярви по льду, выйти на северный берег озера в нескольких местах, захватить и удержать плацдармы до подхода основных сил. На втором этапе две выделенные для этого дела дивизии должны были перерезать стратегическую рокадную дорогу, идущую вдоль всего северного берега озера, выйти в тыл оборонительной линии на Тайпале, окружить и уничтожить противника. День наступления был назначен на 25 декабря, финское Рождество. Возможно, советское командование считало, что в этот день финны ослабят бдительность. И действительно, последующие события показали, что на победу в схватке влияют не только опыт и талант командиров, но и случайное стечение обстоятельств, приносящее пользу одной стороне и наносящее непоправимый вред другой...

Рождество в Келья

Небольшая деревушка Келья (ныне Портовое) располагалась на расстоянии семи километров на юго-восток от центра церковного прихода Саккола. Местные жители издревле занимались рыболовством и земледелием, метр за метром отвоевывая у леса пространство для своих посевов. Усеявшая небольшими домиками невысокие холмы, территориально деревня сливалась еще с одним поселком — Хаапарайнен. В результате упорного земледельческого труда, длившегося из поколения в поколение, вокруг деревни образовались холмистые поля, плавно спускающиеся к открытому берегу Суванто-ярви, озера в полукилометре от деревенской окраины. Келья могла стать известной в начале века, когда инженеры Российской империи наносили на карту Карельского перешейка предполагаемую трассу прокладки новой железной дороги из Петербурга в Кексгольм. Дело в том, что в районе этого финского поселения, между северным и южным берегами озера, существует небольшой поросший лесом остров, через который и был предложен вариант прокладки железнодорожного полотна с использованием мостов. Однако при принятии окончательного варианта было решено проложить полотно через самое узкое место вуоксинской водной системы в Кивиниеми, а Келья так и осталась селом, состоящим из группы хуторов, в которых крестьяне продолжали свою жизнь по патриархальным, унаследованным от предков обычаям.

Единственным изменением в окружающем ландшафте была постройка орудийных ДОТов, о которых уже рассказывалось ранее, в самой деревне Келья и в пяти километрах юго-восточнее, на Патониеми. Большого, чем эти сооружения, финские инженеры не могли позволить на этом участке укрепрайона, несмотря на то, что через Келья проходила стратегическая дорога, связывающая Тайпале с железной дорогой у станции Саккола.

Уже в начале войны, когда северный берег озера был занят подразделениями финской 8-й пехотной дивизии, оборонительная линия, как и на Тайпале, была разделена на несколько районов, каждый в свою очередь состоявший из нескольких опорных пунктов. Район «Саккола» (Громово) состоял из трех опорных позиций, район «Хаапарайнен» (сама деревня Келья, включая оружейный бункер) включал четыре укрепленных пункта, а район «Волоссула» — (с ДОТом на мысу Патониemi) — шесть позиций, причем самая восточная, шестая, являлась одновременно и правифланговым опорным пунктом финнов в Кирвесмяки.

Приготовления советского командования к решительному штурму финских позиций в обход траншей противника на Тайпале не были полной неожиданностью для штаба 10-й пехотной дивизии. Еще 20 декабря финская радиоразведка перехватила советское донесение, сообщающее о характере и прочности льда Суванто-ярви. В течение последующих нескольких дней, предшествовавших разыгравшемуся сражению, разведанные финских войск упорно говорили о намечающихся в этом районе активных действиях противника. Подготовка операции не ограничилась расположением трех полков на участке в тридцать километров вытянутого с северо-запада на юго-восток озера. 23 декабря с фронта с Тайпале были сняты подразделения «ударного» 19-го полка 142-й дивизии, которые передислоцировали на отдых и приведение себя в порядок в местечко Петяярви.

Лед озера пересекали разведывательные группы как с финской, так и с советской стороны. С обеих сторон на них устраивались засады, которые, как правило, заканчивались неудачей. Об активности противоборствующих сторон красноречиво говорит оперативная сводка 142-й СД от 23 декабря.

«а) На фронте дивизии в течении 23.12.39 производилось усиленное наблюдение и действия засад в районе 172 ОРБ, 461 СП, 701 СП с задачей установления проникновения диверсионных групп противника с северного берега оз. Суванто-ярви... В период ночи 22—23.12.39 противник под прикрытием артиллерийского и пулеметного огня производил вылазку мелких диверсионных групп

от пяти до двадцати человек... которые отбиты ружейным и пулеметным огнем.

б) В районе мз. Саккола... противник с 22.00 22.12.39 по 6.00 23.12.39 производил подрыв по северному берегу оз. Сувантоярви, оставляя проходы для своих диверсионных групп, одной из них сигнализировал при отходе ракетами и фонарями.

в) Артогонь 260 ГАП и 334 АП прикрывал отход наших разведпартий»⁴².

При таком пристальном внимании ко всему происходящему в расположении противника трудно утаить сотни больших костров, у которых грелись красноармейцы в лесу у деревни Рииска (Удальцово), расположенной прямо напротив финских позиций северного берега озера. Но и финнам также трудно было держать в тайне расположение своих ДОТов и опорных позиций вдоль северного берега, которые стали подвергаться методичному артиллерийскому обстрелу и, если позволяла погода, авианалетам.

От взгляда наблюдателей Красной армии не ускользало ничего. Когда на территории противника в облаке снежной пыли совершил вынужденную посадку свой самолет, по мановению ока ему на помощь организовалась группа советских военнослужащих. Но неприятель успел блокировать подходы к драгоценному трофею, расстреляв всех бойцов еще на подходе. В своих агитационных листовках, сбрасываемых на занятую РККА территорию, за самолет финны обещали выдать премию десять тысяч долларов США и билет в любую страну мира. В героической попытке прийти на помощь своим товарищам погибло пять и было ранено восемь красноармейцев, оставлено финнам два пулемета, четыре винтовки и один наган. Ни самолета, ни летчика вызволить не удалось, и крылатая машина досталась противнику в качестве трофея.

Сами же пушечные ДОТы на северном берегу были вычислены советской артиллерийской разведкой еще в начале декабря. С этого момента сооружения в Кеккиниemi и Патониemi стали подвергаться ежедневным артиллерийским ударам. Подобно муравьям, финские солдаты каждую ночь набрасывались на появившиеся повреждения, притаскивали и устанавливали на свое место

разметанные очередным метким попаданием валуны и песок либо откапывали завалившиеся от разрывов сектора обстрелов. И чем ближе подходило время к операции 142-й и 4-й стрелковых дивизий, тем интенсивнее становилась огневая нагрузка на северный берег Суванто-ярви. 22 декабря один из пулеметных ДОТов в Патониemi был разрушен прямым попаданием советского снаряда. На следующий день таким же точно образом был разрушен второй пулеметный полукапонир. Таким образом, главный каземат с установленными в нем морскими орудиями всего за два дня остался без своего пулеметного прикрытия, и это непосредственно перед наступлением частей Красной армии.

Последнее тревожное донесение пришло в половине двенадцатого ночи 24 декабря. Уставший финский унтер-офицер, только что вернувшийся из разведки с территории противника, срочно доложил в штаб: *«Край леса рядом с дорогой на Лапинлахти наполнен советскими войсками, по-видимому, ждущими сигнала к атаке»*⁴³.

Обеспокоенный предчувствием скорого наступления русских, командир гарнизона ДОТа в Кеккиниemi связался с расквартированными поблизости пехотинцами с просьбой подвезти ему дополнительный запас снарядов. Капитан Мюллер, командир расположенного неподалеку 3-го батальона 30-го пехотного полка, в ответ на запрос пробурчал что-то среднее между туманными обещаниями и рождественскими поздравлениями.

Нельзя сказать, что тревожные рапорты не оставались без внимания офицеров различных рангов всего финского III армейского корпуса. Их беда была в том, что каждый подчиняющийся им резервный батальон, рота, взвод были столь немногочисленны, что срывать их с места и занимать позиции в предполагаемых районах удара противника казалось слишком расточительным. То же самое касалось и расхода боеприпасов. С самого начала войны в тактике финнов оставалось неизменным одно — если есть удар, то надо на него реагировать как можно быстрее. Но реакция на наступление неприятеля должна была осуществляться лишь тогда, когда предельно четко выяснен характер атаки, ее направление и силы противника. В качестве предварительных мер противодействия

финны периодически подрывали лед озера для образования полыней, но из-за экономии тола и наступившей морозной погоды эти мероприятия оказались малоэффективными. Основная площадь ледяного пространства оставалась нетронутой и укрепляющейся день ото дня.

Ночь перед финским Рождеством выдалась слабоморозная и снежная.

Ранним утром 25 декабря финские дозоры, залегшие на льду озера в сотне метров от своего берега, заметили приближающиеся к ним темные фигуры, едва различимые за пеленой плотного снегопада. Сомнений быть не могло — русские начали атаку. Стремительно снявшись с умятых снежных наблюдательных позиций, финны поспешили к своим, хотя уже было ясно, что предупредить основные силы вовремя они не смогут — ночной снегопад сделал свое дело, и атакующие солдаты неприятеля были замечены слишком поздно.

В тот момент, когда запыхавшиеся часовые торопливо докладывали об увиденном, первая волна подразделений 4-й дивизии уже достигла северного берега Суванто. И тут относительную тишину предрассветной ночи, нарушаемую только отдаленным гулом у Тайпалеен-йоки, разорвал мощный рокот советской артиллерии. Молчавшие до этого орудия РККА, обстреляли тыловые позиции финнов, ограждая своих спешно окапывающихся товарищей на вражеском берегу озера.

В планы советских командиров входило не просто выйти в тыл финской 10-й дивизии, но создать там цельный плацдарм на всем протяжении северного берега Суванто-ярви. Для этого два полка 142-й дивизии и три полка 4-й дивизии РККА одновременно нанесли удары по пяти направлениям.

Первый, самый западный, удар, почти у самой деревни Саккола, был произведен подразделениями 19-го и 461-го полков 142-й стрелковой дивизии. Несмотря на солидный боевой опыт и стойкую волю к выполнению задачи, ни одному из батальонов не удалось добраться до противоположного берега. Бойцы 19-го полка сумели преодолеть первый ряд установленных на льду «рога-

ток» из колючей проволоки, но залегли у второго ряда колючки, прижатые плотным огнем финских пулеметных расчетов.

На пути наступавших на левом фланге двух батальонов 461-го полка препятствий из колючей проволоки не было. Зато были минные поля и полыньи, устроенные противником. Красноармейцы продвигались вперед вопреки всем препятствиям, но в каких-нибудь шестидесяти или пятидесяти метрах от заветной цели на них обрушился сильнейший минометный и пулеметный обстрел из молчавших до сих пор финских траншей. Встретив такое упорное сопротивление, полк откатился на свой берег, чтобы в полдень повторить попытку и снова отступить.

К наступлению темноты все участвовавшие в этой атаке советские солдаты (кому удалось выжить) вернулись на южный берег Суванто-ярви. Многие из красноармейцев пролежали на льду весь день с утра до вечера. Отдаваясь инстинкту самосохранения, они не смели поднять головы и терпеливо ждали наступления темноты, отмораживая себе руки, ноги, щеки, носы. Никогда еще короткий декабрьский день им не казался таким безумно долгим и страшным. На удивление командования, потери были не так уж и велики: чуть больше тридцати убитых в каждом из атаковавших полков и около ста тридцати раненых за десять часов боя.

До сих пор неизвестно, почему два полноценных кадровых полка боевой дивизии Ленинградского военного округа, предприняв две попытки атаки, больше не возобновляли никаких боевых действий, спокойно наблюдая за тем, что творится на их восточном фланге.

А там происходили намного более драматичные события.

Начиная от мыска Кекинниemi удар советских войск пришелся по трем направлениям — непосредственно на Келья, далее на хутор Волоссула и еще восточнее — к мыску Патониemi.

Наступление на Келья началось в шесть утра всем личным составом 220-го стрелкового полка. Штурмовой отряд 1-й роты не добежал двухсот метров до северного берега, как огонь противника прижал его ко льду. Как и в случае со своими коллегами из 142-й дивизии, отряд пролежал на льду до вечера и откатился

назад, оставив на льду убитыми и ранеными сто двадцать красноармейцев.

Две других роты того же полка были остановлены на более дальних подступах к неприятельской линии обороны и также повернули назад с потерями.

Бросок второго батальона 220-го полка через открытый лед озера оказался более удачным, и уже к восьми часам утра красноармейцы спешно окапывались, готовясь удержать занятый плацдарм на поле деревни Келья. Получив донесение, что плацдарм на том берегу занят, командир полка тут же отдал приказ о немедленном усилении гарнизона занятого «пяточка», выслав на подмогу свой последний батальон. Но ответные действия финских войск уже начали вносить серьезные трудности в выполнение этого приказа. Батальон попытался захватить участок берега справа от второго батальона, но, встретив сильное сопротивление противника, начал отступать сразу же после гибели своего командира, капитана Волнухина.

Следя за действиями РККА на этом участке, финское командование решило, что основной удар советских войск направлен в тыл позициям Тайпале, к северу от деревни Кирвесмяки, поэтому первоочередной задачей по нейтрализации советского наступления на северный берег Суванто стала ликвидация двух восточных плацдармов — у Патониemi и у Волосула.

Первым делом хозяева северного берега обратили внимание на самый восточный участок атаки противника — сектор, расположенный в шестистах метрах от ДОТа в Патониemi, который заняла рота 101-го стрелкового полка. Когда финны начали обдумывать методы противодействия, советские солдаты, развивая атаку, наткнулись на расположенную в этом районе неподалеку от берега озера и ничего не подозревавшую батарею полевой артиллерии. Кстати, весь личный состав этой финской батареи, 2-й батареи 4-го тяжелого артиллерийского дивизиона, был шведоговорящим, то есть этническими шведами, проживающими в Финляндии. Многие из них и по-фински говорили с трудом, что являлось причиной недоразумений при распознавании посыльных или просто

в общении со своими исконно финскими сослуживцами из других частей. Впрочем, это так, к слову...

Обладай командир роты Красной армии смелостью в принятии самостоятельного решения, противника можно было бы смести с ходу. Но вместо того чтобы активно действовать, атакующие полностью передали инициативу в руки неприятеля, установив пулеметы и приготовившись к обороне. За это время шведские финны или финские шведы достаточно опомнились, чтобы открыть стрельбу, но из двух имеющихся в батарее пулеметов один быстро вышел из строя. Тем не менее на пути советских бойцов был поставлен довольно плотный огневой заслон, так как большая часть расчетов побросала орудия и принялась отражать атаку с помощью личного оружия, винтовок.

Подоспевшая рота 30-го пехотного полка блокировала залегших красноармейцев до подхода основных сил своего батальона. Теперь у советских солдат в этом районе уже не оставалось никаких шансов для успешного продвижения в глубь вражеской территории. Приказ на отступление тоже никто не давал, поэтому бойцы из 101-го полка укрепились в овраге в 60 метрах к западу от оружейного ДОТа «Патониemi», яростно отстреливаясь от начинающего наступать неприятеля.

Сразу же после подхода помощи, в районе 9 часов утра, финны начали контратаку. Уже через три часа боя район почти весь был в их руках, хотя лично возглавлявший наступление командир первого батальона 30-го полка финнов майор Сохло был убит прямым попаданием в голову. Общие потери финского батальона в этом бою составили 19 убитых и 20 раненых.

Угроза обхода позиций в Кирвесмяки для финских войск миновала, но еще весь короткий сумрачный декабрьский день у Патониemi спорадически вспыхивали выстрелы, сухо разрывающие морозный воздух, — отдельные оставшиеся в живых бойцы Красной армии, не имеющие путей к отступлению через более чем полукилометровый лед озера, сражались до последнего...

Как и у Патониemi, у Волоссула финские дозоры прозевали переходящие озеро роты 4-й дивизии. Даже тогда, когда в рас-

положенных по берегу четырех ДЗОТах 6-й роты 30-го полка обнаружили противника, противодействие было незначительным. Только на западном участке пулеметный расчет занял позицию и торопливо открыл огонь. Его выстрелы действительно нанесли левому флангу перебегающих ледяную пустошь групп определенные потери, положив на озеро пару десятков солдат, и если бы одновременно с ним был открыт огонь и справа, ни один из отважных красноармейцев не смог бы достичь берега с его спасительным лесом. Но финский пулемет на правом фланге замерз, и уже через полчаса около батальона советских бойцов взбирались по отлогим берегам озера, устремляясь в глубь заснеженных зарослей.

В это время командир 30-го пехотного полка Армас Кемппи уже собирался послать свой второй батальон к Патониemi, так как на тот момент он все еще считал, что основной удар противника нацелен именно туда. Он связался с командиром батальона капитаном Сорри и приказал ему поднимать солдат по тревоге. Повинуясь правилам субординации, последний вызвал командира 6-й роты, занимавшей позиции у Волосула, сообщившего, что в их зоне ответственности противника не обнаружено. Отдав приказ о выдвижении подразделения в район Патониemi на помощь первому батальону, он повесил трубку. Не прошло и пятнадцати минут, как звонок из расположения 6-й роты принес весть, что группы русских обнаружены и близ Волосула. Выхода не было, и помощь сражающемуся в Патониemi батальону пришлось отложить до полной ликвидации плацдарма противника в Волосула, куда Кемппи направил большую часть своего второго батальона.

За то короткое время, которое требовалось этому подразделению чтобы достигнуть передовой линии обороны, роты 39-го полка 4-й дивизии существенно продвинулись от берега озера, сблизившись с противником на расстояние всего в двадцать—тридцать метров. Небольшое загишье, изматывающее нервы противоборствующих сторон, было прервано красными ракетами, выпущенными с советского плацдарма в сторону финских позиций. Не заставивший себя ждать артиллерийский удар по дуге очертил занятую территорию,

пытаясь поразить как можно больше финских войск, взявших своего противника в полукольцо. В это время пытающиеся перейти лед Суванто-ярви свежие группы красноармейцев были накрыты плотным огнем артиллерии финнов, и оглядывающиеся назад бойцы уже стали понимать безнадежность своего положения. Примерно через час финны начали контратаку и уже к девяти часам утра плацдарм в Волоссула практически прекратил свое существование. Начавшаяся паника бросила людей на лед, где они стали легкой мишенью для направленного в их спины вражеского пулеметного огня. В 9.15 Сорри связался с Кемппи и, не скрывая радости в голосе, сообщил: «*Плацдарм у Волоссула в наших руках*». Сражавшиеся подразделения финнов были отведены в тыл, а передовые позиции по северному берегу озера заняли солдаты из группы «*Метсяпиртти*».

Печальные результаты атаки озера были отражены в журнале боевых действий 39-го стрелкового полка РККА следующим образом:

«26-ХІІ-39 г. Полк отошел на свое исходное положение. В результате боя в полку вышло из строя:

Бойцов — 906 убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

Материальной части:

а) Винтовок — 430

б) 45 м/м пулеметов — 35 (вероятно, имелись в виду противотанковые орудия. — Примеч. авт.)

в) Станковых пулеметов — 36

г) Ручных пулеметов — 27.

27-ХІІ-39 г. Выноска раненых и убитых, ночные поиски и вынос оружия»⁴⁴.

Итак, когда поздний декабрьский рассвет осветил усеянный чернеющими телами и зияющий снарядами полыньями истоптанный лед озера Суванто, на его северном берегу оставался только один серьезный плацдарм советских войск — в Келья.

В результате начавшейся несколько позже остальных атаки второго батальона 220-го стрелкового полка РККА оборона 8-й роты 3-го батальона финнов в Келья была прорвана с ходу. Спohватившись, финская артиллерия сумела отсечь занявшие почти все дере-

венское поле подразделения противника от спешащих на подмогу через озеро подкреплений. Капитан Мюллер еще не осознал нарастающей угрозы и выслал к месту боя небольшой батальонный резерв, который с помощью своей артиллерии смог лишь остановить продвижение Красной армии, но не ликвидировать его. Перебегающий поле противотанковый ров укрыл советских солдат, и, ловко орудуя лопатами, они за пару часов превратили его хоть и в импровизированное, но вполне серьезное укрепление.

«Под сильным минометно-пулеметным огнем второму батальону удалось зацепиться за противоположный берег. Впереди был противотанковый ров и нам пришлось в нем остановиться, дальше продвинуться не смогли, несли потери. Старший лейтенант Куксов поднялся во весь рост, подал команду "Рота, в атаку, вперед!" и тут же был убит, пулей в голову» (мл. л-т Кузьменков И.М. 220-й СП, 4-я СД)⁴⁵.

К середине дня 25 декабря, когда на ликвидированных утром плацдармах в Волоссула и Патониemi финны уже собирали трофеи и подсчитывали свои и неприятельские потери, в Келья еще всюю гремел бой. Под прикрытием огневого удара своей артиллерии советские солдаты уже не пытались атаковать, надеясь на скорую помощь с того берега. Но непрекращающаяся канонада финских орудий и пулеметный огонь с флангов разбивал их надежды в прах.

Необходимо отметить, что как ни прискорбно это звучит, одной из причин остановки наступления батальона были действия своей же артиллерии. Пытаясь оградить своих от белофиннов, советские снаряды накрыли разведроту 220-го полка, которая продвигалась в авангарде и оторвалась от своих основных сил на двести метров вперед.

Поздно вечером Мюллеру позвонил командир финского 29-го полка с приказом доложить обстановку. *«Ничего особенного, — ответил тот, — русские еще здесь, но сейчас их атакуют две мои роты. Я думаю, с ними скоро будет покончено»*. Мюллер неправильно оценил обстановку. Не прошло и трех часов, как он получил рапорт, что выбить противника не удалось и угроза прорыва советских войск в глубь финской обороны остается.

В течение всей бессонной ночи к крохотному участку озерного побережья было приковано внимание штабов противоборствующих сторон.

На помощь пытающимся вытеснить противника финским солдатам в ночь на 26 декабря была переброшена принимавшая участие в бою в Волоссула 6-я рота. Пока она совершала марш из Виллакала, куда была отведена на более чем скромный отдых, дозоры сообщили о попытке вражеских солдат при поддержке нескольких танков пересечь озеро. Не успевшие еще остыть пулеметы вокруг ДОТа в Кекинниemi открыли огонь, но значительная дистанция до еле видных фигурок противника еще не окончательно разрушала надежду на успех очередной попытки прибыть на помощь завязшим на том берегу красноармейцам. Надежда командования 4-й дивизии рухнула, когда лед буквально взорвался под ударами финской артиллерии. Пройдя около ста пятидесяти метров, советская пехота повернула назад. За пехотой повернули и танки.

А там, на том берегу, солдаты второго стрелкового батальона 220-го полка РККА, не имеющие возможности поесть и поспать уже вторые сутки, стиснув зубы, сдерживали напор противника. Находясь на возвышенности, некоторые из них прекрасно видели сквозь разрываемую вспышками взрывов и ракет морозную ночь тщетные попытки своих прийти на помощь. Надежда на спасение еще не оставляла их, и они продолжали сражаться все с тем же упорством.

Утром 26 декабря прибывшая финская 6-я рота попыталась внезапно, без артиллерийской поддержки, выбить русских с плацдарма. Недооценка финским командованием противостоящих им сил стоила роте около тридцати покалеченных человек. Дозоры с советской стороны не спали и подняли тревогу. Очнувшись от короткого затишья, красноармейцы встретили атакующих очень плотным огнем. Ожесточенная схватка продолжалась пару часов, и финнам удалось несколько потеснить противника, но вызванная сигналом своих советская артиллерия полностью преградила им путь. К середине дня еле держащиеся на ногах солдаты роты получили приказ вернуться на исходные позиции.

Одновременно с этими событиями командир 220-го полка Красной армии капитан Придачин выслал свой первый батальон на помощь иссякающим силам на северном берегу. Батальон смог преодолеть только половину пути и, встреченный организованным огнем неприятеля, был вынужден вернуться на свой берег.

Командовавший 4-й стрелковой дивизией комбриг Ключников приказал отвести людей из первого батальона со льда озера и дожидаться темноты, чтобы повторить попытку по деблокированию своих солдат. В бой было решено послать оба оставшихся батальона 220-го полка.

В наступающем вечернем сумраке, когда личный состав финской шестой роты еще отходил от пережитого кошмара боя, на позиции прибыл третий батальон 28-го пехотного полка. Командир батальона Карл Лагерлеф получил приказ попытаться выбить противника силами двух своих рот, девятой и седьмой. К этому времени имя Лагерлефа уже связывалось с мастерскими контратаками. Именно он провел операцию по ликвидации плацдарма у «леса Пярсинена» 6 декабря. Но в этот раз так же гладко, как в финский праздник независимости, не вышло...

Возможно, если бы атака началась сразу же после того, как финская 6-я рота отошла на исходные, дело бы увенчалось успехом. Но потраченные на перегруппировку несколько часов и выбор наилучшего места для начала боя дали солдатам Красной армии возможность передохнуть и перегруппировать свои иссякающие силы.

Поднявшиеся в атаку бойцы 9-й и 7-й рот с первых же минут столкнулись с упорнейшим сопротивлением. Вызванный огонь советских орудий за пятнадцать—двадцать минут вывел из строя почти целый взвод 7-й роты. Через несколько часов боя посыльный из 9-й роты доложил, что у них кончаются боеприпасы, а сопротивление противника не ослабевает. Введенная в бой 8-я рота не изменила ситуацию.

Начавшийся 25 декабря снегопад прекратился, и над широким озером в морозном кольце показалась белая луна. Погода явно не благоприятствовала советским войскам. Несмотря на это, в девять

часов вечера командование финнов получило тревожное сообщение: *русские получили подкрепление!*

Время не сохранило большинство имен и званий тех, кто, стиснув зубы, буквально переполз километр открытого льда, огибая затягивающиеся льдом воронки и тела солдат предыдущих групп, которым удача не улыбнулась. Теряя по пути людей, несколько взводов прорвали позиции 9-й роты финнов, пытавшейся блокировать плацдарм со стороны озера, и вдохнули надежду в измотанных двухдневной кровью боя красноармейцев из 2-го батальона 220-го полка. В атаку красноармейцев вел лично командир полка капитан Придачин.

Успех был более чем мизерным. Определенное число бойцов пробились на северный берег озера и действительно присоединились к воюющим на плацдарме Келья сослуживцам. Однако большая часть подразделений опять была отсечена огнем противника. Придачин был ранен, и, потеряв общее руководство на поле боя, 1-й и 3-й батальоны отступили.

Получив донесение об относительной удаче русских, командующий финской группировкой в районе Тайпале подполковник Нурми вечером 26 декабря взял ситуацию в Келья под свой личный контроль. В район плацдарма из местечка Вуоксела был переброшен 6-й отдельный батальон, тот самый, который принял боевой крещение в первые дни войны у деревни Палкеала и состоял целиком из жителей Карельского перешейка. Командование этим подразделением, а также 3-м батальоном 29-го полка Нурми взял непосредственно на себя.

Ситуация для финских войск становилась все более и более угрожающей. Небольшой участок деревни Келья, занятый подразделениями 220-го полка Красной армии, приковывал к себе значительные силы финнов, и если бы Грендадь отдал приказ одновременно с этим начать массированное наступление в районе Коуккуниemi, фронт мог бы быть прорван. Чтобы хоть как-то обезопасить финские войска на Тайпале, с запада Карельского перешейка в тыл III армейского корпуса была спешно переброшена кавалерийская бригада генерал-майора Палмрота, располо-

жившаяся в тылу дивизии и готовая в любой момент прибыть на передовую. В течение всей тревожной ночи с 26 на 27 декабря, с интервалом в три-четыре часа, командир 4-й стрелковой дивизии комбриг Ключников пытался перебросить через озеро свои подразделения. Но, учитывая предыдущую ошибку, берег озера плотно прикрывало финское охранение. В атаку был послан даже лично командир 220-го полка капитан Придачин, чьи подчиненные отчаянно сопротивлялись финнам на плацдарме в Келья. Атака под его командованием также не удалась, а сам он был ранен. Утром 27 декабря около батальона красноармейцев в последний раз попытались прорваться на выручку к своим, но огонь орудий из бункера на мысу Кеккиниемеи и стрельба засевших по северному берегу солдат противника этому воспрепятствовали. В девять часов утра финские дозоры передали донесение, которое начиналось с фразы *«лед покрыт грудами тел...»*.

В десять часов утра 27 декабря 1939 года 6-й отдельный батальон финнов поднялся в атаку. Первоначально по приказу Нурми ему должна была содействовать 6-я рота 30-го полка, но командир роты взмолился об отмене приказа, так как рота была обескровлена предыдущим днем боев и солдаты засыпали прямо на ходу. Он получил на свою просьбу положительный ответ, и рота осталась в месте дислокации.

Финны бросились в атаку с правого фланга оборонявшихся, вынырнув из леса, граничащего с передовой и получившего у местных жителей название «Сказочный лес». Сопротивление отчаявшихся получить помощь красноармейцев и действия артиллерии противника заставили их откатиться на исходные позиции, понеся значительные потери. Это был последний сильный и организованный отпор с советской стороны. Измученные трехдневными боями, замерзшие и голодные красноармейцы уже не могли сдерживать неослабевающий напор врага. Повторив попытку через час, финнам удалось вклиниться в оборону плацдарма и бой перерос в кровавую и беспощадную рукопашную схватку. Час за часом бойцов Красной армии становилось все меньше и меньше, и к сгустившемуся холодному вечеру организованная оборона за-

нятого участка поля деревни Келья прекратилась. Вглядываясь в освещаемый всполохами северный берег Суванто-ярви, советские наблюдатели передали рапорт: «*плацдарма 4-й дивизии в Келья больше не существует*». Из темноты на свой берег еще всю ночь выбирались отдельные группы и одиночные бойцы, которым удалось выжить в огне сражения. Последние выстрелы в Келья затихли на рассвете только 28 декабря 1939 года. 4-я стрелковая дивизия РККА была практически разгромлена и требовала значительной доукомплектации личным составом и вооружением.

Уже упомянутый выше младший лейтенант Кузьменков вспоминал: «*Держались мы во рву двое суток без пищи и воды. Наконец дали команду отойти на исходные позиции. Ночью начали отход, тело старшего лейтенанта Куксова не могли взять с собой, оставили на месте. В живых от нашего батальона осталось двадцать два человека, остальные были ранены или убиты*»⁴⁶.

Командиру пулеметной роты 2-го батальона 220-го полка 4-й стрелковой дивизии старшему лейтенанту Петру Куксову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Остается загадкой, как его тело было вынесено с поля боя, если в конце сражения плацдарм остался за противником, но могила героя с надгробным памятником находится в настоящее время в Санкт-Петербурге на Красненьком кладбище...

После трех дней боев на льду и на северном берегу Суванто-ярви осталось лежать около двух тысяч красноармейцев. Финские части потеряли пятьсот человек. Атака Карельского 6-го батальона, решившая исход сражения в Келья, обошлась этому подразделению в пятьдесят смертей. Учитывая, что за все время с начала войны батальон потерял в общей сложности четырнадцать человек, легкой победой это назвать было нельзя. В качестве трофеев финнам досталось сто сорок пулеметов, двенадцать противотанковых орудий, около семисот винтовок, не говоря уже о значительном количестве боеприпасов.

А в печатаемых в газете «Красная звезда» оперативных сводках с 25 по 28 декабря 1939 года сообщалось, что «*на фронте не произошло ничего существенного*»⁴⁷.

И в Москве, и в Ленинграде командирам было о чем задуматься. К концу декабря линия Маннергейма не была прорвана ни на одном участке. Потери исчислялись тысячами. Новый план действий находился еще в стадии подготовки. Вероятно, вследствие всего этого на всем протяжении фронта от Кивиниеми до Тайпале воцарилось относительное затишье.

Лихие настроения начала войны сменились глубокой задумчивостью и недоумением. «Непобедимая и легендарная» Рабоче-Крестьянская Красная армия, так быстро и почти бескровно присоединившая западные земли Украины и Белоруссии, героически сражавшаяся и победившая японцев на Дальнем Востоке, уперлась в крохотный перешеек, остановленная плохо вооруженным маленьким народом, не желавшим повернуть свои пушки против своих же «поработителей-капиталистов». И не просто была остановлена, а понесла урон, о котором трубила западная пресса.

В неглубоком тылу, в окрестностях Рауту и Метсяпиргти, полевые госпитали начали не справляться с новыми партиями пострадавших бойцов. Из-за реки Тайпалеен-йоки потоком прибывали покалеченные пехотинцы и обгоревшие танкисты, жертвы финских пулеметов с рваными пулевыми ранениями и подорвавшиеся на минах с оторванными конечностями. И конечно же, тела, тела, тела. Подчас в нелепых позах, застывшие на морозе в момент, когда их настигла смерть, припорошенные снегом, который уже не таял на серых осунувшихся лицах.

Сначала всех погибших, которых удалось вытащить с поля боя, а также умерших от ран в госпитале или медсанбате складывали в большие штабеля неподалеку от госпитальных палаток, стыдливо прикрывая ельником или кустами. Время от времени политсостав воюющих частей устраивал торжественные похороны, переходящие в митинги с привлечением находившихся на отдыхе подразделений. Но вместо патриотического подъема такие митинги производили на солдат гнетущее впечатление. Сегодня они хоронили тех, кто погиб на передовой, куда завтра надлежало отправиться им.

В дальнейшем, когда поток погибших превысил любые самые смелые предварительные оценки, их стали хоронить, подрывая

толом мерзлую землю и заполняя братские могилы до краев. Ни о каких выдачах тел семьям погибших не могло быть и речи. Это потребовало бы индустриализации похоронного дела, с которой невозможно было бы скрыть истинные масштабы потерь в затеянной авантюре. Но если мертвых можно было захоронить здесь же, неподалеку от места боев, то с многочисленными ранеными дело обстояло сложнее. Но и из этой шекотливой ситуации был найден выход.

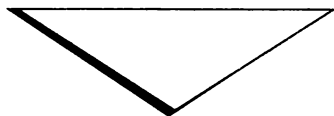
На юг, к Ленинграду потянулись длинные эшелоны, забитые ранеными и обмороженными бойцами. Когда все имеющиеся под прием раненых площади были заполнены, поток выбывших из строя бойцов устремился дальше. Огибая затемненный город, составы направлялись в глубокую российскую провинцию, чтобы там распределить по различным больницам и госпиталям жертв войны и создать впечатление, что потерь не так уж и много.

Катастрофические потери, отсутствие четкого управления, неразбериха с воюющими и тыловыми частями, расхождение между словами и делом, идущее с самых верхов, все это в течение декабря 1939 года так деморализовало армию на плацдарме у Тайпалеен-йоки, что признак разложения воюющих соединений грозил свести на нет всю задуманную кампанию. Если за рекой, в Метсяпиртти и Рауту, еще каким-то образом дисциплина соблюдалась, то на передовой она отсутствовала напрочь. Прибывавшие с инспекцией проверяющие с трудом могли назвать грязных и обросших солдат «воинами Красной армии». Первое, что бросалось в глаза в расположениях частей, так это грязь, захламленность и отсутствие какой-либо системы и порядка, всегда присущих войсковой части. Отказы идти в атаку и неподчинения старшим по званию стали массовым явлением.

Все, что представляла собой армия в 1939 году необходимо было кардинально менять. Менять обмундирование, оснащение, тактику. В противном случае создавалось впечатление, что не советские части будут прорывать позиции финнов, а финны вытеснят РККА за старую границу.

Москва принялась за тотальную реорганизацию.

Январское «затишье»

С наступлением Нового года перемены коснулись всего — начиная от управления войсками высшим командованием и кончая условиями окопного быта солдата.

Реорганизация началась даже немного раньше наступления 1940 года. За несколько дней до этого события все войска, сосредоточенные перед линией Маннергейма, были поделены на две армии — 7-ю и вновь образованную 13-ю. Помимо удобства в управлении, разделение имело еще одно значение — здоровая конкуренция между командующими должна была подстегнуть их на принятие оптимальных решений для прорыва финской полосы укреплений.

Северо-восточная особая группа Грендаля, первоначально состоящая всего из двух дивизий (в свою очередь образующих 3-й стрелковый корпус), собственно, и послужила основой новой 13-й армии, командиром которой был назначен он же и в состав которой вошли четыре стрелковых дивизии (4, 49, 142 и 150-я), два отдельных артиллерийских полка, 39-я танковая бригада и два авиаполка — один истребительный и один бомбардировочный. Позже, в феврале, в состав армии вошло еще несколько дивизий. Правда, сразу же после новогодних праздников из подчинения 3-го стрелкового корпуса РККА вывели и перебросили на Выборгское направление ударные танковые соединения, но основу бронетанковых сил армии, бригаду полковника Лелюшенко, Грендалю все же оставили. Правда, это соединение переместили на западный фланг фронта армии, поближе к центру Карельского перешейка. На Тайпале же остались только броневые батальоны полкового подчинения.

За несколько дней до наступления нового, 1940 года Грендаль отправил в Главный Военный Совет РККА шифrogramму с кратким отчетом о боевых действиях подчиненного ему соедине-

ния. Интересны статистические данные по потерям, которые он приводит в своем послании: *«Общие потери личного состава: убитых — комсостава 145, младшего начсостава 281, рядового состава 365; раненых — комсостава 586, рядового состава 6263 человека. Без вести пропавших: комсостава — 8, младшего состава 92, рядового состава 514. Последняя категория требует уточнения ввиду несомненного наличия среди них укрывающихся от боя... Основная масса потерь в стрелковых частях, которые имеют большой некомплект»*⁴⁸.

В озвученные Грендалем цифры потерь не вошли убитые и раненые в операции по форсированию Суванто-ярви. Когда эта шифрограмма писалась, батальон лейтенанта Куксова еще цеплялся за противотанковый ров в Келья, а роты 220-го полка пытались под огнем из финских оружейных капониров прийти ему на помощь.

Итак, по оценкам командующего 13-й армии, ее части за неполный декабрь месяц потеряли больше восьми тысяч человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Далее комкор в первую очередь сообщал о плохом обучении пехотных частей, жаловался на 150-ю дивизию и ставил в пример 19-й полк 142-й дивизии. Он вскользь охарактеризовал противника, сообщив, что он *«поколеблен, но не сломлен»*, и в заключение попросил сделать паузу в активных боевых действиях на шесть—восемь дней, чтобы привести в порядок воюющие подразделения, собрать и отремонтировать материальную часть, обогреть и помыть личный состав, но в первую очередь восполнить некомплект людей, выбитых непрерывными штурмовыми атаками линии Маннергейма. *«После проведения этих мероприятий, — писал он, — решительной атакой покончить с Тайпаленйокским сектором»*⁴⁹. Когда эта шифровка легла на стол Клименту Ворошилову, тот синим карандашом поставил в левом верхнем углу свою резолюцию: *«Совершенно правильно»*.

В ответ на это послание Грендаля Ставка выпустила директиву за подписью Сталина, Ворошилова и Шапошникова, в которой опять сквозил самообман: *«Войска 13-й армии, прорвав укрепленную линию противника в районе Теренттиля, Коуккуниemi (сев.),*

*преодолевают перед фронтом армии укрепленную полосу». Далее Грендалю было указано, что «главная задача операции 13-й армии — **продолжать развитие прорыва на сев. берегу р. Тайпалеенйоки при содействии сильной артиллерии, имея целью овладение железной дорогой на Кексгольм и самим городом**», а приданной вновь образованной армии авиации «**систематически поддерживать наши пехотные части штурмовыми действиями и бомбардировкой частей противника...и систематически бомбить Кексгольм, разрушить ст. Элисенваара и Хиитола и тем самым прекратить подвоз резервов и питания войск противника**»⁵⁰.*

Директивы пишутся, чтобы их выполняли. Но когда противник не желает сдаваться, выполнение самых грозных приказов наталкивается на вполне понятные трудности. Несмотря на многочисленность приказов, директив и указаний, направлявшихся из Москвы и Ленинграда в воюющие части, к началу 1940 года ни в одном месте линия Маннергейма не была прорвана. Лобовые атаки в Сумме, Муолаа и Тайпале оставили на снегу тысячи красноармейцев, но в течение целого месяца сломить противника не удавалось. Надо было учиться. Надо было подходить к делу серьезно, отбросив в сторону порочные идеи шапкозакидательства. И советское командование принялось за дело.

Реорганизация коснулась не только частей группы Грендаля, воюющих на востоке Карельского перешейка, но и всех войск, занятых на финском фронте. Через неделю после наступления Нового года, две воюющие армии были объединены в Северо-Западный фронт. С созданием нового образования необходимо было назначить командующего, и наиболее подходящей кандидатурой на этот пост был военачальник Кирилл Мерецков. Но за плечами у Мерецкова был декабрь, полный безрезультатных и кровопролитных попыток штурма. «*Нет, Мерецкову мы это дело не доверим*», — сказал Сталин, и командующим фронтом был назначен командарм I ранга Тимошенко. Ну а его помощником по политической части — А.А. Жданов.

Назначение на этот пост Тимошенко не было внезапным. Он с середины декабря выполнял поручение инспектировать фронт Ка-

рельского перешейка, и сам воочию видел ту ситуацию, в которой оказались войска за месяц безуспешных атак.

Первое, за что взялся новый командующий фронтом, это изменение положения в тылу воюющих соединений.

После трагических рапортов о массовых обморожениях, несмотря на сравнительно теплый декабрь, в войска стали направляться теплые палатки, вагончики, теплая одежда. Снабжение теплыми вещами очень пригодилось уже в январе, когда температура начала стремительно падать. Если за весь декабрь 1939 года столбик термометра не опускался ниже -12°C , то уже 7 января 1940 года мороз достиг 27-градусной отметки.

Повсеместно стал применяться камуфляж — для пехоты шили белые халаты, а бронетехнику, самолеты, орудия, стрелковые бронешитки поспешно перекрашивали в белый цвет. После суровых окриков сверху интендантские службы стали поставлять в войска водку и усиленный паек. Считая, что моральный дух бойцов возможно поднять представлением к награде, Кремль разрешил награждать солдат орденами и медалями прямо в войсках, на линии фронта, причем делать это еженедельно. В середине января газета «Известия» на трех страницах опубликовала список награжденных героев декабрьских сражений, дабы показать, что Родина чтит своих сынов, и среди участников боев с белофиннами есть не только паникеры и трусы, но и храбро сражающиеся воины.

Никакого «разброда и шатания» не допускалось теперь не только на словах, но и на деле. Старый служака Тимошенко заставил командиров трижды перепроверять, помыты и побриты ли солдаты, подшиты ли у них подворотнички, овладели ли они навыками строевой и огневой подготовки.

Изменилось и техническое обеспечение армии. Одним из ярких примеров этого может служить неоднократно описанный случай, когда по приказу Жданова ленинградские инженеры всего за одну ночь создали опытный образец миноискателя, который на следующий день был освоен промышленностью, начавшей его серийный выпуск. Возможно, этот случай говорит о трудовом подъеме, вызванном желанием конструкторов помочь воюющим

в снегах Финляндии соотечественникам. С другой стороны, он может характеризовать страх за свою судьбу, так как в противном случае всех не выполнивших поставленную задачу инженерно-технических работников вполне могли бы осудить за саботаж и вредительство.

К концу января в Москве вышел приказ о создании *заградотрядов войск НКВД*. В подписанном Ворошиловым и Берией документе указывалось, что эти заградительные отряды создаются «для пресечения случаев дезертирства в целях очищения тыла действующих армий от вражеского элемента», а их главной задачей является «организация на основных направлениях заслонов и застав, проведение облав в тылу действующих частей, проверка документов у всех одиночно и неорганизованно следующих военнослужащих и граждан, направляющихся в тыл, и задержание дезертиров»⁵¹. Этот приказ должен был положить конец неорганизованности работы тыла. «Работа» первых заградотрядов ничем не отличалась от действий военной полиции многих стран. Они лишь послужили прообразом зловещих заслонов в тылу Красной армии во время Великой Отечественной войны, о которых написано так много пугающих строк и до сих пор не выяснено, правдой ли они были или выдумкой.

Что касается непосредственного плана боевых действий, то Тимошенко не предложил ничего нового в решении проблемы войны с Финляндией. Согласно его личному мнению, которое полностью совпадало с генеральной линией Ставки, линия Маннергейма должна была быть прорвана любой ценой. А так как ни обойти ее, ни зайти в тыл обороняющимся финнам не представлялось возможным ни рядом (по льду Ладоги и Финского залива), ни на дальних подступах северного Приладожья и в глубине Карелии (где завязшие в снегах погибали окруженными целые дивизии), то брать финские укрепления необходимо было только «в лоб». Окончательное решение ломать финскую оборону на Выборгском направлении отнюдь не означало, что 13-й армии можно было просто ограничиваться позиционными боями. Кексгольмское направление было названо «вспомогательным», и установка для ко-

мандующего 13-й армией была только на прорыв линии Маннергейма в своей зоне ответственности.

Но для этого необходимо было учиться. В тылу, недалеко от линии фронта, бойцы стали проходить обучение тактике ведения боя, основанной на реальной практике, а не на кабинетной теории. Целые соединения обучались приемам взаимодействия в зимних условиях и отрабатывали варианты штурма укреплений противника. День за днем бойцы карабкались по заснеженным склонам полигонов, на которых были построены подобия вражеских укреплений, разбирали ошибки, выслушивали наставления и продолжали подготовку.

А в небольшом городке средней Финляндии Миккели, где располагался штаб финских войск, также занимались реорганизацией своих скромных сил, уже месяц находившихся в окопах. Едва минули новогодние праздники, тихие и грустные в связи с военным положением в стране, как по приказу маршала Маннергейма была осуществлена перегруппировка и переименование почти всех дивизий на Карельском перешейке.

В отличие от соединений, занимавших позиции в центральной и западной части и имевших за своей спиной хоть и небольшие, но все-таки определенные резервы, сражающаяся на Тайпале 10-я пехотная дивизия не имела вообще никаких запасных сил, способных заменить на фронте ее части. Поэтому для дезинформации разведки противника она была просто переименована в 7-ю, без каких-либо значительных передислокаций подразделений. Три полка дивизии (28, 29 и 30-й) переименовали соответственно в 19, 20 и 21-й. Правда, вместе с изменением своего номера дивизия получила и нового командира. Аарне Блика сменил полковник Айнар Вихма, бессменно занявший эту должность до самого конца войны.

Как и в случае с 10-й дивизией, находящуюся от нее к западу 8-ю также не было возможности заменить, но ввиду небольшой активности противника в ее зоне ответственности ее и не переименовывали. Поэтому 23-й пехотный полк Матти Лаурилы, воевавший в Теренттиля, так и остался под своим прежним номером.

Безусловно, людские резервы дивизии, упорно обороняющей участок длиной в тридцать километров, не были неисчерпаемыми. Общая усталость уже начала овладевать солдатами, отдых от боевого дежурства становился все короче, а смена их подразделений на передовой стала происходить все чаще и чаще. Начиная с конца января в переименованную 7-ю пехотную дивизию стало прибывать пополнение, состоящее в основном либо из зеленых юнцов, либо из мужчин сорокалетнего возраста, наскоро обученных основным приемам ведения боевых действий. Финская Ставка приняла решение о создании еще одной дивизии, которая должна была дислоцироваться в районе Пюхьярви, на полпути от Тайпале до Кексгольма. Она получила двадцать первый номер и набиралась из призывников очень молодого возраста, а также тех, кого медицинская комиссия признала «ограниченно годными». Не прошло и полутора месяцев, как у сражающихся на передовой финских солдат эта дивизия получила емкое прозвище «фарфоровая», само за себя говорящее о ее прочности. Впрочем, о роли «фарфоровой» дивизии далее еще будет свое отдельное повествование.

А на Тайпале продолжались бои. Если не считать ежедневных проб финской обороны, предпринимаемых небольшими группами красноармейцев и многочасовых обстрелов и бомбардировок, то последнюю существенную попытку прорвать финские позиции до наступления Нового, 1940-го, года советские войска предприняли 29 декабря в районе Теренттиля. В этот день красноармейцы опять попытались продвинуться по уже обильно политому кровью руслу ручья Мустаоя в глубь финской обороны с помощью полевой артиллерии, установив орудия и ведя огонь почти в упор по амбразурам финских укреплений. Но на следующую ночь батальон финнов оттеснил их назад, восстановив положение.

В рассказах о той короткой войне январь часто характеризуется как месяц относительного затишья. Действительно, по сравнению со штурмовыми днями декабря и финальным наступлением февраля, крупных боевых операций, в которых бы одновременно участвовали целые войсковые соединения, не велось. Но напор на финнов не ослабевал по всему фронту, включая Тайпале. Со-

гласно новым указаниям командования, советские войска начали использовать тактику изматывания противника многочасовыми артиллерийскими обстрелами и бомбардировкой с воздуха. После каждой такой «обработки» в бой шли советские пехотинцы, пытавшиеся вклиниться в перепаханную снарядами и бомбами финскую оборону и занять выгодные позиции для последующего решающего штурма. Но ни одна такая атака в течение всего января не смогла обеспечить надежного закрепления 49-й и 150-й дивизий на новых рубежах. Линия фронта оставалась неизменной. Впрочем, в январский период советско-финского конфликта штабы 7-й и 13-й армий и не ставили себе задачу прорвать финские укрепления. Не имея детального представления о характере обороны противника, фронтовым подразделениям отдавался приказ разведать обстановку боем. И те шли на штурм, теряя людей, но выявляя огневые точки, нанося на карту местоположение ДОТов и минных полей, чтобы в момент будущего наступления сломить непокорного врага.

Уже 2 января 1940 года орудия на Тайпале загрохотали с новой силой. После артиллерийского обстрела, длившегося пять с половиной часов, советские войска атаковали финские позиции в районе деревни Кирвесмяки, но были отброшены. Через два дня все повторилось с точностью до минуты, и опять атакующая пехота РККА была рассеяна плотным огнем обороняющихся. Казалось, финские позиции были сделаны из гранита, а советское командование никак не хотело отказаться от тактики упрямых попыток взять их в лоб. После каждого огневого налета финские солдаты занимали свои позиции и отбивали пытающихся атаковать советских солдат. День за днем авиация Советского Союза обрушивала на финнов свой многотонный смертоносный груз. Артиллерия наносила массированные удары, вздымая в небо тонны мерзлой земли. Но каждый раз финны поднимались словно из-под земли и встречали неприятеля огнем. Сказывался финский «сису».

Для того чтобы понять, что такое дух «сису», необходимо сделать небольшое отступление. Само по себе это слово стало широко известно мировой общественности именно в «Зимнюю войну»,

когда журналисты всего мира (в число коих советские труженики пера, естественно, не вошли) стали описывать «непоколебимую уверенность и героизм маленького финского народа, вступившего в схватку с гигантским “красным Голиафом”». Они смаковали фотографии заиндевевших колонн техники 44-й дивизии в северной Карелии и страшные снимки заснеженных трупов в валенках, шинелях и буденовках, убитых финскими стрелками из группы подполковника Сииласвуо. И одновременно с этим они восславляли «сису».

«Сису» не имеет прямого перевода ни на один язык мира. По аналогии это можно выразить как «стойкость», «упорство», «сила воли». Но это все не точный перевод. «Сису» — это образ жизни, мыслей и характера финнов. Финский писатель Айни Раянен так выразил свое понимание, или, если хотите, свое объяснение этого понятия: *«Не удивительно, что “сису” является словом, которое невозможно перевести. Ни один другой язык не имеет слова, которое реально передает значение, и это вероятно потому, что ни одна страна никогда не нуждалась в этом качестве. “Сису” относится не только к мужеству и оптимизму, но и к концепции стиля жизни, состоящему из идеи, что “пусть я никогда и не достигну желаемого результата, но я посвящу всю свою жизнь достижению того, во что я верю...”»*⁵²

Говоря кратко, это упрямая воля, выделяющая финнов и объясняющая многие вещи, совершенные ими. По словам того же Райянена, «сису» — *это единственное слово, поясняющее индивидуальную характеристику финнов*⁵³. Корни упрямого характера финнов скорее всего относятся к природным условиям, в которых испокон века приходилось выживать этому народу. Суровая северная природа не располагает к расслаблению. Крестьянский труд нелегок в любой точке земного шара, но в стране, где большая часть земли покрыта лесами, гранитными скалами, озерами и болотами, без упорства и упрямства не выжить. А если к этому упрямству прибавить нелюбовь к своей бывшей метрополии и страх оказаться оккупированным и вкусить все «достоинства» советского строя, то нежелание уступать противнику перестает быть труднообъяснимым.

Словом, благодаря именно «сису», а не мощи укреплений линии Маннергейма ко второй половине января финский фронт так и не был прорван. Кроме того, с середины января ситуацию осложнили суровые морозы, которые не наблюдались в этих местах несколько десятков лет. Морозы, конечно, были в этих местах всегда, но чтобы так долго и с такой низкой температурой...

А человек всегда остается человеком, вне зависимости, какой он национальности и гражданином какой страны он является. От наступивших крепких морозов страдали все — русские и белорусы, украинцы и татары, и, конечно же, финны. Причем у советской стороны ситуация с защитой от холода была лучше.

Как уже было сказано, с первого месяца Нового, 1940-го, года советское руководство стало решать поставленные неожиданными обстоятельствами задачи на удивление оперативно. Быстро был изменен паек солдат — пища стала жирнее и калорийнее, что являлось очень важным фактором для обеспечения жизнедеятельности человека при минусовых температурах. Именно через месяц после начала советско-финской войны появилось понятие «наркомовские сто грамм» — в части обильно стала поставляться водка, причем зачастую поставляли ее специально в небольших бутылках объемом триста миллилитров, в простонародии именуемых «мальками» или «мерзавчиками». По узаконенной норме выдачи на каждого красноармейца полагалось ежедневно по сто граммов водки и через день сто граммов сала. Водка поставлялась в войска регулярно и без перерывов. Единственным известным происшествием, когда противник помешал доставке специального пайка, был случай в 212-м стрелковом полку. Тогда финский снаряд угодил в гужевую повозку, убив возницу, лошадь и уничтожив предназначенные для личного состава двадцать пять литров водки.

Изменилась и форма одежды: легкие продуваемые насквозь бушлаты и неудобные длиннополые шинели (в которых, кстати, иногда учили бойцов ходить на лыжах) стали заменять на теплые и прочные полушубки. Вместо холодной буденовки бойцы получили теплую шапку-ушанку. Безусловно, в большей степени такое положение с довольствием касалось только частей и соединений, воюющих на Ка-

рельском перешейке, где от линии фронта до гигантской материальной базы, коей являлся Ленинград, было не более ста километров. В армиях, сражающихся в Северной Карелии, не говоря уже об окруженных и погибающих там в «котлах» частях, положение оставалось таким же, как и в начале декабря, то есть близким к катастрофическому.

Что касается экипировки, то финские бойцы были одеты гораздо хуже. Небольшие ресурсы финской промышленности были исчерпаны до предела, и фабрики Финляндии физически не могли одеть воюющую армию надлежащим образом. Спасал «домашний фронт», поставлявший на передовую теплую одежду, собранную у гражданского населения активистками женской полувоенной организации «Лотта Свьярд». Всегда не слишком ревностно относясь к соблюдению уставной формы одежды, в период войны финский офицерский состав вообще перестал обращать внимание на наличие у бойцов теплых варежек с ярким карельским орнаментом, или удобного свитера с вышитой сценой из «Калевалы». Главное, чтобы солдат мог согреться.

Об условиях службы говорит рассказ капрала Тауно Инкинена, служившего в составе гарнизона батареи «Ярисевя»:

«После мобилизации я был направлен на службу в батарею на мыс Мустаниеми. 11 декабря мы сменили гарнизон в Ярисевя, а я был направлен в расчет первого орудия этой батареи... Вышка управления огнем была повреждена 11 декабря. На вышке погиб рядовой Ренфорс, когда снаряд снес верхнюю площадку. После этого над коридором между орудийными погребками, между орудиями был установлен бронекупол с бойницами для наблюдения. От купола к убежищу вел окоп. Около орудийных погребов были установлены пулеметные позиции и там постоянно дежурил наблюдатель. Поскольку рядом с боеприпасами запрещено разведение любого огня, люди на дежурствах испытывали дикий холод. Дежурные надевали на себя все что только было можно и не снимали одежду еще долго после окончания дежурства... Кофе и чай можно было согреть в палатке только ночью»⁵⁴.

Во многих описаниях «Зимней войны» холодная погода характеризуется только как союзник финнов. И это было действительно

так, но с одной оговоркой — в условиях суровых труднопроходимых лесов Северной Карелии. Там, где колонны советских войск вытягивались по одной-двум имеющимся дорогам, они становились легкой добычей для мобильных финских лыжных отрядов, внезапно нападавших из леса и расчленявших и окружавших неповоротливые формирования противника. Попавшим в окружение и отрезанным от своих тыловых баз частям РККА холод и голод доставлял трудноописуемые страдания.

Однако в позиционных боях Карельского перешейка, когда противоборствующие стороны разделены четкой линией фронта, холод стал союзником Красной армии. Когда морозный воздух обжигает лицо, а окостеневшие пальцы с трудом сгибаются на спусковом крючке, самое большое желание у любого солдата — забиться в теплую натопленную землянку. Поначалу в неглубоком тылу с отоплением укрытий для личного состава 7-й дивизии не было проблем, и дым от труб блиндажных печурок свободно поднимался к небу. Но в середине января над советскими позициями за Тайпалеен-йоки, в районе Неосаари, в воздух взмыл аэростат. Гигантская серебристая «колбаса» с оперением в хвостовой части колыхалась в бледно-сером небе, неся в себе угрозу для оборонявшихся. Впервые наблюдавшие это изобретение финские солдаты поначалу не поняли, зачем «рюсся» вывесили над рекой этого монстра. И только приглядевшись, они увидели под брюхом у аэростата висящую на канатах небольшую корзину, в которой сидел наблюдатель. Теперь все их позиции могли просматриваться противником, а многочисленные дымки легко выдавали тыловое расположение рот и батальонов.

Конечно же, аэростат — штука капризная, и он мог применяться только в ясную и спокойную погоду. Но особенность здешней зимы в том и состоит, что чем тише и солнечней погода, тем крепче мороз. И финны стали ненавидеть мороз. В ярком свете январского дня, когда световой день пусть ненамного, но все-таки больше декабрьских, когда солнечный свет заставляет сухой снег переливаться всеми цветами радуги, советская авиация и артиллерия стала вызывать у финнов самые значительные потери в условиях

наступившего прекращения крупных лобовых атак. «Сталинские соколы» с красными звездами на плоскостях иногда появлялись совсем незаметно, потому что гул многочисленных моторов был неразличим на фоне артиллерийской канонады, а заходившие с юга самолеты своими блестящими фюзеляжами почти не выделялись на залитом солнцем небе. Иногда количество бомбардировщиков доходило до ста машин за один налет. Они отделялись от основного строя тройками или пятерками и с пронзительным воем пикировали на чернеющие среди белых полей перелески, которые мгновенно взмывали в воздух перемолотой с осколками гранита, бревен и человеческих останков землей. Холод гнал свободных от боевого дежурства бойцов в блиндажи, и если в него попадала авиабомба или крупный снаряд, раскапывать ошестинившуюся остатками бревен воронку в поисках уцелевших людей уже не имело смысла.

Наряду с налетами с земли и с воздуха, которые стали ежедневными, напор на передовые позиции в Теренттиля и Кирвесмяки также не ослабевал. Тщательным образом обдумав ситуацию, Тимошенко направил в войска директиву не только об изматывании противника авиационными и артиллерийскими ударами. В руководстве к действию фронтовым соединениям приказывалось периодически пытаться расшатать оборону финнов вклиниванием и расчленением их передовой посредством захвата отдельных огневых точек.

На Тайпале эту задачу попытались выполнить по-особенному. Как уже говорилось, чтобы подойти к финским позициям, необходимо было преодолеть обширные открытые поля, которые насквозь простреливались из пулеметов и винтовок. И чтобы подготовить плацдарм для последующих атак, войска стали применять тактику подкопа.

Ночи стали озаряться работой подрывников. Советские саперы закладывали заряды, подрывали их, а затем рыли траншею до воронки. Затем они опять закладывали заряд и опять тяжелыми кирками долбили мерзлую землю, расчищали проходы для своей пехоты, перекусывали колючую проволоку и подводили траншеи как можно ближе к передовым позициям неприятеля. После та-

кой адской работы в снегу, под свистящими пулями, на некоторых участках между противниками оставалось не более пятидесяти метров. Одновременно с этим артиллерия РККА старалась прикрыть своих солдат, нанося массированные удары не по определенным узлам финской обороны, а по площадям. Довольно скоро поля, разделявшие противостоящие войска, покрылись сетью кривых неглубоких траншей, узкими длинными змеями подползавших к передовой противника.

Финские стрелки не могли оставаться безучастными, видя, как русские подбираются к их окопам. Пользуясь ночной темнотой, они время от времени совершали дерзкие вылазки к наиболее близким траншеям. В коротких схватках они уничтожали дозоры красноармейцев, минировали вражеские позиции, восстанавливали поврежденные проволочные препятствия, и отходили назад. Когда всполохи от разрывов озарили ночную мглу, это означало, что высланные на смену передовому охранению группы советских солдат подорвались на финских минах. Но сработавшие смертельные ловушки лишь углубляли рукотворные траншеи, и на следующий день их длина увеличивалась еще на несколько метров. Затем все повторялось по новой — финны опять совершали набег на врага и отходили на свои позиции. Изучив эту тактику, красноармейцы сами стали устраивать западни для противника, и тогда уже ночной взрыв где-то на нейтральной полосе означал смерть пыгающихся их побеспокоить финских солдат.

В таких стычках прошел почти весь январь 1940 года. Когда месяц перевалил за свою середину, давление на финскую оборону начало постепенно усиливаться.

Несмотря на многочисленные неудачи, на постоянные вылазки и отходы на исходные рубежи, небольшие периодические атаки на противника все-таки выполняли определенную задачу, принося положительный результат. Мало-помалу все огневые точки обнаруживались и наносились на карту. Так, постепенно, командирами РККА наконец была обрисована детальная картина финской обороны. В зоне ответственности 150-й дивизии позиции противника были разделены на три участка.

Первый участок охватывал финские первый и второй оборонительные узлы в Теренттиля, получившие в советской версии названия «северный овраг Мустаоя и юго-западный угол урочища Рииска с ДОТаами № 153, 111, 154 и 104». Второй участок отождествлялся с четвертой и пятой позицией в Кирвесмяки, и был назван высотой «Стул» (собственно, сама пятая позиция на бугре посреди Суонийтют) с находящимся на ней ДОТом № 102, и четвертая позиция, именовавшаяся в советских документах как «юго-восточный угол урочища Рииска с ДОТаами № 103 и 106 или просто «высота “Репа”». Третий участок назывался «юго-западным углом урочища Рииска», с находящимися там первым, вторым и третьим финскими опорными пунктами в Кирвесмяки, долговременным оборонительным укреплением которых были присвоены номера 190, 107 и 108.

Зона действий 49-й дивизии включала в себя участок к северо-востоку от оврага Мустаоя с находившейся прямо над ним высотой 13,2 (с ДОТом № 7), затем четвертую и пятую финские позиции в Теренттиля, отождествляя их с находящейся за ними высотой «Груша» с ДОТаами № 13, 14 и 15, и далее район речки Каарна-йоки с ДОТом № 561 («Луговым казематом» по финской терминологии). Нумерация обнаруженных огневых точек противника явно показывает, что советские разведчики принимали за бетонный ДОТ любое финское укрепление, на деле являющееся не бетонным, а дерево-земляным или обложенным гранитными камнями сооружением.

В тех случаях, когда условия позволяли, против выявленных бетонных сооружений устанавливались орудия на прямую наводку, и наносимые ДОТаам повреждения зачастую не позволяли больше их гарнизонам вести из них огонь. Учитывая свой опыт командования дивизионом тяжелых орудий, Грендаль разработал и внедрил практику блокировки ДОТов посредством крупнокалиберных пушек. Надо понять, какие невероятные усилия требовались от советских артиллеристов, когда они по колено в снегу, теряя людей, опять же, под пулями выкатывали 203-мм машину непосредственно на прямую видимость и открывали огонь.

В случае успешного попадания в укрепление противника страшный удар пробивал насквозь бетонную стену постройки. Но даже тогда, когда снаряд лишь задевал ДОТ и взрывался в непосредственной близости от финской амбразуры, взрывная волна была такой мощи, что находящиеся в ДОТе солдаты все поголовно оказывались контуженными. Многие из тех, кого на специальных «лодках» отгаскивали в лазареты финские санитары, еще долго не могли восстановить зрение, слух и внятную речь. Порой после таких ударов в каземате лежали невредимые с виду тела, и только по сочащейся из глаз и ушей крови было ясно, что стало причиной смерти людей.

Но все-таки самым большим злом для противника была моральная усталость от разведывательных вылазок советских подразделений. Все занятые в обороне финны, от высокого командования до окопного пехотинца, постоянно находились в напряжении. Они ждали удара каждый день, ночь, они тщательно проверяли и перепроверяли донесения разведчиков и дозоров, они были готовы в любой момент вскочить с койки, чтобы приложить усилия к ликвидации вражеского прорыва. И напряжение это росло изо дня в день, поскольку, наблюдая наращивание сил по ту сторону фронта, Маннергейм с тревогой констатировал, что финский резерв вооружений, боеприпасов, а самое главное, личного состава по всем оценкам уступал неприятелю в разы. Впрочем, его тревогу осознавал и весь финский генералитет, включая командующего III армейским корпусом. Оценивая общую обстановку по сравнению с полным яростных атак советских войск декабрем как спокойную, генерал Хейнрикс подписал приказ, в котором призвал максимальным образом использовать наступившее затишье для укрепления оборонительных позиций — ждать милости не приходилось, и надо было готовиться к худшему.

Как уже говорилось, финны не ограничивались пассивным ожиданием своей участи. Обладая более чем скромными силами авиации и артиллерии и постоянной нехваткой живой силы, они тем не менее пытались определенным способом влиять на действия атакующих вражеских войск. Время от времени одетые в

белые маскировочные костюмы группы лыжников организовывали внезапные рейды на занятую противником территорию. Конечно, силы их были минимальны, и носили такие вылазки чисто разведывательную функцию, но их действия доставляли немало неудобств красным командирам, не говоря уже о панике среди бойцов, которую вызывало появление финнов в своем тылу. Один из таких случаев описан в рапорте политрука Бороздкина, который, видимо, был обязан его написать, чтобы отвести обвинения в безынициативности от комиссара одного из полков: *«В ночь с 15 на 16 января 1940 г., во время попытки белофиннов просочиться в глубь территории, занятой 220 СП и 40-м артполком, 4-я рота 220 СП, расположенная впереди НП и КП 40АП, беспорядочно оставляла свои позиции, уходя в тыл, и оставляя, таким образом, наблюдательный и командный пункты 40 АП без охраны. При сообщении комиссару полка Горбунову одним из командиров штаба: “Нас окружают”, Горбунов, находясь в землянке, приказал составу штаба (6—7 человек): “Взять оружие, помните — живыми не сдаваться, драться до последнего”.*

Выскочив из землянки, Горбунов, останавливая бегущих бойцов 4-й роты, крикнул: “Куда вы бежите, изменники Родины! Стой! Занимай оборону!” Явившемуся к нему политруку роты приказал вести роту вперед и занять оборону. Это приказание было выполнено, 4-я рота была приведена в порядок и заняла свои позиции. Все это происходило при сильной стрельбе нашей артиллерии, беспорядочной ружейно-пулеметной стрельбе, при некотором паническом бегстве 4-й роты. В распоряжении комиссара Горбунова было 6—7 человек. Не зная точной обстановки, Горбунов, быстро сориентировался и, проявив волю, восстановил положение, организовал оборону командного пункта артполка»⁵⁵.

Нередко финские разведчики использовали для донесений собак. Проведя рейд по тылам противника, они укрепляли на ошейнике пса боевое донесение и отпускали его. Когда в советских частях обнаружили, что перебегающие лед Суванто-ярви животные являются ценным связником врага, за ними началась настоящая охота.

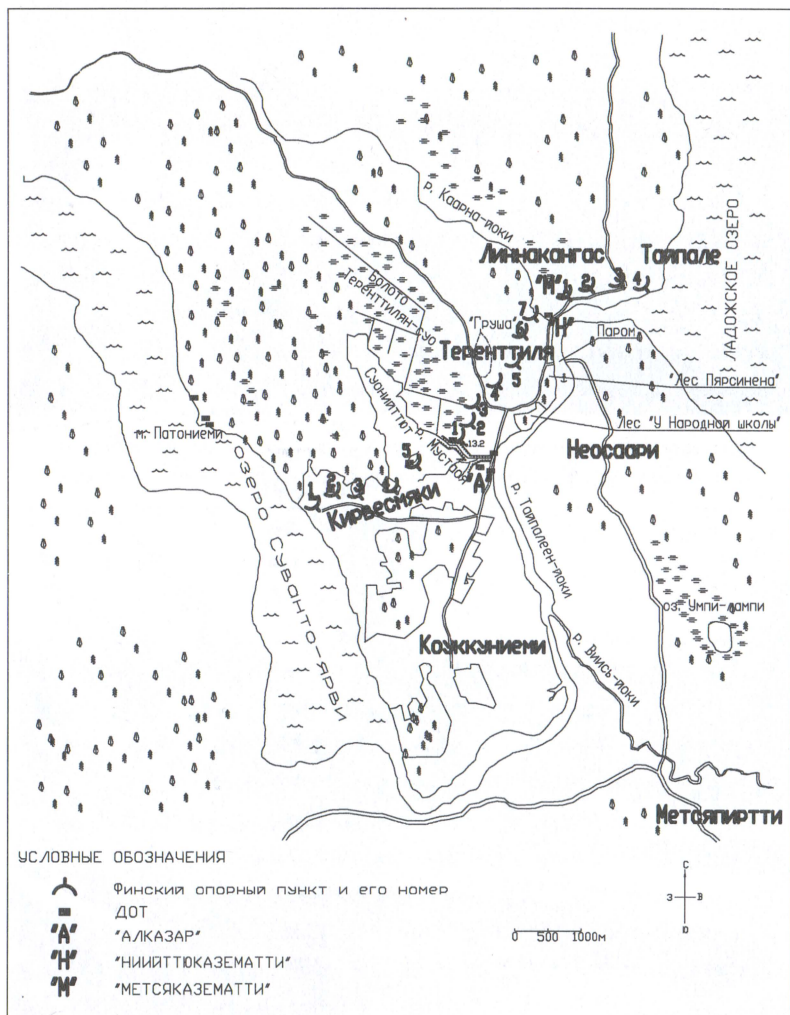

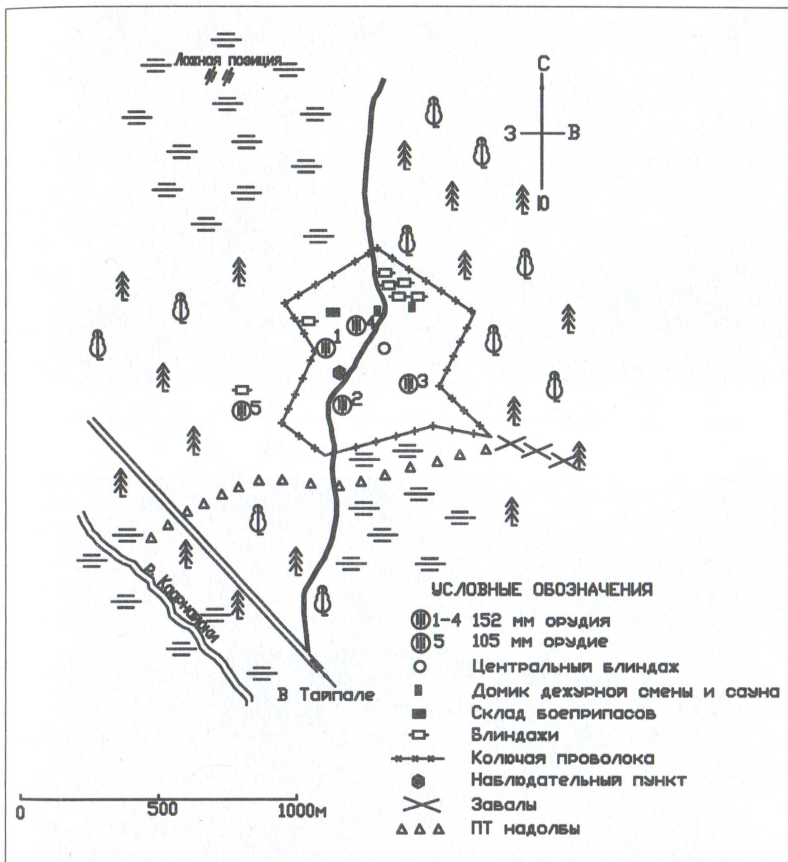
Схема финских оборонительных позиций в районе Тайпале. Фото автора

Бетонированное убежище «Алказар» осенью 1939 года. Конструкция напоминает форт «Ино» в миниатюре. «Talvisodan historia» (том II)

Батарея «Каарнайоки» осенью 1941 года. О. Väliaho «Laatokan linnakkeet Taivaleen taisteluissa»

План территории батареи «Каарнайоки». Из архива автора

Территория батареи «Каарнайоки» осенью 2008 года. Крытый склад боеприпасов. Фото автора

Территория батареи «Каарнайоки» осенью 2008 года. Вид артиллерийского двора сверху. Фото автора

*Красноармейцы разгружают машины с боеприпасами. Декабрь 1939 года.
Фото из архива С. Жутяева*

Финские резервисты строят дерево-земляное укрытие для личного состава в районе деревни Кирвесмяки. Декабрь 1939 года. «Talvisodan historia» (том II)

Сектор обстрела восточного ДОТа у ручья Мустаоя. Снимок был сделан осенью 1941 г. Именно здесь переправлялись и погибли красноармейцы 222-го стрелкового полка 49-й дивизии РККА. «Talvisodan historia» (том II)

Брошенная финнами при отступлении закрытая позиция полевой артиллерии. Фото из архива С. Жутяева

Красноармейцы перед землянкой. Фото из архива С. Жутяева

Советские артиллеристы у орудия. Фото из архива С. Жутяева

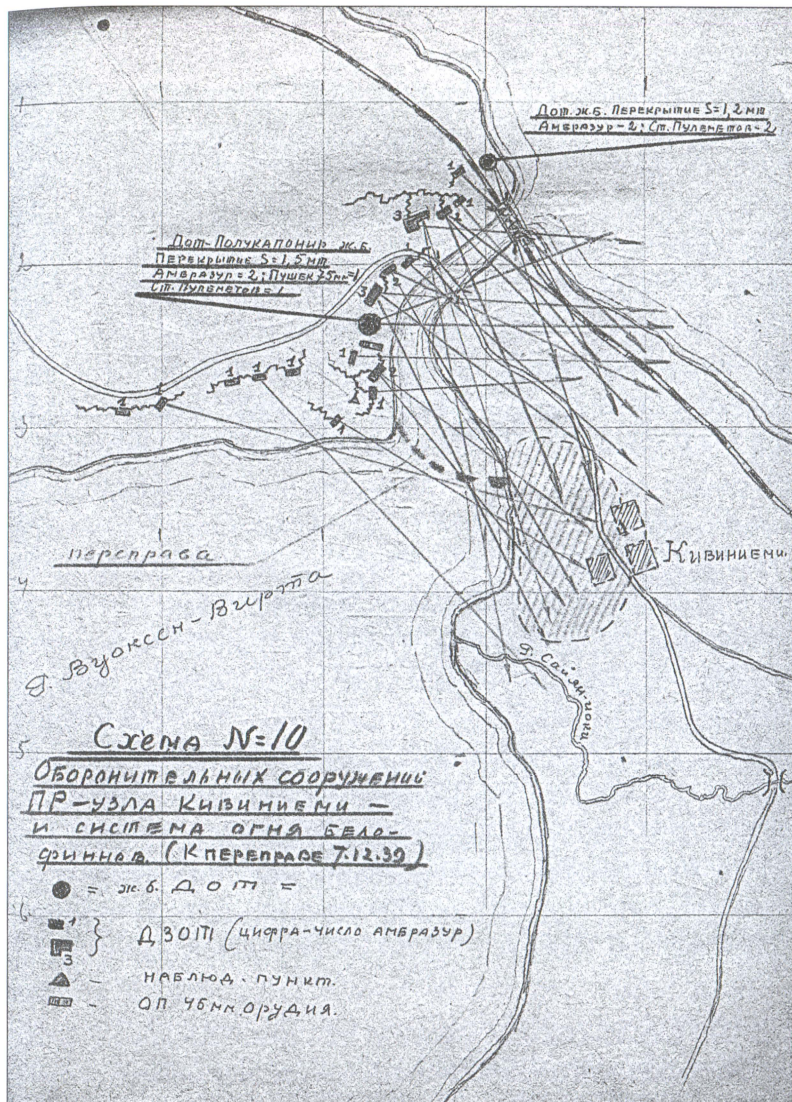

Схема финских укреплений в районе Кивиниеми и их секторов обстрела, составленная капитаном А.Н. Залесским в октябре 1940 года.
 Из архива О. Алексеева

Финские наблюдатели у озера Суванто-ярви. «Talvisodan historia» (том II)

Финские солдаты 19-го пехотного полка в окопе 5-го опорного пункта в Теренттиля. Январь 1940 года. U. Kähönen «Voittamattomat Pataljoonat»

Красноармейцы в наступлении на исходных позициях. «Talvisota. Kronikka»

Эх, были года
были друзья -
были здоровы
как никогда.
Но зверский финский
искалечил как он,
и теперь мы вдвоем
вспоминаем о нем

19 $\frac{7}{III}$ 41.

г. Рига.

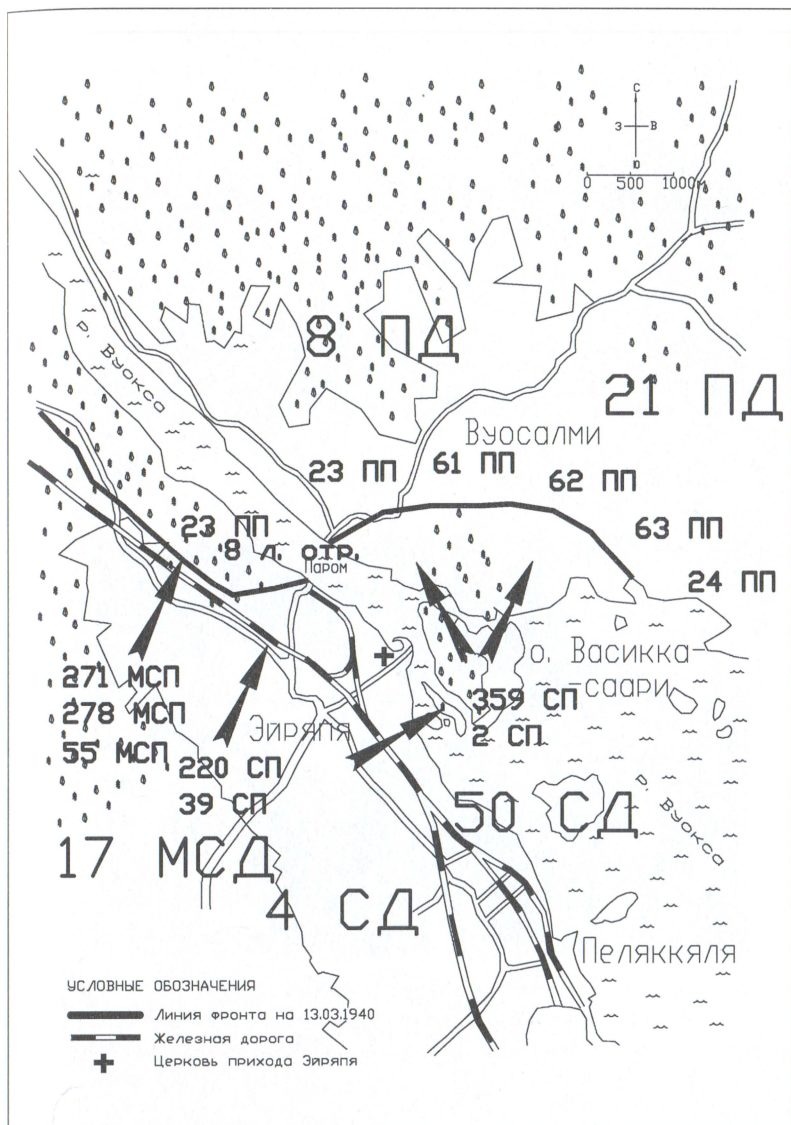
В. Мейерс

FOTO H. MEIJERS

Rīgā, Brīvības ielā 103

Даже через год после окончания Финской войны о ней вспоминали с содроганием. На обороте фотографии двух красноармейцев нехитрые стихи: «Эх, были года, были друзья, были здоровы как никогда. Но зверский финский фронт, искалечил как он. И теперь мы вдвоем вспоминаем о нем».

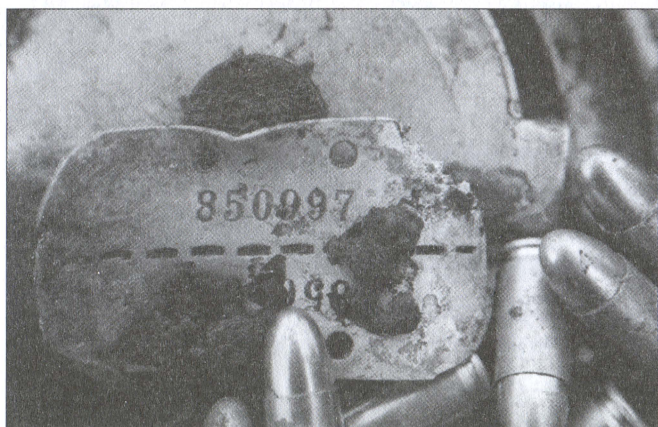
07.03.1940, г. Рига. Из архива автора

Боевые действия в районе Эйряля и Вуосалми 5—13.03.1940.
Из архива автора

Один из бетонных противотанковых надолбов ВКТ-линии, установленных в районе Тайпале. На нем ясно видна дата его изготовления — 28 октября 1943 года. Фото автора

26-летний юрист-стажер Роджер Старк был призван в финскую армию в январе 1940 года. После прохождения ускоренных военных курсов, он получил звание младшего лейтенанта («вянрикке») и был направлен на фронт в составе 21-й «фарфоровой» пехотной дивизии. 24 февраля 1940 года он был убит прямым попаданием снаряда в районе финской четвертой опорной позиции в Теренттиля. В августе 1998 года его останки были обнаружены и идентифицированы по «смертному медальону» группой поисковиков и переданы в Финляндию для захоронения. «Varautemme hinta». Фото О. Алексева

Обелиск над братской могилой финских солдат на Тайпале. Фото автора

Обелиск над братской могилей советских солдат на Тайпале. Фото автора

Впрочем, разведывательные рейды в расположение неприятеля предпринимались с определенной регулярностью и с советской стороны. Например, под самый Новый год группа разведчиков 328-го артиллерийского полка 150-й дивизии ночью переползла нейтральную полосу и сумела подобраться к одному из бетонных сооружений в Кирвесмяки на высоте «Репа», обозначенному на картах как ДОТ № 107. Задачей группы была разведка и уничтожение вражеского каземата, для чего вместе с тринадцатью разведчиками, неся на себе груз тротила, был послан взвод саперов.

У самого укрепления группу обнаружили финны. Уклониться от боя разведчики не смогли, и когда перестрелка достигла своей кульминации, приданные группе саперы поспешили оставить своих сослуживцев и ретироваться с поля боя. Силы были явно не равны, и лейтенант Фирченко, командир отважной дюжины, отдал приказ на отход. Но тут обнаружилось, что, отступая, саперы бросили свой груз. Поэтому в дополнение к общей неудаче отходящим и огрызающимся разведчикам пришлось тащить на себе обратно ящики с толом и брошенный пулемет. Несмотря на то, что ДОТ не был подорван, вражеские позиции были основательно разведаны.

Одним словом, весь «спокойный» январь противоборствующие стороны, словно два борца на ринге, примеривались друг к другу, чтобы в определенный момент начать решающую схватку. И не только на земле, но и в воздухе.

За всю военную историю Тайпале значительные действия авиации Финляндии в этом районе можно пересчитать по пальцам. На многокилометровом фронте численность советских самолетов была подавляющей, и все скромные силы своих авиационных эскадрилий Маннергейм бросил на Выборгское направление.

Кроме того, относительно небольшая площадь всего Перешейка зачастую просто не позволяет выделить какое-то конкретное воздушное сражение из общего хода боевых действий, чтобы оно касалось именно восточного сектора фронта.

В районе Тайпале финские бомбардировщики несколько раз сумели сбросить свой груз в районе понтонного моста через

Тайпалеен-йоки, нанеся своим налетом не столько материальный, сколько моральный ущерб противнику. Правда, советская противовоздушная оборона не дремала, и из шести посланных на задание машин на свой аэродром вернулось пять. Из-за высокой плотности советских ПВО, из-за большого количества истребительной авиации СССР финским ВВС выполнять налеты на подчас вообще не имеющие маскировки объекты советских частей становилось с каждым днем все трудней и трудней. К концу января абсолютно все рейды финских ВВС приходилось осуществлять только ночью. Днем же, при появлении над советскими войсками самолетов с голубыми свастиками на крыльях, им на перехват мгновенно выслались истребители, имевшие пятикратное превосходство по численности. Несмотря на все эти препятствия, финским летчикам удавалось выполнить многие из отданных им боевых приказов, какими бы спорными они ни представлялись.

К таким действиям можно отнести боевой вылет 29 января 1940 года шести финских бомбардировщиков «Фоккер-СХ» из 10-й авиаэскадрильи. Они должны были уничтожить вмерзшие в ладожский лед корабли советской флотилии, на тот момент абсолютно лишённые возможности передвижения и не несущие никакой угрозы для обороны финнов. На самом подлете к мысу Саунаниemi оба звена бомбардировщиков были встречены организованным огнем советских зениток. Несмотря на это, самолеты первого звена успели сбросить бомбы в районе Сауналаhti, но ни одна из них не попала в неподвижные цели. Зато зенитный огонь, открытый как с суши, так и с кораблей, в щепки разнес одну из заходивших на бомбометание машин из этой группы. На глазах у моряков крылатая машина с номером FK-111 на фюзеляже развалилась и засыпала своими обломками почти всю территорию небольшой гавани. Через несколько минут после налета первого звена показалось второе. Огонь с земли рассеял вторую тройку самолетов противника и даже оторвал шасси с лыжами у одного из пикирующих аппаратов, но сброшенные со второй попытки бомбы частично попали в цель. Тральщик ТЦ-32 получил небольшую бомбу в машинное отделение и, набрав воды в корму, частич-

но затонул. У второго тральщика пробило носовую часть корабля, но так как дыра была небольшая, он остался на плаву. Список людских потерь был небольшим: осколками финских бомб были убиты два краснофлотца на сторожевике «Разведчик». С финской стороны погиб двухпилотный экипаж «Фоккера» в составе лейтенантов Роберта Ненонена и Сверре Рошье. Поврежденный самолет с бортовым номером FK-89 сумел добраться до своего аэродрома в местечке Менсуваара и успешно посадить его на фюзеляж. Больше финны подобных авианалетов не предпринимали до самого окончания «Зимней войны».

Еще одной проблемой, которой занялись финские ВВС, было наличие советского аэростата, который корректировал артиллерийский огонь и вел воздушную разведку района. В те дни, когда он поднимался и висел над долиной Тайпале, огонь советских орудий и минометов приносил гораздо больше потерь, чем стрельба вслепую по пристрелянным секторам. Если в обычные серые ненастные дни многочисленные батареи Красной армии регулярно обстреливали передовую, то при применении колыхающегося на ветру на высоте около полукилометра аэростата доставалось и финским тылам.

Для ликвидации корректировщика Красной армии были посланы три истребителя из авиагруппы LLv-24. Вообще, учитывая превалирующую активность советской авиации, финские истребители старались не вступать в поединок с истребителями неприятеля. Их основной задачей была разведка и ликвидация вражеских бомбардировщиков. Правда, если в начале войны финским асам удавалось с легкостью расправляться с краснозвездными крылатыми машинами, то уже к январю их вылеты стали отличаться осторожностью и кратковременностью.

В один из ярких январских дней наблюдавшие из своих окопов затаившие дыхание финские бойцы увидели, как крохотные фигурки трех истребителей разыграли между собой бой, чтобы подобраться поближе к советскому наблюдателю. Затем один из них сделал глубокое пикирование, взмыл и повернул в сторону Ладоги. Находившиеся в окопах солдаты не слышали пулеметных очере-

дей, но после маневра самолета из хвостовой части аэростата показался дым, а затем и языки пламени, которые сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее охватывали всю его серебристую поверхность. Аэростат стал медленно снижаться и пропал за верхушками сосен у Неосаари. Все передовые позиции финских солдат огласились радостным гулом, который многоголосым эхом достиг противоположного края поля, занятого красноармейцами. И, словно в отместку за неудачу со своим наблюдателем, советские орудия моментально откликнулись ударом шрапнелью по передовой противника. Финнам ничего не оставалось делать, как поспешно ретироваться в укрытия. Это был единственный случай уничтожения советского аэростата за всю войну на всех участках Северо-Западного фронта.

Горящий воздушный шар поднял боевой дух у защитников линии Маннергейма, которые надеялись, что с отсутствием корректировщика стрельба русских пушек опять станет беспорядочной и неточной. Но не тут-то было. Через несколько дней мерзнувшие в окопах финские наблюдатели с изумлением увидели еще одну «русскую колбасу», с высоты следившую за их действиями. У Красной армии всего было в достатке.

Несмотря на описанные случаи удачных вылетов более чем скромных авиасредств Финляндии, подавляющее господство в воздухе над Тайпалеен-йоки все равно оставалось за СССР. И лишь только позволяла погода, «сталинские соколы» вовсю бомбили как передовые позиции противника, так и тыловые структуры, склады, железнодорожные станции и прочие важные стратегические объекты, пытаясь облегчить задачу по взлому обороны своим коллегам на заснеженной земле.

А на земле в это время попытки 15-го стрелкового полка 49-й дивизии продвинуться дальше на восток вдоль северного берега Тайпалеен-йоки в январе 1940 года ознаменовались следующей историей.

Запирающий подходы к Линнакангасу ДОТ «Нийттюказемати» был замечен разведкой полка давно, но, учитывая его местоположение на открытом поле и протекающую перед ним речку

Каарна-йюки, подобраться к нему никак не удавалось на протяжении полутора месяцев. Кроме того, предполье ДОТа простреливалось из его «близнеца» — «Метсяказематти» или «Лесного каземата», расположенного на холме над «Луговым». Как уже говорилось выше, по советской классификации «Луговому» был присвоен номер 561, а «Лесному» — 573. Роты 15-го полка по-сменно дежурили у разбитого моста через Каарна-йюки, но с конца декабря 1939 года штурмовать возвышенности Линнакангаса не пытались. Как гласит журнал боевых действий полка, «с 30.12.1939 по 10.01.1940 полк наступательных действий не производил и занимался открытием окопов и ходов сообщений до полного профиля. Приводил в порядок учет потерь личного состава. Производил похороны погибших и занимался сбором имущества с поля боя»⁵⁶. Невеселая работа, если учесть, что сбор погибших и оружия производился на пространстве, вдоль и поперек простреливаемом противником.

11 января 1940 года командир 15-го стрелкового полка майор Меркулов отдал приказание командиру 2-го батальона старшему лейтенанту Маслову выслать боевую разведку с целью уточнить место ДОТа № 561 и выяснить подступы к нему. В разведку была послана группа под руководством младшего лейтенанта Данилкина. Она без потерь добралась до железобетонной конструкции, так как финны незадолго до этого вообще покинули этот ДОТ из-за просачивающейся на пол помещения болотной воды, а прикрывавший к нему подступы «Лесной каземат» уже пару дней, как прекратил свое существование вследствие успешной работы советской артиллерии. Разведчики возвратились в расположение полка с рапортом о том, что вражеское укрепление пусто и готово принять новых хозяев в лице бойцов Красной армии.

На основании сообщенных ему сведений комбат Маслов решил захватить ДОТ, для чего получил разрешение командира полка. Организацию и захват ДОТа взяли на себя лично Меркулов и комиссар полка Егоров. Захват бункера без потерь сулил не только приобретение выгодного тактического положения подразделений, но и связанные с этим поощрения.

К моменту выдвижения группы захвата финны уже опомнились и начали обстреливать подступы к ДОТу № 561. Тем не менее группе Маслова удалось занять сооружение, но уже следовавший за ними в качестве подкрепления саперный взвод капитана Яхина смог достичь лишь устья речки, где был встречен сильным ружейно-пулеметным огнем из траншей противника на высоте 32,2, т.е. из района разбитого «Лесного» ДОТа, а также со стороны третьего изгиба реки Каарна-йоки. В саперном взводе несколько красноармейцев были убиты, а остальные в замешательстве залегли и не решались двигаться вперед к пустующему укреплению. Используя ненормативную лексику, Яхин приказал командиру саперного взвода лейтенанту Гатилину немедленно собрать людей и двинуться вперед. Полученный нагоняй произвел эффект, саперы собрали волю в кулак и, пользуясь наступившим затишьем, пробивались к ДОТу и приступили к установке малозаметных препятствий и отрывке окопов. Через полтора часа финны опять начали обстреливать подступы к позиции, но саперы успели отрыть траншеи таким образом, что в районе ДОТа смогли сконцентрироваться три стрелковые роты 15-го полка.

Далее, видимо, финны осознали всю серьезность ситуации, которую они допустили, покинув «Нийттюказематти». Скандал, связанный с самовольным оставлением поста солдатами 23-го пехотного полка, замаять офицерам нижнего звена не представлялось возможным, и известие об очередном ЧП докатилось до командира полка. Опять, как и в случае с «Алказаром» и сооружениями у Мустаоя, важный бетонированный опорный пункт был сдан без боя. Теперь в районе брошенного укрепления концентрировался противник, тем самым создавая серьезную угрозу всему левому флангу обороны Тайпале. Подтянутый к ДОТу батальон 23-го пехотного полка не сумел оттеснить советских солдат, но зато обрушил на их голову массированный огонь из всех доступных видов вооружения.

После внушительной огневой подготовки, с дикими криками финны поднялись в контратаку. Изрядно поредевший второй батальон 15-го полка начал откатываться за спасительный откос

берега Тайпалеен-йоки. К вечеру 15 января территория вокруг каземата была очищена от красноармейцев, но в самом сооружении, забаррикадивав двери, осталась группа командиров РККА под командованием все того же лейтенанта Маслова. Всего в ДОТе находилось двенадцать человек, из которых восемь были с командирскими званиями: командир 2-го батальона старший лейтенант Маслов, помощник адъютанта лейтенант Дьяконов, командир 5-й стрелковой роты лейтенант Скубач, политрук 5-й стрелковой роты Назаренко, младший командир роты связи Цымбалюк, командир взвода связи младший лейтенант Гусаров, командир взвода младший лейтенант Смирнов, командир взвода младший лейтенант Евдокимов, красноармейцы 5-й роты Евдокимов и Павловский, 2-й роты Матвеев и 3-й роты Степин⁵⁷.

«Нийттюказематти» был сооружен на славу, и окружившие его финны понимали, что штурмовать его бессмысленно. Его можно было по примеру красных артиллеристов расстрелять прямой наводкой из полевых орудий, но для этого у финнов не было достаточно боеприпасов, да и подступы к ДОТу с финской стороны мало чем отличались от подступов со стороны противника — открытое перерытое снарядами болото. Они предложили забаррикадивавшимся бойцам Красной армии сдаться. Естественно, те наотрез отказались.

На следующий день первый батальон 15-го стрелкового полка попытался деблокировать ДОТ № 561, но финны не дали им подобраться к своим товарищам ближе, чем на расстояние пятидесяти метров, то есть не далее устья реки Каарна-йоки. В свою очередь финны трижды сами пытались ворваться в «Луговой каземат», но так же, как и красноармейцы, возвращались в свои траншеи, оставляя на снегу убитых и раненых.

Запертые в каземате красноармейцы оказались в сложной ситуации, но сдаваться совсем не собирались. Надо сказать, что в ДОТ действительно просачивалась вода, которая не замерзала из-за фактического болота, которое окружало это сооружение. Кроме того, находившиеся внутри люди и горячее оружие тоже влияли на то, что заполнившая пол вода не схватывалась в ледо-

вую корку. А в это время снаружи наступила самая холодная погода за всю историю Финской войны. Ночью температура упала до минус 36 °С.

Вообразите себя при таком холоде внутри подвергающейся обстрелу бетонной коробки, стоящим по шиколотку в воде три дня без пищи и надежды на спасение... Холод сковывает все члены тела, изо рта валит пар, оседающий на бетонных стенах крупной изморозью. Прикосновение к любому стальному предмету без рукавиц вызывает нестерпимую боль, а в рукавицах заправить обойму винтовки или ленту в пулеметный лентоприемник невозможно... Тело отказывается подчиняться без не получаемой уже третий день горячей пищи, а от страшной мысли, что хлюпающая вода под ногами станет последним пристанищем, пробивает нервная дрожь. Двенадцать мужчин в каземате держались только на кураже и на осознании безвыходности ситуации.

Возникла странная ситуация. Ни финны, ни красноармейцы не могли подойти к сооружению, чтобы захватить его. Более того, и те и другие, подойдя вплотную к «Нийттюказематти» или ДОТу № 561, подверглись бы убийственному огню со стороны противника. Утопающие в болоте мелкие траншеи посреди ровной без единого деревца поверхности не могли укрыть от потерь ни одну воюющую сторону, ни другую.

На третий день осады назначенный на освобождение первый батальон 15-го стрелкового полка 49-й дивизии *пять раз* поднимался из-за откоса на штурм окрестностей занятого своими же бойцами ДОТа. Ни одна из пяти атак не принесла результата, и в конце концов батальон залег у гранитных опор моста через речку Каарна-йоки, зорко следя, чтобы финны не попытались атаковать ДОТ со своей стороны. В качестве помощи 15-му полку был привлечен его сосед с левого фланга, 212-й стрелковый полк, обрушивающий при попытке финнов контратаковать всю мощь своего стрелкового оружия.

В конце концов выход из ситуации был найден с советской стороны. По предложению одного из командиров вокруг ДОТа был организован кольцевой удар артиллерией. Методичные и мощные

залпы заставили финнов оттянуть своих солдат от позиций вокруг «Лугового ДОТа». Оглушенные от разрывов осажденные догадались, что грохот орудий дает им шанс перебежать к своим. Разворотив имевшимися запасами тротила фронтальную амбразуру, они выползли через нее и без потерь, все двенадцать, добрались до спасительного берега.

Взрыв, расширивший амбразуру, по-видимому и был воспринят финнами как окончательное решение русскими своей судьбы... Они посчитали всех находящихся в каземате погибшими и больше не пытались занять позиции вокруг него. А чуть позже советская артиллерия перенесла огонь на сам ДОТ, изрядно его разворотив. Так и остался он стоять до сегодняшних дней полуразрушенным сооружением на заросшем кустарником заболоченном лугу.

Человеческая природа устроена так, что она воспринимает худшее только по сравнению с еще более худшим. Находясь под непрекращающимся обстрелом и бомбежкой, отражая не прекращающиеся атаки противника, финские солдаты не могли рассматривать январский период боевых действий как затишье. Обрушивающиеся на головы защитников Тайпале снаряды и бомбы рвали в куски закопанные на большую глубину телефонные провода, разносили в щепки ДЗОТы, рушили противопехотные препятствия. К концу января обогрев блиндажей днем стал совсем невозможен: чтобы вызвать безжалостную бомбардировку, было достаточно легкого следа дыма. Все пополнения запасов приходилось делать ночью, даже полевые кухни могли функционировать только после наступления темноты. Все это сопровождалось систематическими атаками советских войск, и, каждый раз, когда финская позиция была взята красноармейцами, обороняющиеся солдаты должны были рыть траншеи и ячейки на новом месте или собираться в разбитых окопах с покосившейся опалубкой, которые окружали каждый ДОТ. Даже на рассвете, когда атака была отбита, защитники могли себе позволить поспать считанные минуты. Каждый человек был на счету для возвращения потерянных позиций, восстановления поврежденных фортификационных

сооружений и линий связи, перевозки новых запасов пищи и боеприпасов и помощи в транспортировке раненых в тыл. День ото дня смена находящихся на передовой батальонов происходила все чаще и чаще. Таким образом, к исходу второго месяца войны лишенные тепла и горячей пищи и испытывающие постоянный напор противника финны начали ощущать первые признаки чудовищной, опустошающей усталости. Они уже не улыбались в объективы редких фотокамер, снимающих фронтовой быт в окопах Тайпале. Все, на что у них хватало сил, — просто повернуться к фотографу, выставив небритое обветренное лицо из замотанного вокруг головы шарфа или подшлемника.

Очередная значительная январская попытка прорвать оборону противника была осуществлена силами трех полков 13-й армии РККА, на этот раз в центральной части фронта на Тайпале 21-го числа.

С левого фланга удара действовал батальон 756-го полка с ротой танков Т-26, которые наступали на ДОТы № 107 и 108 («Двойка» и «Тройка» в Кирвесмяки). Правее них действовал батальон 222-го полка, ударивший по верховьям оврага Мустаоя. На правом фланге батальон 212-го стрелкового полка попытался обойти высоту 13,2 с юга. С обоих флангов попытка атаки была предотвращена огнем финнов еще на подходе к проволочным заграждениям. В центре же атаки двум ротам удалось ворваться во вражеские траншеи, занять разрушенный ДОТ первого опорного пункта противника.

Как уже было заведено, с наступлением сумерек финны контратаковали советские подразделения и выбили их оттуда. Основной причиной неудачи оказалась потеря трех пулеметов, прикрывавших красноармейские роты. Два из них были разбиты в процессе боя, а третий оставлен на подступах к окопам врага. Командир отделения Сенько попытался ночью вытащить брошенную «матчасть», но был замечен вражеским дозором. Вызванный минометный огонь разбил оставленный пулемет и контузил самого Сенько. Он пролежал на снегу без сознания несколько часов, пока не был вытасчен из-под огня своими сослуживцами.

Бессмысленные жертвы опять осуждались из Москвы, снова ставилось на вид командирам полков, дивизий, самому Грендаю: «...частная атака была проведена 21.01 командованием 3-го стрелкового корпуса. Корпус, наметив сразу захватить до восьми ДОТов, стянул в эту операцию до двух полков. Для характеристики неподготовленности и неорганизованности этой атаки достаточно указать на такие факты:

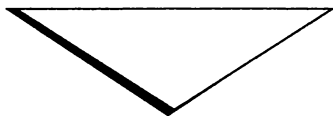
1. Никто не проработал самым тщательным порядком предстоящую атаку.

2. Комсостав не был проконтролирован в способности правильно и грамотно решить задачу, поставленную командованием корпуса.

3. Взаимодействие отсутствовало. Во время контратаки противника на 5-ю стрелковую роту, захватившую ДОТ № 7, артиллерия не вела огонь по контратакующим, мотивируя тем, что плохая видимость...»⁵⁸

А противник, то есть финны, видя, что напор советских частей начинает постепенно усиливаться, и ожидая дальнейшие попытки прорвать свои позиции, продолжали работы по возведению дополнительных укреплений. К началу февраля саперные части капитана Такала оборудовали в тылу вторую оборонительную линию, пролегающую в изрядно поредевшем лесу деревни Рииска в полукилометре от передовой. Среди финских солдат и офицеров она получила название «линия Такала», по имени своего «производителя работ».

И только в феврале, когда вся мощь советского оружия обрушилась на финских защитников Тайпале, они поняли, что, несмотря ни на что, январь был очень и очень спокойным месяцем войны...

«Ворошиловское наступление» Грендаля

С началом февраля все советские войска, сосредоточенные на Карельском перешейке, были готовы начать наступление, чтобы раз и навсегда покончить с упорно обороняющимися на линии Маннергейма войсками противника. На всем протяжении Северо-Западного фронта орудия стояли практически колесо к колесу. Танковые части были собраны в мощный бронированный кулак, способный смести все живое на своем пути. Пехота, наводнившая прифронтовую полосу, ждала приказа о начале решающей атаки. За плечами красноармейцев была немилосердная боевая учеба, во время которой они на морозе, достигавшем в середине января минус 25—30 градусов по Цельсию, тренировались блокировать финские ДОТы. К концу января в части стали поступать установленные на лыжах броневые щитки, называемые самими бойцами «личным бронетанком». Первые тренировки действий штурмовых групп с этими щитками показали, что, несмотря на определенную защиту солдат, которую они обеспечивали, передвигаться по глубокому снегу, толкая вперед сорокакилограммовую конструкцию, было очень нелегко. Красноармейцы быстро уставали, замедляли темп атаки и тем самым подставляли себя под удар теоретического противника.

В соответствии с постулатами военной теории началу генерального наступления должна предшествовать определенная подготовка. В первые дни месяца около восьмидесяти советских бомбардировщиков нанесли массированный налет на финские позиции, превратив и без того изуродованный ландшафт Теренттия и Кирвесмяки в картину, напоминающую поверхность Луны. Через пару дней в тыл финских войск в район Пюхьяярви, что в километрах тридцати от передовой, была заброшена разведывательная группа из дюжины бойцов 201-й парашютной бригады, которую тут же засекли финны. Приземлившиеся парашютисты

даже не успели оторваться от преследователей на значительное расстояние. Финны окружили их и после короткого боя уничтожили все двенадцать человек. Обыскивая тела, финские солдаты удивились некомпетентности или глупости советского командования, выславшего сюда эту диверсионную группу. Район Пюхьяярви был наводнен тыловыми службами, и остаться незамеченным там не представлялось возможным. По некоторым сведениям, эта группа под командованием младшего лейтенанта Богданова должна была обеспечить высадку подразделений 201-й воздушно-десантной бригады. Группа потерпела неудачу — и десантирование в тыл финских войск не было осуществлено.

После всех этих событий на фронте на несколько дней наступила зловещая тишина, предвещавшая как оборонявшимся, так и готовым к атаке войскам ничего иного, кроме предзнаменования новой бури, сулящей смерть.

3 февраля 1940 года, когда первые, пока еще разведывательные атаки советских полков уже начались практически по всей линии Маннергейма, командующие 7-й и 13-й армиями были вызваны в Москву на военный совет под председательством Сталина. Целью этого совещания было определение тактических и стратегических задач армий в период решительного штурма на Карельском перешейке, которое впоследствии советская пропаганда назвала «Ворошиловским наступлением», хотя сам Климент Ефремович, народный комиссар обороны СССР, имел ко всем этим событиям косвенное отношение. По воспоминаниям присутствовавшего на этом совете Мерецкова, только к этому времени, то есть к началу февраля, Ставка стала в общих чертах представлять себе, чем является линия Маннергейма. Два месяца кровопролитных попыток штурма не пропали даром — на карте четко обрисовывались почти все слабые и сильные места финской оборонительной линии. В числе присутствовавших на том сборе был и Грендаль, получивший задачу в очередной раз попытаться сломить сопротивление армии Финляндии на Тайпале. Впрочем, слово «попытаться» ни Сталиным, ни Тимошенко произнесено не было. Дата была назначена. 11 февраля — генеральное наступление.

Из воюющих подразделений в тыл стали отправлять военнослужащих старших возрастов, чтобы заменить их молодыми и крепкими красноармейцами из вспомогательных частей. На фронт направлялись все новые и новые сформированные отряды. Правда, народная молва, распространявшаяся всегда лучше и быстрее телеграфа и официальных сводок, уже по всей стране довольно точно обрисовала положение дел на подступах к линии Маннергейма. Поэтому и отдача у призванных в ряды РККА была соответствующая. После проверки одной из прибывших из Белоруссии в качестве пополнения дивизии, 8-й стрелковой, Грендаль пришел в ужас. Выполнять указания Ставки с такими солдатами означало подписывать в первую очередь им, а как следствие, возможно, и себе смертный приговор. Призрак неудачи 4-й дивизии, оставившей половину своего личного состава на декабрьском льду Суванто-ярви, вновь замаячил перед ним. Доклад командарма в Ставку о моральном состоянии 8-й дивизии убедительно показывал, что победы с таким пополнением добиться нельзя: *«Командир 9-й роты мл. лейтенант Жданович перед выходом роты из Ленинграда напился пьяным, ушел из роты, в силу чего рота отправилась без него. В начале роту повел выделенный начальником штаба батальона комвзвода Шанько, но он также вскоре из роты сбежал. Таким образом, рота пошла без средних командиров и в значительной степени этим объясняется то обстоятельство, что из 9-й роты к месту сосредоточения не прибыло 50 человек, а в 8-й роте — 42 человека.*

В частях дивизии имеется ряд случаев антисоветских высказываний со стороны отдельных военнослужащих и нарушений воинской дисциплины, но должных мер к пресечению этого со стороны комиссара дивизии принято не было. Военком дивизии полковой комиссар Бурилин проявляет исключительное спокойствие и инертность.

В дивизии перед выходом на марш командным составом и политаппаратом не были выполнены такие элементарные правила, как подгонка полученных валенок. В связи с этим есть факты, когда красноармейцы носят валенки без портянок, одевая их на

босую ногу. А это привело к потертости ног и к отставанию бойцов на марше»⁵⁹.

Никто не хотел идти на бойню. Никто не хотел расставаться с жизнью во имя непонятных и противоречивых целей.

Но все эти проблемы решались. Созданный Сталиным за годы советской власти аппарат умел справляться с несогласными сынами своего народа. Проблема посерьезнее оставалась за линией колючей проволоки, по ту сторону фронта — финнов пропагандой и расстрелами не возьмешь. Поэтому подготовительная работа на передовой продолжалась полным ходом.

Кстати, пропагандистскую обработку финнов политуправление 13-й армии вело почти всю войну. Вперемежку с бомбардировками и обстрелами время от времени советские самолеты сбрасывали над траншеями врага кучи листовок, предлагающих им предать анафеме «клику Маннергейма—Таннера» и присоединиться к «Народно-освободительной армии Отто Куусинена», дабы вместе с ней строить новую Финляндию, «свободную от гнета помещиков и капиталистов».

В ближайших к фронту тыловых зонах советских войск, т.е. прямо у реки в Коуккуниemi, и на противоположном берегу озера Суванто, и на холмах Неосаари, словом, не в одном и не в двух местах, были установлены передвижные громкоговорящие установки. Их репродукторы дублировали изложенные в листовках призывы к защитникам Теренттиля и Кирвесмяки. *«Стреляйте в офицеров и переходите на сторону Красной армии!»* — доносилось на приличном финском языке.

Помимо всей этой «музыки», короткое затишье на окаймленном Тайпалеен-йоки выступе нарушали лишь редкие огненные всполохи отдельных орудий да спорадические перестрелки дозоров, к которым добавлялось не прекращающееся гудение моторов советских самолетов-разведчиков, находящихся в воздухе целыми днями.

Результаты действий советской фронтовой разведки финны обнаружили случайно: у взятого после рейда пленного красноармейца обнаружилась карта, на которой расположение их команд-

ного пункта было показано на удивление точно. Это был дурной знак. Исчерпывающие знания противника никогда не сулят ничего хорошего.

Дурное предчувствие надвигающегося грандиозного штурма начало охватывать всех военнослужащих финской армии. Пользуясь личным знакомством с командующим финским III Армейским корпусом, эпатажный французский генерал Абель Клемент-Гранкур в начале февраля 1940 года посетил передовую на Тайпале. После возвращения из своей «фронтальной экскурсии» он сказал генералу Хейнриксу: *«Я редко наблюдал, если вообще такое случалось в моей жизни, такую неприкрытую форму схватки силы воли с физическими невзгодами. Не хочется верить, что этот бой сможет закончиться поражением. Однако войска сражаются без передышки...»* Он задумался и повторил как бы себе самому: *«без передышки, без передышки...»*⁶⁰

6 февраля 1940 года, после двух дней пути, на железнодорожную станцию Рауту прибыл короткий поезд, представляющий собой 11-ю отдельную батарею Краснознаменного Балтийского флота. Еще через пять дней платформы состава были направлены в район деревни Мякря, где уже были подготовлены так называемые рельсовые «усы» для стрельбы двух мощных 356-мм орудий по разным направлениям. Основными целями этой железнодорожной батареи были назначены финские узлы обороны в Кивиниemi, Саккола и Тайпале. Выстрелы этих пушек, пожалуй самых мощных на этом участке фронта, должны были стать внушительной поддержкой наступления 3-го стрелкового корпуса РККА на восточном участке Карельского перешейка.

И гром грянул.

Оглушающие раскаты советских батарей по всему фронту Тайпале утром 8 февраля возвестили о подготовке к генеральному наступлению, немного позже названного самими финнами «адской неделей». Батальоны 142, 49 и 150-й дивизий начали штурм, невзирая на то, что погодные условия становились все суровей и суровей. Начиная с первого дня атаки немного поднявшаяся в конце января температура воздуха снова стала стремительно падать,

опять достигая по ночам – 30 °С. И если на земле мороз являлся существенным фактором, снижающим боеспособность воюющих войск, то в воздухе безоблачная погода становилась преимуществом. «Сталинские соколы», пользуясь условиями ясного неба, совершали вылет за вылетом.

Как и в период январских проб, теперь основной удар сил был нанесен в стык финских укрепрайонов — по 1-й и 2-й позициям в Теренттиля, расположенным у истока ручья Мустаоя. В течение всего дня финские позиции непрерывно подвергались бомбардировкам с воздуха. Малочисленная финская артиллерия и скромные возможности сил ПВО не могли ничего им противопоставить, поэтому даже легкие истребители РККА штурмовали финские огневые позиции, расстреливая из пулеметов наземные цели. После изматывающих налетов и артобстрелов советская пехота 222-го стрелкового полка яростным и стремительным броском достигла окопов противника, наконец-то сумев обратить в свое преимущество овраг Мустаоя. Пригодилась работа саперов, трудившихся ночами в течение полумесяца над сооружением штурмовых окопов. Помимо самих траншей, за полторы недели адской ручной работы саперы вырыли минную галерею к ДОТу № 5, деревоземляному укреплению в центре финской третьей опорной позиции в Теренттиля. К концу работы глубина залегания тоннеля составляла три метра, а в конце подкопа для подрыва вражеских позиций было подготовлено 759 килограммов тротила. Взрыв по неизвестным причинам отменялся несколько раз, но за день до начала советского наступления он был все-таки осуществлен. Оглушительный подрыв, подобно извержению вулкана, поднял в небо мощный фонтан земли, оставив после себя воронку диаметром восемнадцать метров и глубиной два с половиной метра.

Сократив до минимума дистанцию атаки, красноармейцы не оставили никаких шансов финским солдатам вызвать подкрепление.

ДОТ № 7 на высоте 13,2 был взят.

Сосед 222-го полка слева, 469-й полк, одновременно с этим захватил район первой позиции неприятеля в месте, где ручей

Мустаоя вытекает из болота Теренттилянсуо. Этот район по советской классификации значился как высота «Конь» с ДОТом № 111.

Опыт предыдущих боев не пропал. Теперь чуть ли не каждое отделение имело на вооружении ручной пулемет и самозарядные винтовки. Наличие большого количества скорострельного оружия, защищенного белыми бронешитками, вызвало у финнов шок, близкий тому, который испытает через три года вермахт, обнаружив у русских непонятно откуда взявшуюся мощную артиллерию. Конечно, установленная на лыжи индивидуальная броневая защита не давала гарантию полной безопасности укрывающегося за ней стрелка. Более того, атаковать с таким щитком было невозможно — солдаты уставали и выдыхались уже на первых нескольких метрах ползания по снегу с толканием тяжелого щитка перед собой, и об этом было указано в отчетах после проведения боевых тренировок. Но наличие большого количества таких средств защиты, выставленных на бруствер в сторону противника, позволяло осуществить массивный обстрел окопов неприятеля из стрелкового оружия. Прикрывающие огнем своих атакующих сослуживцев красноармейцы в буквальном смысле не давали возможности высунуться из окопов ни одному финну. Кроме стрельбы из винтовок, важным фактором нейтрализации противника был артиллерийский огонь прямой наводкой. Взвод противотанковых орудий, руководимый получившим впоследствии Звезду героя лейтенантом Константином Кораблевым, почти в упор стрелял из «сорокопяток» по финским огневым точкам, обеспечивая продвижение своих сослуживцев.

Впервые за почти полтора месяца советским солдатам удалось вклиниться в расположение основной оборонительной полосы противника. Причем сделано это было так удачно, что составлявшие единое целое укрепрайоны Теренттиля и Кирвесмяки были разорваны надвое. За оставленными финнами позициями началось болото Теренттилянсуо и, чтобы исключить возможность контратаки, командиры советских рот первым делом выставили вооруженное «максимами» боевое охранение по краю болота. При-

валившиеся к брустверу занятого окопа красноармейцы активно использовали винтовочные гранатометы Дьяконова — прообраз современного подствольного гранатомета. Их действия позволяли создать у противника иллюзию, что по полю прицельно стреляет по крайней мере рота минометного батальона. Возможность внезапного контрудара у финнов со стороны болота отсутствовала, потому что плоское голое пространство просматривалось со стороны занятых красноармейцами траншей на километр. Это облегчало задачу закрепления на новых позициях подразделениям 222-го полка, который за эту операцию оставил на поле двадцать два убитых и семьдесят три раненых бойца, а потом, в процессе обороны захваченных траншей, потерял еще около восьмидесяти воинов убитыми и ранеными.

В штабе 7-й пехотной дивизии еще не расценивали обстановку как серьезную. Переход из рук в руки одной-двух опорных позиций происходил почти с самого начала войны, и для полковника Вихма оставались причины для осторожного оптимизма. Прорыв позволил русским продвинуться всего на полкилометра, и находящимся в финских окопах красноармейцам некуда было деваться дальше — прямо перед ними простиралось заснеженное и перегороженное колючкой болото, к востоку от них, ошестинившись стволами пулеметов, оборонялась «тройка», а с запада до самой пятой позиции Кирвесмяки их разделял луг Суониттют, наступать по которому было равносильно самоубийству. Главное было не дать противнику опомниться и мгновенным контрударом с двух сторон, как это всегда получалось, сбросить его назад в овраг ручья Мустаоя.

Но на этот раз успех финнам не способствовал.

Сначала был послан взвод, затем рота, затем две роты. Но отправленным подразделениям не удалось даже подползти к утерянным окопам. Ударив с востока, со стороны остававшейся в их руках третьей позиции, финские солдаты 23-го полка подполковника Лаурила напрочь завязли в позиционной перестрелке с двумя ротами 222-го полка РККА. Одновременно с этим с запада, по болоту Теренттилянсуо, к 1-й позиции пытались добраться две роты

из батальона майора Лиеска. Они атаковали позиции 469-го стрелкового полка, который также отбил контратаку.

Надо сказать, что само по себе болото не представляло абсолютно ровной поверхности. Еще в мирные времена несколькими поколениями жителей близлежащих деревень были проведены мелиоративные работы, чтобы сделать болото пригодным для заготовки сена на зиму, да и вообще, чтобы сделать его проходимым. Год за годом, метр за метром болото пересекли каналы — одна главная, зигзагом проходящая по всей его территории, и несколько второстепенных, поперечных. Эти каналы сохранились в своем первозданном виде и поныне, рассекая на несколько частей болото Тетеревиное, как его сейчас именуют на топографических картах. Кроме них, с началом войны болото еще пересекли несколько рядов проволочных заграждений, которыми финские подразделения пытались обезопаситься в случае прорыва противника. Теперь этот прорыв стал свершившимся фактом, и единственной возможностью для них добраться до истока Мустаоя, являющегося как раз продолжением главной мелиоративной каналы, и было использование этих неглубоких траншей.

После того как подчиненные майора Лиеска проползли по канаве около двух километров, их движение было замечено советским боевым охранением, которое мигом подняло по тревоге пулеметчиков, начавших огнем прочесывать болото. Застигнутые на середине открытого пространства, финские солдаты увидели, как перед ними почти без пропусков снег стал вздыматься фонтанчиками от прицельной стрельбы противника. Отход назад был невозможен из-за действий орудий и минометов, квадрат за квадратом перемалывавших поверхность болота. Плотность огня была такой сильной, что они, лежа в траншее и в воронках, пытались руками, лопатками и своими ножами «*пуукко*» углубиться в ненадежную болотную почву, не имея возможности поднять голову и хотя бы как-то оглядеться в поисках пути к отступлению. Мороз крепчал, опустившись к ночи до – 30 градусов, и когда на следующий день им все-таки удалось вырваться к спасительному лесу на северной оконечности Теренттилянсуо, половину потерь составляли бойцы

с обморожениями разной степени тяжести. Пребывание в течение почти суток на холоде без движения стоило многим отмороженных рук и ног, включая одного из командиров батальона 23-го пехотного полка.

Черные от усталости, холода и голода, они жадно набрасывались на горячую пищу и затем как подкошенные падали на лежаки в блиндажах, мгновенно погружаясь в тяжелый сон. В коротких разговорах все чаще звучало новое имя, присвоенное болоту — *Сурмансуо, Гиблое болото*. Таковым оно и осталось до конца войны.

А в штабах батальонов 222-го и 469-го полков Красной армии уже праздновали первую существенную победу, хотя личный состав этих подразделений еще всю огрызался огнем на контратаки противника, упрямо не желавшего смириться с потерянными позициями. К исходу боя к отвоєванным траншеям были переташены противотанковые орудия, которые прямой наводкой палили по неглубоким финским канавам на болоте.

Одновременно с событиями в Теренттиля атаке подверглись и позиции финнов в Кирвесмяки, но после кровопролитной схватки атакующие войска откатились на старые позиции, оставив на поле боя два сгоревших танка. Вклинившись левее оврага Мустаоя в оборону противника, 150-я дивизия на следующий день еще раз попыталась выровнять линию фронта ударом по Кирвесмяки. Схема осталась прежней. С утра бомбардировочная авиация прочесала финские позиции и ближайшие тыловые подступы к ним. Затем советская артиллерия два часа перепыхивала позиции противника, обрушивая окопы, разнося в щепки блиндажи и снося оставшиеся кое-где черные обрубленные стволы деревьев. К полудню красноармейцы с криками «ура» кинулись в наступление. Бой продолжался два часа, но выбить финнов опять не удалось.

Тем не менее две позиции в Теренттиля финскими войсками были утеряны безвозвратно. По сути дела, здесь подразделения 13-й армии командарма Грендаля *первыми* сломили финскую оборонительную линию, пересекающую Карельский перешеек от Финского залива до Ладожского озера. Именно здесь, в цепи опорных

узлов обороны финнов, наметилась брешь, через которую могли хлынуть накопленные силы Северо-Западного фронта, обладай его командиры большими навыками боевого мастерства и тактики. Через пару дней произошедшие в Теренттиля события с точностью повторились на Выборгском направлении — у Суммы, где бойцы 123-й стрелковой дивизии также вклинились в финскую оборону, захватив огромный ДОТ № 006. Но они были вторыми, и огласку это событие получило лишь потому, что там прорыв сумели реализовать, пусть и с неизмеримо большими потерями, и вынудить Маннергейма принять решение об общем отступлении на так называемые промежуточные позиции.

Но это все произойдет позже. А пока на стол к командующему III корпусом Эрику Хейнриксу легло донесение, что 1-й и 2-й опорные позиции у деревни Теренттиля захвачены противником и возвратить их назад не представляется возможным. На смену им для противодействия входящим во вкус успеха советским ротам были оборудованы новые узлы обороны, получившие те же номера, что и оставленные. Надо сказать, что, оборудуя новые позиции, финские офицеры просто докладывали начальству об их «переносе», поэтому номера, которые были присвоены опорным пунктам в начале войны, сохранились до самого ее окончания. Правда, когда о них заходила речь, опорными позициями их все чаще называли с легкой примесью мрачной иронии. Ни бетонных казематов, ни пулеметных ДЗОТов, ни блиндажей для укрытия солдат здесь не было вообще. Месиво из воронок, изуродовавших когда-то ровное болото и прямую, без спасительных изгибов мелиоративную канаву всего в метр глубиной, в которой на полусогнутых ногах сидел гарнизон опорного пункта, боевой позицией можно было назвать с большой натяжкой. «Гиблое» Сурмансуо начало прием своих жертв в значительном количестве теперь и с финской стороны.

День 11 февраля 1940 года, вошедший в историю как день прорыва линии Маннергейма, начался в районе Тайпале с артиллерийского обстрела и бомбардировки с воздуха, сравнимого с библейским Армагеддоном. Только за один этот день артиллерия

РККА, расположенная по лощинам и оврагам вдоль передовой линии фронта, выпустила около пятидесяти тысяч снарядов. Роты Красной армии, пытающиеся сломить сопротивление финнов, вновь и вновь поднимались в атаку. Батальоны то и дело отправлялись в тыл для переформирования и пополнения. Вся долина от Суванто-ярви до Ладоги заполнилась одним, сметающим все на своем пути, вихрем смерти. Пытаясь первым прорвать финские позиции, Грендаль даже в мелочах попытался обойти своего «конкурента» Мерецкова. Если последний назначил начало атаки на 12 часов дня, то Грендаль — на 11.50, и если Мерецков приказал артиллерийским частям громить противника в течение 2 часов 20 минут, то на участке фронта 13-й армии земля на финских позициях вздыбливалась в воздух в течение трех часов.

После таких мощных обстрелов, как обычно, на финских позициях оставалась горстка полуослепших и оглохших солдат, многие из которых были ранены и сопротивление которых красноармейцам удавалось сравнительно легко преодолеть. Затем, с наступлением сумерек, под прикрытием темноты финны бесшумно подкрадывались к потерянной позиции и выбивали оттуда советских солдат. После каждой такой контратаки боеспособных солдат у финнов становилось все меньше и меньше, и если Красная армия постоянно пополнялась свежими силами, то у финнов резерва не было. К середине февраля в их подразделениях все же начало появляться пополнение — молодые лица призванных из резерва парней резко выделялись на фоне тех, кто уже два месяца был в этом аду, даже если ветеран и был всего-то на пару лет старше новобранца. И ползли уже слухи о долгожданной помощи, о свежей дивизии, которая сформирована в Пюхьярви и скоро прибудет на Тайпале сменить выдохшихся солдат.

В полумраке блиндажа кто-либо из прибывших из госпиталя ветеранов рассказывал о пополнении, которое уже разгружалось на станции Саккола и вроде бы уже направляется к ним: *«Они все в белом. Белые комбинезоны, белые пулеметы, даже у лошадей белые попоны. Как фарфор. «Фарфоровая дивизия...»* Откуда-то из темного угла землянки рассказчика прерывал раздраженный

обилием слухов сонный голос: *«Если это так, то пока они сюда придут, “рюсся” нас всех перебьет. Не думаю, что от них будет много толку. Здесь всего за один день их белые одежды перепачкаются землей и кровью...»*

А в то время, как на западе Карельского перешейка советским войскам удалось взломать оборону финнов в районе Сумма-Ляхде, на Тайпале значительных успехов не наблюдалось. 123-я и другие дивизии РККА уже докладывали о взятии ДОТа № 006, или «Поппиуса», как его называл их противник, о захвате высоты 65,5. После многочисленных проверок и уточнений о достоверности информации в штаб Северо-Западного фронта полетели донесения об отступлении финнов по крайней мере на несколько километров от линии, об которую в течение двух месяцев разбивались волна за волной советские атаки.

А здесь, на востоке Перешейка, части Красной армии, казалось бы успешно начавшие генеральное наступление по всему своему участку фронта и достигшие определенных успехов раньше своих коллег на выборгском направлении, потерпели неудачу, затормозили наступление, а вдобавок еще и потеряли позиции, отбитые у противника ценой большой крови в районе Кирвесмяки.

Дело было так. На следующий день после того, как первые красноармейцы 222-го полка спрыгнули в ходы сообщений 1-й и 2-й опорных позиций Терентила, пехотинцы из 756-го полка 150-й дивизии, прикрываясь склоном противотанкового рва, подтянулись к бугру на лугу Суонийтют и захватили 5-ю позицию, обозначенную на советских картах как «высота “Репа” с ДОТом № 102». Большинство солдат из ее гарнизона не успело встретить их огнем из-за того, что во время артиллерийского налета они скрылись в убежище на соседней «четверке», до которой было около трети километра. В этот момент позиции занимали бойцы финского 6-го отдельного батальона, «карелы» или «псы Саарелайнена», которые уже неделю находились на передовой. В течение короткого боя, перед тем как оставить окопы и отступить, батальон лишился свыше пятидесяти человек убитыми, побив свой мрачный «рекорд» по числу погибших в сражении за Келья в декабре 1939 года.

Одновременно с этим мощный удар обрушился на 1-ю позицию, у берега Суванто-ярви. Артиллерийский налет и последовавший за ним штурм советских блокировочных групп был такой силы, что на этой позиции ни один финн не успел отступить. Это был первый и, пожалуй, единственный случай за всю историю войны на Тайпале, когда ни одного боеспособного защитника в окопах не осталось — только убитые и раненые. Окрашенные под цвет зимы бронешитки, которыми прикрывалась атакующая советская пехота, сыграли немаловажную роль при штурме, позволив ей намного ближе подползти и заблокировать ДОТ № 108, бывший ключом всей обороны этого опорного пункта. Красноармейцам удалось преодолеть неглубокую безлесую ложину с оврагом, разделяющую противоборствующие стороны. Когда большинство бойцов из блокировочной группы оказалось в «мертвой зоне» противоположного склона, куда не могли попасть финские пули, ворваться во вражескую систему траншей оставалось делом техники. Это были бойцы взвода младшего лейтенанта Айрапетяна.

Обе утерянные позиции — одна на крайнем правом и вторая на левом фланге Кирвесмяки — создавали для финнов угрозу охвата всего укрепрайона. И контратака началась в этот же день.

Сначала взялись за «единицу». Горя желанием как можно быстрее покончить с неприятным инцидентом, командир финского 1-го батальона 21-го полка выслал туда штурмовую группу без предварительной артиллерийской подготовки. Группа откатилась назад, таща на себе убитых и раненых, включая своего командира. Почти сразу же была выслана еще одна группа, которая возвратилась с тем же результатом.

К ночи началась вьюга, и после того как финские минометы выпустили около трехсот мин на занимаемый русскими пехотинцами участок шириной сто пятьдесят метров, сопротивление группы Айрапетяна было сломлено. Плотный огонь вражеской артиллерии и начавшаяся метель не позволили красноармейцам подтянуть подкрепление и боеприпасы, и когда в бой пошла пехота противника, оставшимся в живых нечем было обороняться. Айрапетян дал приказ отступать, сам оставшись прикрывать отход своих подчи-

ненных. Финны обложили сопротивляющихся с трех сторон, и лишённые боеприпасов солдаты гибли под пулями врага даже не имея возможности подороже продать свою жизнь. В этом бою батальон потерял двести человек, т.е. большинство из тех, кто еще утром полз по склону у деревни Кирвесмяки. По прошествии всего нескольких часов все, что осталось от целого батальона живых людей, представляло собой перемолотую кровавую массу, заполнившую собой окопы и близлежащие воронки. Войлочная обувь отбивших свою позицию финнов быстро приобрела розовый оттенок.

Сам же младший лейтенант Григорий Айрапетян до последнего момента оставался в занятой траншее, держа противника на расстоянии, тем самым обеспечивая отход взвода. Когда кончились гранаты, он, будучи раненным в грудь, смог доползти до своих позиций, отстреливаясь из револьвера. К счастью, почти невидимое в условиях ночной снежной мглы обессиленное тело заметили и затащили в свои окопы. В госпитале лейтенанта положили в палату безнадежных, но, к удивлению врачей, он выкарабкался из лап смерти и стал поправляться. После окончания войны за этот бой он был награжден Звездой героя.

На всех остальных участках передовой линии Маннергейма успех идущим на штурм советским батальонам не сопутствовал. В тот же день 11 февраля финны пресекли еще несколько попыток взять в лоб 4-ю и 5-ю позиции в Теренттиля. Действовавшие по декабрьскому сценарию роты красноармейцев не успевали пересечь поле у «леса Пярсинена» и у «Народной школы» и залегали под огнем стрелкового оружия неприятеля. Порой достаточно было одного пулемета, чтобы остановить и отбросить назад группу из нескольких десятков человек, как это было на «четверке»: приданные батальону Карла Лагерлефа пулеметчики, увидев десятки стремительно приближающихся к ним людей в белых маскхалатах, схватили свое вооружение и бросились наутек. Единственный не испугавшийся и оставшийся в окопах финский солдат со своим скорострельным вооружением спас все положение — штурмующие были рассеяны.

Отступления, переформирования и новые атаки на позиции противника не только не останавливали напора, но, наоборот, по-

вышали интенсивность сражения. Неудачи на восточном фланге с лихвой компенсировались на западном, потом опять на восточном, затем все повторилось по новой.

После того как в Кирвесмяки была отбита обратно 1-я позиция, финны атаковали «пятерку», ударив по ней из остатков леса, в трехстах метрах по направлению к Суванто. Как и в случае с «единицей», пятая позиция была взята через пару дней только со второй попытки. Первая же попытка окончилась неудачей опять-таки из-за спешки и отсутствия минометной поддержки. В конце концов минометы и автоматы «Суоми» сделали свое дело, и 14 февраля командир 9-й роты Неминен выстрелил из ракетницы, подав своим сигнал: «пятерка в наших руках».

Но в руках финнов позиция оставалась недолго.

На следующий же день большинство финских солдат, засевших в осыпавшихся траншеях на выступающем холме, были погребены под разрывами советской артиллерии или полегли под огненными всполохами пулеметов Дегтярева. Пятая опорная позиция опять перешла в руки батальона теперь уже 469-го полка, сменившего изрядно потрепанный предыдущими боями 674-й полк 150-й стрелковой. Очередная сотня красноармейцев капитана Василенко, снабженная автоматическим оружием и гранатами, вновь отбивала контратаки противника. Все та же финская 9-я рота несколько раз вставала в контратаку за овладение этой болотной возвышенностью и снова и снова теряла солдат и офицеров. В первой атаке ведущий своих бойцов в бой капитан Неминен получил ранение и был отправлен в тыл. На его место встал лейтенант Хоканен, но и его через мгновение настигла пуля. Следующий офицер, устным приказом в суматохе боя назначенный командовать 9-й ротой, также довольно скоро получил тяжелое ранение. С приходом четвертого командира атаки решили прекратить. Пятая позиция в Кирвесмяки окончательно перекочевала за линию фронта на советскую сторону, позволив красным командирам доложить командованию, что ДОТы № 102 и 141 захвачены. Бугор на лугу Суонийтют ошетинился стволами в противоположную сторону. В качестве дополнительного оборонительного средства перед по-

зицей был выставлен танк Т-26, грозно вращающий башней в направлении возможной контратаки противника.

Вместо безвозвратно утерянного опорного пункта в ста метрах к северо-западу финны оборудовали новый оборонительный рубеж. Вырытая прямо в болотной земле позиция получила название «промежуточной» или по-фински «Вяли». Впрочем, иногда она еще называлась «Таппара», по имени убежища для солдат, расположенного прямо за ней.

Всего за несколько дней кровавой мясорубки, превращающей в бранные останки целые подразделения с обеих сторон, физическая выносливость солдат отступила на второй план. Когда, подобно немилосердной лотерее, смерть постоянно витает над окопами, час за часом, день за днем выдергивая из рядов то одного, то другого, а то и целые группы людей, единственной преградой для помешательства оставалась выносливость моральная, не позволявшая принимать потерю однополчанина близко к сердцу. По сути дела, в этих окопах из перемолотого снега и земли мертвые не сильно и отличались-то от живых. Обилие тел убитых солдат и финны и русские приучились использовать как дополнительную защиту от пуль — уложенный на бруствер застывший на тридцатиградусном морозе труп по своей крепости был сравним с броней. При всей дикости этого способа фортификации с сегодняшней позиции, осуждать их не то что не этично, но скорее всего и бесполезно. В момент, когда жизнь висит на волоске и страх застилает все остальные чувства, моральные соображения (даже если отбросить некую преднамеренность в связи с тем, что тела принадлежали к армии противника) уступают место обычному прагматизму. Ведь мертвому уже ничем не поможешь, ему все равно где лежать, а своим телом он сможет защитить от пуль еще живого.

Обилие покойников нередко вызывало ошибки в определении, кто в этом холодном аду живой, а кто отправился к праотцам. Командир одного из финских батальонов, капитан Полон, подчиненные которого в этот момент занимали окопы 3-й опорной позиции в Теренттиля, лично выходил ночью проверять часовых и всегда перекидывался несколькими фразами с каждым солдатом,

встречающимся ему на пути по мере его обхода. Проходя мимо приставленного кем-то к брустверу лицом в поле замерзшего тела красноармейца, он не различил в темноте разницы между живым и мертвым, и с вопросом *«Как дела?»* похлопал его по плечу. Не услышав ответа, он вполне серьезно произнес: *«Вы, конечно же, молодец, что так внимательно ведете наблюдение. Тем не менее, я бы рекомендовал вам двигаться, чтобы не замерзнуть...»*⁶¹

Через неделю после начала «генерального наступления» Грендаля все подступы к финским позициям в Теренттиля и Кирвесмяки были усеяны телами. Итог непрекращающихся штурмовых вылазок с 8 по 15 февраля получился неважным — потеряв пару тысяч человек, только в трех местах 3-му стрелковому корпусу, объединяющему 150-ю и 49-ю дивизии, удалось вклиниться в финскую оборону. Теперь надо было сделать передышку, потому что после такой жаркой схватки ни людей, ни техники не хватало. Обе дивизии срочно нуждались в пополнении. Ну а те, кто выжил, были готовы сделать все, чтобы не идти в бой, вплоть до самострелов и открытых отказов. За каждый день боев только один 222-й стрелковый полк терял около двадцати человек убитыми и сорока ранеными. Бесстрастная запись в журнале боевых действий от 15 февраля гласит: *«Полк до укомплектования к наступательным действиям не способен, необходим отдых всему личному составу. Комсостав чрезвычайно нервно реагирует на распоряжения в обстановке, что отражается на боевой работе подразделений»*⁶².

«Первая адская неделя» завершилась. Впереди была вторая, но для противоборствующих сторон наступила передышка. Длинной в одни сутки.

Люди на войне

Состояние человека на войне описано в литературе тысячи раз. Трехмесячная Финская кампания не была исключением в общемировой военной истории в том смысле, что основную тяжесть нахождения на передовой приняли на себя так называемые резервисты — как с советской стороны, так и с финской. И если в Финляндии мобилизацию объявили еще в октябре (объявив ее «внеочередными армейскими сборами»), то в Советском Союзе войну начали кадровые части, которые затем пополнялись как за счет призванных из мирной жизни гражданских лиц, так и за счет новых сформированных подразделений.

Эта война становилась особенной еще и потому, что здесь не было многочисленных военных преступлений и не было массовой гибели гражданского населения. Да, существуют отчеты о «художествах» финнов в окруженных частях РККА в Карелии, равно как и сводки о жертвах среди горожан финских населенных пунктов после советских авианалетов. И будучи в бою, противники не жалели сил и средств, чтобы выполнить поставленную задачу, а это значило убивать и убивать...

Но когда жар сражения остывал и солдаты враждующих сторон опять располагались друг от друга на пусть и незначительном, но расстоянии, ожесточение и злоба в людских сердцах опять уступала место обычному человеческому состраданию. Плотная стена атакующего противника, воспринимаемая как единое целое, распадается на отдельных людей, к которым применимо сочувствие.

В период январского передыха наблюдатели с обеих сторон фронта пристально вглядывались в нейтральную полосу, чтобы засечь любое движение противника. Если с советской стороны дозорный видел значительное число перебегающих финнов, он тут же вызывал огонь артиллерии или пулеметов в означенный район.

Но иногда поведение неприятельской стороны обескураживало наблюдателей своей нетипичностью.

Вообще, любое перемещение в стане врага скрупулезно протоколировалось в разведсводках и в журналах боевых действий советских частей. Тем более что финны старались не высовываться и не дразнить противника. В один из морозных январских дней мерзнущие красноармейцы с удивлением увидели, как из траншеи противника, нисколько не скрываясь и положив винтовку на бруствер в советскую сторону, задумчиво смотрит финский пехотинец. В дневной записи 222-го стрелкового полка завершение этой необычной истории звучит так: *«Финна пригласили во второй батальон. Не пошел, после чего был обстрелян пулеметным огнем и скрылся»*⁶³.

Другая, более печальная история произошла в одну из ночей затишья между первой и второй «адскими неделями». В болотной канаве, одновременно ставшей окопом второй позиции Терентия, солдаты из батальона майора Лиеска находились на боевом дежурстве. Ночь была на удивление тихой и морозной. Морозной до такой степени, что к утру столбик термометра упал до -30°C . Холодный блеск звезд затмевал только яркий месяц да осветительные ракеты, с шипением очерчивающие полукруг по черному небу и гаснущие на полпути к заснеженной земле. Солдаты почти не разговаривали — русские позиции были в нескольких десятках метрах от них, и временами они чувствовали запах махорки, достигавший их траншеи с легким ночным ветерком, от которого становилось еще холодней и тоскливей.

Внезапно из темноты «ничейной» земли до них донеслись слабые стоны. Они прислушались. Стоны усилились, и они смогли различить невнятную речь на русском языке, из которой они понимали только одно слово: «Сталин». Вероятно, это был один из несчастных бойцов Красной армии, участвовавший в последней атаке. Раненый в бою и потерявший сознание, сейчас он очнулся посреди ночи и начал бредить.

Прошло достаточно времени, но стоны и повторяющееся слово «Сталин» не только не прекратились, но еще и усилились. Теперь

уже не надо было прислушиваться, чтобы их различить. Одинок-ий жалобный голос, раздающийся с перепаханного снарядами и обильно политого кровью мерзлого болота, резал слух и вызывал нестерпимую жалость в казалось бы очерстневших душах защитников Тайпале.

Стоны скоро перешли почти в крик. Один из пулеметчиков шепотом предложил выпустить очередь в направлении голоса, чтобы прекратить мучения неизвестного вражеского солдата. Однако его напарники возразили ему, и договорились, что если с русской стороны к кричащему будет пытаться подползти помощь, они не будут стрелять. Было очевидно, что крики хорошо слышны не только на финских, но и на советских позициях.

И действительно, через какое-то время впереди послышалось движение.

Осторожно выглянув из своего импровизированного укрытия, финские пехотинцы заметили в ночном сумраке две фигуры, ползущие к одной из воронок у растерзанных остатков заграждений из колючей проволоки. Пистолетный выстрел сухо разорвал морозную ночь, и под февральским небом Сурмансуо воцарилась тишина. И только закутанные до ушей дозорные всматривались в ночную мглу...

Вероятно, раненый красноармеец был безнадежен. В противном же случае однополчане попытались бы его вытащить, как бывало не раз и описывалось в боевых донесениях.

Похожий случай, хотя и с более счастливым концом, произошел с финским солдатом Арни Нити, прибывшим на Тайпале в составе пополнения в середине февраля 1940 года. Будучи подносчиком патронов, он был прошит очередью из советского пулемета и в момент отступления своих был в бессознательном состоянии оставлен в одной из воронок на «гиблом болоте». Когда он открыл глаза, над ним склонились два вражеских солдата, у которых еще не прошел пыл ожесточения сражения. Обычно в момент боя атакующие обеих сторон, не задумываясь, стреляли в попадавшихся по пути бойцов противника и продолжали атаку. Поэтому Арни закрыл глаза, ожидая последнего выстрела. Однако ему повезло.

Красноармейцы с выражением нескрываемого любопытства на грязных лицах спрыгнули в воронку, быстро обыскали его самого и содержимое его вещмешка и торопливо выкинули в соседнюю яму найденные там гранаты, а заодно с ними вещи и продукты. Потом, откуда ни возьмись, появились носилки, и солдаты потащили его к своим позициям, проходившим по южному краю болота. Пришел врач, который поцокал языком, сказал пару фраз ни слова не понимающему по-русски финскому парню, разрезал его куртку и накрепко перевязал.

Арни потерял сознание, а когда очнулся, то обнаружил себя уже в Метсяпиртти, в полевом госпитале. Его накормили горячей пищей и даже влили в него стакан водки. Смерть отступила.

После того как его переправили в советский тыл, рядовой Нити покоевал по советским госпиталям, побывав в Рауту, Сиркиянсаари и в Ленинграде. В конце концов он очутился в лагере для военнопленных в глубине России, откуда с сотней своих земляков благополучно вернулся на родину в мае сорокового года.

Плен — это всегда сильное потрясение, страх за свою жизнь и глубокое унижение. Конечно, если речь не идет о добровольном переходе на сторону врага. Судьба плененного полностью находится во власти его противника и порой совсем не зависит от его поведения. Пленный может рассказать на допросе все, что знает, чтобы потом быть расстрелянным просто из-за того, что у захвативших его солдат нет ни дополнительного пайка для него, ни возможности отправить его в свой тыл.

Проблема отсутствия достаточного количества пленных (а следовательно, информации о противоборствующем войске) вынуждала советскую сторону относиться к каждому захваченному военнослужащему противника с большим вниманием. Конечно, бывали досадные случаи, когда добыча ускользала из рук, как, например, в случае с захватом окопов у болота Теренттилянсуо. Притворившийся мертвым финский солдат открыл огонь по находившимся в траншее красноармейцам 222-го полка. Недолго думая, его закололи штыками, о чем потом с нотками извинения и доложили своим командирам. Дескать, выхода другого не было...

Тех, кто, не сопротивляясь, сдавался в плен, отправляли в Особый отдел дивизии на допрос. Для того чтобы представить, какую информацию советская разведка получала от каждого допрашиваемого, ниже почти полностью приведен протокол допроса финского солдата, взятого в плен бойцами 49-й стрелковой дивизии в начале февраля во время «первой адской недели» на высоте «Стул» или 5-й опорной позиции Кирвесмяки.

«ОПРОСНЫЙ ЛИСТ ВОЕННОПЛЕННОГО БЕЛОФИННА-ШЮЦКОРОВЦА ЛАППЕ ЭЙНО ЮГАНПОЙКО

Рабочий, но имеет землю 100 Га. Уроженец Пихлаявеси, местечко Пиракюля. Служил в финской армии рядовым, по национальности финн, член шюцкоровской организации с 1933 года.

Вступил в шюцкоровскую организацию в г. Пихлаявеси. В белофинскую армию мобилизован 13-го октября 1939 года. На передовой линии находится с начала войны в 21-м полку 3-го батальона 9-й роты, который действует в районе оз. Суванто-ярви. С самого начала войны наш полк носил до января 1940 года 30 номер и с января переименован в 21 пехотный полк. Штаб полка находится в деревне Виллакала. Точное место нахождения штаба полка на карте показать не могу. 3-й батальон находится в районе Коуккуниemi. В одном километре от Коуккуниemi — штаб батальона, который находится в тылу от высоты “Стул” в одном километре сев-зап. на опушке леса и в лесу. Справа кто находится не знаю. 1-й и 2-й батальон 21-го пехотного полка располагается левее. Точное место расположение батальонов на карте показать не могу — не знаю. Знаю только, что в районе высоты “Стул” действовала наша 9-я рота. Какие полки располагаются справа и слева от 21-го пехотного полка не знаю, но знаю, что какие то части есть.

Артиллерия полевая у нас есть, сколько батарей и где они находятся не знаю. Есть 5—6 дюймовая артиллерия, где стоит не знаю.

ДОТы находятся с обеих сторон от высоты “Стул” в лесу, несколько ДОТов разрушено. Разрушенные ДОТы восстанавливать не успеваем, а переходим в другие ДОТы. Механизированных

частей нет. Снаряды возятся из тыла на лошадях, преимущественно ночью, на карте эти дороги показать не могу.

С желанием на войну никто не идет и я как шюцкоровец на войну шел не с желанием. Какое настроение офицеров не знаю, но обращение офицеров с солдатами хорошее.

На передовой линии в основном находится младший командный состав, а средний командный состав приходит для проверки один раз в день. Во время атаки ваших частей на короткое время приходил командир роты, потом ушел.

Начальниками ДОТов является младший командный состав, который там и находится вместе с солдатами. На роту 4—5 ДОТов, в каждом ДОТе от 30 до 40 человек. Связь между ДОТаами — телефонная, кабель не всегда зарывается в землю. Часть ДОТов не имеет кабельной связи, пользуется ходами сообщений. ДОТы друг от друга на расстоянии 50—70 метров, по глубине до 200 метров в шахматном порядке.

Фамилия командира 9-й роты Неминен, командир 3-го батальона — Полун в чине капитана, командир полка Кемппи в чине полковника, фамилию командира дивизии не знаю.

О народном правительстве знаю по листовкам и по радио. Отношение к народному правительству плохое, старое правительство лучше.

Патрон дают без нормы. Об артиллерии не знаю, какая норма выдается им. Подходит ли железная дорога к Тайпале не знаю. Питаемся хорошо, дают каждый день мясо, суп и ячневую кашу, хлеба черного дают неограниченное количество»⁶⁴.

Финны относились к пленным с меньшим почтением, особенно если поблизости не было старших офицеров. Характерна история, описанная командиром взвода Каарло Симойоки о пленном красноармейце, захваченном в контратаке на тот же самый пятый опорный пункт Кирвесмяки или высоту «Стул», где был пленен упомянутый выше Эйно Лаппе. Собственно, трофеев после боя у финнов оказалось два: один пленный солдат противника и одна бутылка водки. В отличие от порядков в воюющих частях Советского Союза у финнов водка не входила в ежедневный рацион, и

поэтому появившаяся возможность выпить привлекла в блиндаже гораздо больше внимания, чем прикорнувший в углу боец в буденовке.

Открыв бутылку, никто из присутствовавших не рискнул первым выпить разлитое по кружкам спиртное, потому что все опасались, что коварные русские специально оставили на брошенной позиции яд для нейтрализации вражеских сил. Все находящиеся в блиндаже долго совещались, как поступить в такой ситуации, пока решение не пришло само собой. Выбор пал на задремавшего в углу пленного. Его пинком подняли с пола и приказали выпить содержимое протянутой кружки. Испуганный красноармеец залпом влил в себя водку и скроил благодарную гримасу. Подождав немного и увидев, что с пленным ничего не происходит, финны за два круга с удовольствием опорожнили бутылку. Когда алкоголь начал влиять на их мозг, им захотелось поговорить с обитателем другой стороны фронта, которого к тому времени опять сморил сон. Один из хозяев землянки подошел к дремавшему пленному и, скорчив злобное выражение физиономии, схватил его за грудки и рывком поставил на ноги. Испуг на лице красноармейца повеселил финских солдат. Затем с грехом пополам, используя словарь и язык жестов, они выяснили, что он из Ленинграда, что прибыл на Тайпале недавно и что в окопах «пятерки» до их контратаки была почти сотня советских бойцов. На вопрос, что он думает о Сталине и Молотове, пленный ответил, что он их ненавидит. Будучи в плену, всегда хочется говорить то, что от тебя желают услышать хозяева положения, от которых в буквальном смысле зависит твоя жизнь...

Эта история окончилась тем, что в блиндаж пришел офицер и увел пленного в штаб на допрос. Дальнейшая его судьба, к сожалению, неизвестна...

Людская психология интересна тем, что она одинакова вне зависимости от национальности и вероисповедания. Не прошло и полутора месяцев противостояния, как в расположении противоборствующих сторон начали возникать очень похожие истории о жизни по другую сторону фронта. И финская и советская стороны

утверждали, что в боях противник использует команды на языке неприятеля. Находились красноармейцы, которые явно слышали русскую речь от финнов. И финны также ясно слышали команды на своем наречии с позиций атакующих. Обе стороны объясняли такое применение знания иностранного языка противником для того, чтобы сбить их с толку, и в то же время докладывали, что уловка врага не удалась и одурачить их не получилось.

Одной из самых известных историй с советской стороны являлся рассказ о «кукушках» — финских снайперах, сидящих на деревьях. На линии фронта в районе реки Тайпалеен-йоки снайпера действительно были как с финской, так и с советской стороны. Проблема была в деревьях. Их просто не было как по природным условиям (вокруг были крестьянские поля), так и по результатам боевых действий — большинство рощ и лесков было сметено огнем артиллерии и авиабомбардировками. Поэтому снайперы собирали свою смертельную жатву обычным способом, из замаскированных позиций на земле.

Еще одна тема, в негуманности которой стороны обвиняли друг друга, — разрывные пули. Скорее всего и финские и советские части имели на вооружении патроны с пристрелочными и зажигательными пулями, разорванная оболочка которых и принималась за запрещенный международной конвенцией вид боеприпаса.

Кроме этого, в советских частях почти до самого конца войны циркулировали распространяемые политотделами слухи о брожении в тылу врага, о скором восстании «порабощенного пролетариата» и неминуемой победе социалистической идеи в Финляндии. Доходило до того, что рассказывали, как на неразорвавшихся снарядах, прилетевших с севера, были надписи по-русски «*Чем можем, тем поможем*»...

И, конечно же, рассказы о женщинах... Женщины на фронте всегда являлись источником повышенного внимания, даже если их было мало или не было совсем. Советские наблюдатели докладывали о женских голосах, якобы слышимых из окопов противника. Финские дозорные в точности повторяли эту информацию о рус-

ских позициях. Можно с уверенностью сказать, что на финской передовой женщин не было вообще. Члены женской полувоенной организации «Лотта Свядд» находились как минимум на расстоянии двадцати километров от места боя, прикомандированные к ближайшему стационарному госпиталю. В палаточных медсанчастях прифронтовой полосы все врачи и санитары были сплошь мужского пола. Учитывая, что финское гражданское население было поголовно эвакуировано, женские голоса на позициях противника могли возникать только в воображении бойцов Красной армии.

Что же касается присутствия женщин с советской стороны фронта, то тут единичные случаи нахождения санитарок или военврачей на передовой имели место. Известен факт участия *лектома* 2-го батальона 222-го полка Старовойтовой в боевой операции — она сопровождала группу капитана Нетребы при захвате «Алказара» в декабре 1939 года. Кроме того, все госпитали и медицинские части находились в Метсяпиртти, то есть прямо за рекой. В тихую морозную ночь, когда ветер меняет направление с северного на юго-западное, голоса с того берега вполне могли достигать траншей финских опорных пунктов.

И все равно, даже в прифронтовой полосе, в Метсяпиртти, Рауту и прочих занятых советскими частями населенных пунктах женщин было очень мало. Промелькнувшая дамская фигура в белом халате мгновенно рождала ассоциации с находящейся так далеко отсюда гражданской жизнью, покинутым домом, женой и детьми. Большинство из рядовых солдат и младших командиров, призванных в ряды бойцов 13-й армии РККА, были выходцами из сельской местности, жизнь в которой после сталинского «Великого перелома» никак не поворачивала к лучшему. И в своих письмах красноармейцы мало писали о боевых буднях. Их больше интересовала информация о том, что происходит дома.

«Здравствуйте, Жена Наталия Яковлевна и дорогие дети. Привет Вам с фронта от Вашего мужа и отца пламенный Красноармейский. Желаю Вам хороших успехов в вашей жизни и очень Вас благодарю за ваше письмо, которое писано 21.01.40 г. и получено мною 27.01.40 г.»

Наташа вы пишете дать Вам совет относительно выноски молока. Конечно совет выносить и кормить своих детей, а заявление напишите в районный ком. заг. отдел. А от работы дояркой в колхозе я Вам советую воздержаться так как я полагаю, что там себя мучить задаром не стоит. Все равно от Кузнецовой ордена не заработаешь. У нее отношение к нам плохое и трудодень дешевый. Если суждено вернуться в живых тогда будем соображать что-то новое. Так как я полагаю, что наш колхоз окончательно экономически ослаб.

Наташа прошу тебя, как получишь это письмо, ответь, как учатся наши дети в школе и их отметки. Опишите мне непременно. Прошу Вас отпишите, если возможно моему семейству просьбу купить для Вас 2 кило хлеба в магазине в Локотско а также попросите у отца часть других продуктов. Таких как сахар и сахарный песок и крупа. Наташа Тихон мне писал что он достал 15 метров мануфактуры и купи что-нибудь детям для носки. Им ходить в школу в особенности Пете.

Наташа опишите, когда получите пособие до сообщения моей записки или после как я написал письмо совет зятю Володи.

Наташа, когда будет у Вас составлен годовой отчет и утвержден. Пишите мне выписку из лицевого счета письмом.

Теперь описываю Вам о себе. У нас стояли морозы 16—18—19—20—21/ 1.40 года не выше 40 и не ниже 33 градусов. А теперь тепло живем мы в прифронтовой полосе. Никаких нам смен нет. Как вы просили — условия нашей жизни писать не буду. Так Вы знаете теперь. Прошу Вас ухаживайте лучше за коровой. Затем до свидания. Остаюсь жив и здоров. Пишу Вам письмо 28.01.40 года утром в 9 часов дня.

Жду ответа. Пишите чаще письма. Известный Ваш муж и отец

Ив. Воронин»⁶⁵.

Это письмо, которое тридцатичетырехлетний красноармеец 31-го артиллерийского полка 49-й стрелковой дивизии Иван Иванович Воронин написал в январе 1940 года у берегов реки Тайпалеен-йоки. Десять дней спустя он погиб от разрыва финской

мины, прокладывая связь по этому самому ненавистному берегу ненавистной реки. Его жена и шестеро детей в деревне Рыхлово Новгородской области получили извещение о том, что он пропал без вести...

Смерть могла прийти в любую минуту к каждому, кто находился на передовой. Даже представители такой «мирной» профессии, как военные строители, ежедневно теряли людей, несмотря на то, что большая часть их обязанностей заключалась в строительстве мостов, очистке дорог от снега и устройстве землянок в тылу боевых позиций. Каждый день разрыв шального снаряда или случайная пуля вырывали солдат из строя как с советской стороны, так и с финской. От потерь финнов не спасала даже ночная темнота, в условиях которой они и производили все работы по дооборудованию своих траншей и восстановлению противопехотных препятствий.

Многие из побывавших на передовой финских солдат оставили свои воспоминания, наполненные описанием того ужаса, что пережили они, находясь под непрерывным обстрелом. Одно из таких хотелось бы превести почти целиком:

«Утром девятнадцатого числа мы начинаем ощущать, что противник все точнее и точнее бьет по вымороженной территории перед нашим кривым стрелковым окопом, в котором серыми чучелами торчим мы.

Артиллерийский огонь становится все сильнее, но несмотря на это обстоятельство, все бойцы остаются на своих наблюдательных постах. Мы знаем, что после такого массированного обстрела обычно начинается атака. Мы уже почти с нетерпением ждем начала вражеского наступления, лишь бы прекратился этот чертов обстрел.

Я осторожно выглядываю из траншеи. Насколько хватает взгляда, видны разрывы снарядов, дым и головы бойцов, так же как и я, ведущих наблюдение. Один разрыв срубает дерево прямо перед моей позицией. Страх парализует меня. Обстрел настолько интенсивен и точен, что кажется в этом мире никого уже больше не осталось кроме меня и моего напарника, свернувшихся

в комок от страха и дрожи на дне стрелковой ячейки. Я замечаю, что внутреннее напряжение атрофировало природные чувства и я уже не чувствую холода.

Мимо меня с дежурным обходом проползает младший лейтенант. Очередной снаряд разрывается рядом с нами, недалеко от покаленного дерева. Горячий осколок вонзается в стенку траншеи между лейтенантом и мной, с шипением плавит снег и исчезает. Я сообщаю, что противник обнаружил нашу наблюдательную позицию и пытается артиллерийским огнем накрыть всю прилегающую местность.

“Вы сами себя выдали своим мельканием над бруствером”, ворчит лейтенант. “Меняйте позицию и в следующий раз ведите себя осмотрительнее”.

Втроем мы выползаем из окопчика, упираясь носом в подошвы впереди ползущего. Внезапно мы слышим приближающийся свист. Вместе с моим напарником и младшим лейтенантом мы падаем в соседнюю ячейку и боковым зрением видим, как только что покинутый нами наблюдательный пункт взлетает на воздух из-за прямого попадания снаряда.

Я невольно крещусь, после чего мои руки безвольно опускаются. Провидение прислало проверяющего лейтенанта к нам в нужный момент. Я смотрю на скрючившегося напротив меня напарника и вижу, что его лицо стало белым как простыня. Это отчетливо видно, несмотря на то, что свободная от бороды часть его физиономии покрыта землей.

Он вздыхает и продолжает ползти за младшим лейтенантом. Вылезая из ямы мы замечаем, что лежали на большой бурой куче, которая представляла собой свидетельство постоянных посещений этого окопчика нашими сослуживцами во время долгих бессонных дежурств в дозорах. Несмотря на это обстоятельство, эта стрелковая ячейка нам в сто раз дороже той, что мы покинули за мгновение до разрыва.

Младший лейтенант исчезает из зоны нашего обзора, мы продолжаем ползти, и снова слышим приближающийся свист. Удивительно, что по свисту приближающегося снаряда можно

определить, летит он мимо или прямо к тебе. Мы снова скатываемся в стрелковую ячейку, благо они расположены довольно близко друг к другу. Метрах в девяти перед нами слышится треск. Как только огонь затихает, мы ползем дальше и обнаруживаем лейтенанта, склонившегося над лежащим прибывшим к нам совсем недавно унтер-офицером. Мы спешим к нему на помощь и когда приближаемся, то я вижу что у унтера из спины под левой лопаткой торчит осколок величиной с мою ладонь. Кровь пузырится и пульсирует из раны и на его губах также видна кровавая пена.

Я ничего не могу поделать. Унтер-офицер внезапно открывает глаза, смотрит на фенрика и медленно выдыхает окровавленным ртом: “Я умираю... Пошли мои часы моей матери. Выиграйте вой...ну”.

Все кончено. Мы оттаскиваем тело в сторону, и мой напарник отправляется за носилками, чтобы было легче транспортировать тело в узкой траншее.

Воздух! Откуда-то я слышу шум, смотрю в небо и вижу звено из девяти самолетов, сбрасывающих метровые бомбы. Я прикидываю разные пути спасения, но все кажется безнадежным. Я не успеваю выбраться из зоны бомбардировки, поэтому просто остаюсь в окопе, в котором меня застала судьба.

Что-то падает и свистит так пронзительно, что мое сердце замирает. Я больше не слышу грохота разрывов, хотя они вздымаются землей и снегом совсем рядом со мной. Мой слух улавливает только страшный вой падающих бомб. Я приседаю на корточки, зажмуриваю глаза, и напрягая все мышцы пытаюсь свернуться таким образом, чтобы меня было как можно меньше.

Невозможно описать психологическое напряжение за те несколько секунд, пока бомба проходит свой путь с небес до земли. Страх кричит во мне, все мое тело напряжено и пот струится по моему лбу.

“Господи, пронеси! Промахнитесь, промахнитесь”, — звучит внутри меня до тех пор, пока очередная бомба не разрывается рядом со мной.

Несмотря на то, что мои глаза плотно зажмурены, вспышка пронзает мои веки и я становлюсь незрячим. Взрывная волна приподнимает меня и бросает снова на землю.

Тишина. “Это конец”, проносится у меня в голове и я еще не понимаю, где я нахожусь. Жив я или я мертв? Я не знаю этого. Я дышу с трудом... “Раз я дышу, значит воздух мне еще необходим”, — проносится в моем мозгу. Я осторожно открываю глаза, и убеждаюсь в том, что они видят.

Я по шее погребен в земле, сучьях и снеге. Я с трудом пытаюсь выбраться и слышу свист пуль, который напоминает мне о широком разнообразии вариантов смерти на войне.

Я осторожно оцупываю себя и осознаю что все мои части тела на месте. Быстро оглядевшись я понимаю, что артиллерийский огонь так же мощен, как и до начала бомбардировки.

Одновременно с этим я замечаю, что рядом со мной образовалась воронка диаметром около пяти метров, которая задела кусок траншеи, ведущей к убежищу. От нее метрах в восемнадцати, прямо посреди окопа еще одна воронка по направлению к блиндажу. “Мой напарник!”, проносится у меня в голове, “он же пошел за носилками”.

Я достигаю блиндажа, и когда я заползаю за угол, я обнаруживаю своего приятеля погребенного в сугробе похожим на тот, что завалил меня. Напарник цел и невредим.

Грохот артиллерийского обстрела усиливается и продолжается вплоть до самого заката. Помимо него мы переживаем еще восемнадцать авианалетов. В темнеющих сумерках, к нам опять подползает лейтенант.

Мы искренне удивляемся тому, что он еще жив, не говоря уже о других бойцах. Наше удивление становится еще больше, когда мы узнаем что потеряли всего двух человек — нового унтер-офицера и одного набожного солдата, за две недели до этого сообщившего что погибнет именно в этот день. Его убил шальной осколок, когда он вышел из блиндажа по естественной надобности. До этого он целый день безвылазно просидел в убежище.

“Ему попало прямо в шею, пробив затылок. В остальном на теле ни единого повреждения” завершает свой рассказ офицер.

Проходит еще один день с “обычным артиллерийским обстрелом наших позиций противником”. А наш пулеметный взвод опять остается без командира»⁶⁶.

Кстати, после того как артиллерия и саперы Красной армии уничтожили практически все стационарные проволочные заграждения, основным препятствием, которое выставляли финны, были так называемые «рогатки». «Рогатки» представляли собой подобие грубо сколоченных козлов, опутанных колючей проволокой. Сами изготовители называли это изделие «испанскими лошадями». В отличие от своего неприятеля советские саперы не заморачивались с изготовлением деревянных конструкций, просто разматывая бухты колючки в «спирали Бруно».

Журнал боевых действий финского 3-го батальона 19-го пехотного полка методично описывает ежедневные события «тихого» января 1940 года:

«18.1.1940, 23.00. 8-я и 7-я роты производят работы в ближайшем тылу и на передовой. Один человек убит.

19.1.1940, 23.00. 7-я и 9-я роты производят работы. Один человек убит.

21.1.1940 Пересменка. 9 рота на боевом охранении у Мустаоя, 8-я рота на работах.

22.1.1940, 06.30 8-я рота на производстве работ. Один человек убит.

22.1.1940, 23.00 8-я и 7-я рота на работах. В результате артналета один человек убит, два пропали без вести и шесть раненых»⁶⁷.

Записи советского саперного батальона очень похожи на финские. Каждый день вычеркивал из списка одного или двух убитых или раненых, в основном становившихся жертвами снайперов противника.

Иногда в записях боевых будней нет-нет да и мелькали лирические нотки, которые затем сменялись простым описанием событий:

«Была светлая лунная ночь с 14-го на 15-е февраля. Мерцали звезды, трещал мороз. Взвод третьей роты сменял взвод второй роты с передовой линии 15-го СП. С 21 часа до 24 часов тишину ночи нарушали отдельные выстрелы нашей артиллерии, отдельные винтовочные выстрелы и очереди пулеметов. В 6 часов в сторону противника пролетели наши гордые соколы со своим очередным грузом. С наступлением утра деятельность нашей авиации возобновилась и до самой ночи над нами пролетали группы наших самолетов неся белофиннам очередной груз бомб, после взрывов которых весь горизонт делался темным»⁶⁸.

Фронтовая жизнь двух стран имела много общего и много разного. В расположении 13-й армии текла в первую очередь советская жизнь. Каким бы страшным ни было пребывание на фронте, заведенный распорядок и повсеместно принятый в СССР план политических мероприятий распространялся и на Карельский перешеек. С завидной регулярностью проводились партийные и комсомольские собрания, где принимали новых членов и пропесочивали провинившихся. В частях организовывались социалистические соревнования на звания лучших подразделений. Периодически выезжала комиссия политуправления 13-й армии, проверяя политикоморальное состояние красноармейцев. Для отдыхающего личного состава организовывались концерты ленинградских артистов. Время от времени в части прибывали посылки с подарками для бойцов — от трудящихся Ленинградской фабрики «Красное Знамя», от жен комсостава города Старая Русса и от многих других простых людей, искренне желавших хоть как-то скрасить пребывание своих соотечественников на противоречивой и непонятной войне.

Согласно «указаниям партии и правительства», ведение войны должно было быть подробно освещено в печати как важная идеологическая составляющая Финской кампании. Поэтому в войсках имелось значительное количество военных корреспондентов. В Финляндии же журналистов к передовой на Карельском перешейке даже близко не подпускали. Поэтому все статьи о героях Суоми черпались из официальных бюллетней Министерства обороны.

Большинство советских литераторов, поставлявших материалы для передовиц в газетах «Правда», «Красная звезда» и прочая и прочая, были обычными гражданскими писателями и журналистами, которые стали «военными» совсем недавно, осенью 1939 года, во время «Освободительного похода» в Польшу. В числе побывавших на фронте были такие известные писатели и поэты, как Самуил Маршак, Евгений Долматовский, Николай Тихонов и, конечно же, автор «Василия Теркина» Александр Твардовский. Твардовский, кстати, собирал материал о Героях Советского Союза и лично был в расположении 3-го стрелкового корпуса. Правда, за реку Тайпалеен-йоки поэта-военкора не пустили, ограничив его встречей с бойцами 7-го отдельного понтонного батальона. Пребывание в батальоне запомнилось ему беседой с шофером Владимиром Артюхом, о котором впоследствии он написал стихи, и баней, армейской фронтовой баней в нетронутой войной финской бревенчатой избушке.

«В 7-м понтонном, стоявшем в маленькой лесной усадьбе на берегу озера, ходили в баню. Баня очень хорошая, предбанник отопляется, в нем мягкая мебель. Хозяин, помывшись, мог еще помечтать, подремать у печки, просушиваясь.

Воды горячей было немного, но она была действительно горячая. Разводили ее холодной, с кусками льда, водой из другого котла. Вода — из озера, немного пахнет задохнувшейся рыбой и какая-то красноватая на свет, но хорошая, очень мягкая. Волосы сразу заскрипели и стали мягкими.

Какое благо баня на фронте! Ни с чем этого не сравнить. И удивительная штука: банька маленькая, уже достаточно захламленная нашими, народу моется много, тесновато, грязновато, воды маловато, а все выходят чистые, все успевают отпарить и смыть с себя грязь, пот и усталость.

Глядишь на бойца: вот он вышел, голый красный богатырь, на берег озера, о котором и не слышал до похода, ступает босой ногой на снег и спокойно, благодушно мочится на эту столь страшную и суровую издали землю, за которую немало погибло его товарищей и сам он умрет, когда придется»⁶⁹.

Понятно, что основной темой статей и очерков военных корреспондентов Красной армии был героизм солдат и командиров, быт на фронте и звериный облик врага, «белофинских бандитов».

Негативные случаи из жизни воюющих частей в газеты не попадали. А между тем в них случались и воинские преступления, требующие вмешательства военного трибунала. Кстати, все прибывшие в качестве пополнения новобранцы проходили беседу не только с политруками, но и с военными следователями...

Без конфликтов не существует ни одно людское сообщество. Вооруженные силы, как обособленный социальный институт, обладает специфическими особенностями, которые рождают особые виды конфликтов. А учитывая то, что армия вообще представляет собой сообщество вооруженных людей и долговременное нахождение на фронте отражается на человеческой психике не лучшим образом, ссоры и непонимание друг друга легко может привести к кровавой развязке. Командир отделения 212-го полка 49-й дивизии Козлов повздорил с командиром отделения комендантского взвода и комсоргом штабной комсомольской организации. Скорее всего, конфликт возник из-за натянутых отношений между тыловиками и солдатами боевых подразделений. Что конкретно случилось и как развивался конфликт, неизвестно. Известен результат: Козлов выхватил револьвер и застрелил своих оппонентов. Через неделю, по решению военного трибунала 13-й армии, он был расстрелян перед строем своих сослуживцев.

И дежурство на передовой, и работа в тылу по укреплению оборонительных позиций в любом случае была сопряжена с опасностью — война есть война, и гибель людей неизбежна. А оставшиеся в живых день ото дня продолжали свою солдатскую работу. По подсчетам, к концу января потери финской 10-й пехотной дивизии, переименованной в седьмую, составили почти восемьсот офицеров и рядовых погибшими и около двух тысяч ранеными, покалеченными и обмороженными. Потери войск РККА на этом участке были строго засекречены, хотя любому, участвующему в боях, было очевидно, что на небольшом перешейке между Суванто-ярви и Ладогой перемолота не одна тысяча красноармейцев.

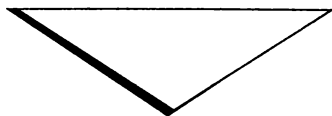
За скупыми словами описания атак и контратак всегда теряются чувства солдат, участвующих в боевых действиях. Как описать состояние бойца, которому приказано встать во весь рост и выпрыгнуть из окопа навстречу неизвестности? Немилосердный окрик «вперед» вырывает его из относительно безопасного укрытия, и он бежит по снегу, перепрыгивая через застывшие тела бойцов предыдущих атак, автоматически фиксируя шелест предназначенных для него пуль, летящих из чернеющей стены леса на том краю поля. На половине пути он падает, укрываясь за крохотным бугорком, который в данный момент означает краткосрочное спасение, и несколько секунд ничего не соображает, задыхаясь от страха и от бега. Крепко прижав щеку к мерзлой земле, он жадно слизывает сухим ртом серый, истоптанный снег. Потом его сознание включается, и он слышит надрывные крики раненых, которые лежат где-то позади, минометные взрывы, редко ухающие совсем рядом, и мат командира, который пытается поднять залегших под пулями солдат. Хриплое дыхание никак не может прийти в норму. Он понимает, что отчетливо слышащиеся в морозном воздухе резкие щелчки — это пули, летящие в него, предназначенные ему и только ему. Страх сковывает его, и он готов отдать все, все, что у него есть, за простую возможность просто лежать здесь, за этим спасением в виде крохотной земляной насыпи, которую преподнесла ему сама природа. Потом он видит, как те, кому удалось вместе с ним достичь этого рубежа, вновь поднимаются и нелепо пригнувшись и мелко семеня, устремляются вперед. Он поднимается, делает несколько больших прыжков и тут неведомая сила сбивает его с ног и вдребезги разбивает его сознание. И через мгновение он становится еще одним телом, через которое будут перепрыгивать бойцы следующих атак.

А если нет, если судьба улыбнулась ему и он смог дождаться долгожданного (и не всегда бывающего) приказа на отход, то он опять вползает в свою *нору*, вырытую в мерзлом песке в паре сотен метров от реки Тайпалеен-йоки, чтобы снова мерзнуть у крохотной земляной печурки, и жадно хлебать паек из черного от копоти алюминиевого котелка, и молиться, чтобы в следующую

атаку его взвод не послали, а послали бы соседний, а он с готовностью будет выполнять все, что будет приказано, — копать новые окопы, ползком подтаскивать ящики с боеприпасами к передовой, оттаскивать за реку раненых, словом, все, лишь бы не туда, под невидимые на слепящем снегу веера пулеметных очередей.

На постоянные неудачи советских подразделений влиял и тот фактор, что даже через месяц боев в войсках остро ощущался недостаток боевого «окопного» опыта. После губительных атак поля за Тайпалеен-йоки были усеяны мертвецами, которые никогда никому уже ничего не могли рассказать. Оставшиеся в живых раненые и покалеченные солдаты отправлялись в тыл. На их места приходили новички из маршевых батальонов, внезапно вырванные из привычной гражданской жизни, которым некому было поведать, где у противника пулемет, когда следует атаковать, а когда залегать в воронке, как вести себя под артиллерийским обстрелом и что делать, если тебе удалось достичь вражеских окопов. Как только отправленное на переформирование подразделение возвращалось на передовые позиции, все повторялось заново — кровь, отход на исходные, досада и недоумение.

Такова была жизнь в окопах у реки Тайпалеен-йоки. И в принципе она не отличалась от условий службы на других участках фронта Карельского перешейка. Каждый прожитый день считался удачей. Каждый следующий мог обернуться непоправимой трагедией. И таких дней на Тайпале было ровно сто...

«Фарфоровая дивизия» и «Черный день Тайпале»

После первой недели жарких февральских боев и у советских 150-й и 49-й дивизий, и у финской 7-й дивизии резервов уже не оставалось. Молох сражения опустошил людские ресурсы. Штабы обеих сторон поспешно стали изыскивать возможность пополнения.

Командарм Грендаль получил еще одну дивизию, не считая личного состава, который прибывал в составе маршевых батальонов, пополняющих обескровленные соединения. 62-я стрелковая дивизия РККА, до поры до времени расквартированная в районе Рауту и Липола, теперь занимала позиции по южному берегу Суванто-ярви, сменив на этих рубежах неудачную 4-ю стрелковую. Время работало против Грендаля. Соседняя 7-я армия во главе с Мерецковым уже пробила брешь на участке Сумма-Ляхде, прорвав наконец линию Маннергейма. За пару дней прорыв был расширен, и теперь с изрядной долей уверенности можно было сказать, что линия Маннергейма взломана. Дорога к Выборгу была открыта, и за сколько времени пройдут ее части армии, зависело только от умения командования и выносливости личного состава. А здесь, на востоке Карельского перешейка, опять возник затор. Нужны были люди. Много людей, чтобы еще раз попытаться пробиться на север вдоль западного берега Ладожского озера.

Эшелоны из Астрахани, Белоруссии и из средней полосы России привозили новых и новых рекрутов. Они прибывали в затемненный Ленинград, на Московский вокзал, садились в многочисленные грузовики, от ночного движения которых дрожали стекла домов на Литейном проспекте, и исчезали в сумраке Финляндского вокзала. Далее, если мандатная комиссия распределяла пополнение в 13-ю армию, их направляли на станцию Рауту, ставшую основным

пунктом материально-технического снабжения всех войск Северо-Западного фронта, воюющих на востоке Карельского перешейка.

Ну а затем уже новобранцы отправлялись за реку Тайпалеенйоки, в Коуккуниemi, где они вливались в батальоны, ждущие сигнала к атаке. Пока сигнала о наступлении не поступало, солдаты занимали опустевшие крохотные блиндажики, греясь у самодельных печурок, коптящих морозный воздух трубами из обрезанных снарядных гильз. Собственно, и блиндажами их назвать было трудно. Вырытые в мерзлом грунте ямы на одного-двух человек, они скорее напоминали норы, в которых пытались согреться советские граждане, сталинской волей вырванные из тепла родного дома и брошенные на негостеприимную землю Финляндии. Вместе с кошмарными условиями обитания новобранцы часто получали от ушедших в мир иной предшественников «наследство» в виде предметов нехитрого солдатского быта. Порой на доставшемся новобранцу черном от копоти котелке четко проступали одна-две выцарапанные фамилии его прежних хозяев. Несмотря на то что с января в войска стала поступать теплая одежда, хорошие валенки всегда были дефицитом. Бывали случаи, когда эту традиционную теплую обувь стаскивали с трупов, чтобы ею могли воспользоваться живые. Снять валенки с мертвого сослуживца на морозе являлось нелегким делом и поэтому, если обувь намертво смерзалась с ногой покойника, голенище разрезалось сбоку, валенок стаскивался, а затем прошивался шнуровкой для того, чтобы он не спадал с ноги нового владельца.

Впрочем, условия обитания на передовой никогда и ни у кого не отличались комфортом. На правом же берегу реки, за месяц стояния тылов 13-й армии, жизнь вполне наладилась. Здесь топились бани, работали палаточные госпитали, были обжиты оставшиеся дома в Метсяпиртти и Рауту. Сюда приезжали автолавки, торгуя товарами, от которых солдаты уже успели отвыкнуть. Но стоило бойцам опять пересечь понтонный мост через Тайпалеенйоки, как они вновь оказывались на фронте, где чем тщательнее каждый мог укрыться, тем больше шансов выжить у него оставалось.

Проблему нехватки людей пытались решить с помощью направления в бой солдат из так называемых *непрофильных* частей. Например, приданных стрелковым полкам саперов пытались использовать где только возможно. Командир 2-й роты отдельного саперного батальона 49-й дивизии Лушпенко жаловался, что в 15-м полку его подчиненных заставляли в перерывах между атаками ползать по нейтральной полосе в прямом смысле между двух огней и собирать брошенные пехотой бронешитки. В 222-м полку один командир батальона брал саперов на передовую для рытья окопов, а другой просто приказал им идти в атаку вместе со стрелковыми ротами.

По ту сторону фронта страдающие от войны и холода не меньше своего противника финны тоже получили подкрепление, о котором так долго шли пересуды в минуты затишья. После вихря железной смерти, пронесшейся над окопами Терентгиля и Кирвесмяки, в некоторых ротах 7-й пехотной дивизии оставалось всего по пятьдесят-шестьдесят человек. И эти оставшиеся представляли собой полусотню уставших, черных от недосыпа и перенапряжения солдат, которых уже нельзя было назвать боеспособным подразделением.

Пополнение прибыло в виде 21-й пехотной дивизии, той самой «фарфоровой», о которой уже давно ходили слухи среди защитников Тайпале.

21-я «фарфоровая» дивизия под командованием полковника Ниило Херсало состояла из 61-го, 62-го и 63-го полков. Правда, на Тайпале дивизия прибыла не полностью. Сама по себе дивизия была сильно усечена — ни людей, ни техники и вооружения на формирование полноценного войскового соединения у вооруженных сил Финляндии уже не было. Помимо этого, ввиду расширяющегося наступления советских войск на Выборгском направлении 62-й полк был сразу же переброшен на запад Перешейка, за исключением одного батальона, занявшего позиции в Кирвесмяки.

Когда первые роты «фарфоровых» ступили на истерзанную землю Тайпале, то и прибывшие, и с нетерпением ждущие их испытали шок, причем каждый по-своему.

Непрерывно находящиеся в боях с декабря 1939 года офицеры и рядовые с удивлением и с изрядной долей скептицизма смотрели на пополнение. Контраст был ошеломляющий. Против стоящих ветеранов Тайпале, с красными от постоянного пребывания на морозе лицами, в изодранных грязных маскировочных комбинезонах, «фарфоровые» бойцы выглядели херувимами. Прибывшие с ними офицеры были гладко выбриты и распространяли запах дорогого одеколона. У некоторых из них на выдраенных до блеска сапогах звенели шпоры. Их бойцы, в действительно белоснежных маскировочных одеяниях, молодыми наивными глазами смотрели на окружающие их места. Они тоже испытывали глубокое потрясение.

Пока они находились в тылу в Пюхьярви, где фронт напоминал о себе только отдаленными раскатами артиллерии и рассказами раненых, их представление о линии Маннергейма радикально отличалось от фактического. Им представлялись бетонные бункера, за толстыми стенами которых они будут косить вражескую пехоту, видимую только через узенькие амбразуры. Им виделись многорядные линии колючей проволоки, высокие гранитные противотанковые надолбы, обширные минные поля, через которые не сможет проскочить даже мышь. Они предвкушали поощрения за удачно проведенный отпор врага, после которого их отправят на отдых.

Действительность оказалась убийственной. Грязно-белую землю, на которой невозможно было найти ни одного ровного пятка, причудливым узором пересекали узкие траншеи, местами полностью обвалившиеся. Вокруг окопов голыми колами торчали остатки деревьев и покосившиеся столбы, на которых висели остатки проволочных заграждений. Местность перед передовой была усеяна хламом и останками тех, кто два дня назад пытался штурмом взять их позиции. Ничего похожего на современные бетонные казематы не было. Все ДОТы, там, где они являлись основой обороны опорного пункта, были в той или иной мере разрушены советской артиллерией. В качестве укрытий были только небольшие блиндажи, которые не внушали уверенности полной безопасности

всем в них находящимся: достаточно было взглянуть на глубокие ямы с торчащими веером бревнами, чтобы понять, что остается от такого укрытия при прямом попадании русского снаряда. Вот как описывал представший перед его глазами пейзаж Кирвесмяки уже упоминавшийся ранее лейтенант Симоюки:

«Опорная позиция № 4 представляла собой сеть траншей в плане напоминающей треугольник с неровными сторонами и с основанием, направленным к русским позициям. Хотя, в геометрическом смысле это неверное определение: ни одна сторона треугольника не являлась прямолинейной, но в качестве описания это наиболее точный пример. От сторон треугольника щупальцами отходили окопы, ведущие к пулеметным гнездам. По сравнению с другими опорными пунктами, этот являлся образцом комфорта, так как в “вершине” треугольника имелось укрытие для личного состава. Оно находилось на значительном расстоянии от передовой, как минимум в ста метрах, но в случае тревоги отдыхающей смене потребуется меньше времени добежать до окопов чем наступающим русским...»

Темнота мало-мальски рассеивалась, позволяя видеть все дальше и дальше. Слева, справа, спереди и сзади простиралась черная, лишенная снега и изрытая снарядами земля. Воронки наползали друг на друга, абсолютно хаотично возвышая и понижая пейзаж. Повсюду торчали остатки стволов деревьев со светящимися белой древесиной “ссадинами” в местах, где кору содрали осколки. Эти стволы — единственное что осталось от прекрасного леса, который покрывал эту землю до войны. Как будто какой то гигантский шутник ради смеха воткнул обгорелые спички в темный пирог. Поваленные стволы деревьев, сметенные сучья, корни и груды камней довершали картину разрушения... Справа начинался участок нашего батальона, Коуккуниemi. С моей позиции он виделся как открытая равнина. На стыке секторов виднелся опорный пункт, влево от которого начинался участок нашей роты, охватывающий не только четвертую позицию, но и “пятерку”... Справа от “пятерки” пейзаж был таким же беспорядочным. Где-то там находилось наше противотанковое ору-

дие, но отсюда его увидеть не получалось. На ничейной стороне оставались нетронутыми несколько кустов, показывая тем самым, что по этому участку огонь велся не так интенсивно как по нашей позиции, и особенно по сектору сразу за нашими окопами. Пейзаж дополнял небольшой танк, уничтоженный огнем наших орудий. Коля с колючей проволокой завершали убийственный вид нашего участка фронта»⁷⁰.

«Фарфоровые» прибыли как раз в тот момент, когда воевавшие на передовой ветераны физически не могли уже держаться на ногах. Поэтому в ночь на воскресенье 18 февраля почти все передовые позиции Тайпале были заняты новобранцами. Исключение составили два опорных пункта в Теренттиля, где в окопах располагались бойцы 19-го полка. Сумрак не давал молодому пополнению разглядеть выражение глаз уходящих с передовой «стариков», но отношение их и так было понятно.

Один из командиров взводов прибывшего пополнения вспоминал:

«Показав своим людям позиции, я отдал приказ: "Это наш пост, ребята, вот там противник, и вам нельзя пропустить его здесь..." Я подумал о том, что на учебе мы готовились отдавать длинные приказы, но реальность быстро научила нас быть немногословными и конкретными. Мои бойцы не задали ни одного вопроса, а просто заняли позиции. Некоторые на коленях, некоторые просто стоя у бруствера окопа, и все с абсолютно детской покорностью стали вглядываться в темноту впереди... Уходя, один из ветеранов прошептал юношам: "Готовьтесь к боевому крещению, потому что враг знает о том, что вы «зеленые» и неопытные и обязательно попытается прорваться... Так что вам лучше удерживать позиции. В противном случае нас опять вызовут и заставят контратаковать"»...⁷¹

Боевое крещение пришло на следующее утро — для многих став одновременно и первым и последним боевым опытом участия в «Зимней войне».

Удар советских войск поразил даже находящихся в неглубоком тылу старых воинов. Юнцы же из 21-й пехотной дивизии были

сметены подобно тому, как зимний ветер опрокидывает непрочно установленный фанерный щит с рекламой.

После двух дней затишья советские войска предприняли наступление по всему фронту Тайпале, не сравнимое по своей ярости и мощи со всеми предыдущими. Продлившиеся полдня артиллерийские обстрелы и авианалеты в буквальном смысле перепахали финские позиции. Только за один день боев советские наблюдатели насчитали больше тысячи своих самолетов, бомбивших позиции противника. Линии окопов превратились в полусасыпанные каналы, в которых под слоем земли шевелились умирающие солдаты. Целые блиндажи взлетали на воздух, раскидывая в радиусе десятков метров бревна, камни, трупы укрывавшихся бойцов, амуницию и боеприпасы. Финская передовая перестала существовать. Практически все пулеметные позиции, державшие под обстрелом подступы к окопам, были уничтожены. Большая часть личного состава, включая командиров опорных пунктов, была убита. Без необходимого управления каждый взвод сражался на том месте, где его застал огненный шквал. Достигшие финских траншей танки Красной армии уже не стремились бездумно продвигаться дальше. Плюясь огненными вспышками пулеметов, они словно бронированные чудовища перепахивали окопы, давя пулеметные гнезда и обрушивая стены траншей, заживо погребая под слоем земли пытающихся сопротивляться финнов. Отстреливаясь, разрозненные группы обороняющихся перебежали от одного изгиба траншеи до другого, спотыкаясь об разорванные снарядами тела. Винтовочные стволы перегревались и шипели от попавшего на них снега. Когда патроны кончались, солдаты торопливо обыскивали убитых, чтобы найти спасительные треугольные пачки, или спешно разряжали брошенные ленты разбитых пулеметов. Найдя их, они трясушимися руками сдирали упаковочную бумагу, чтобы вновь и вновь снарядить обойму и опять стрелять по врагу.

Но все это сопротивление не могло остановить красноармейцев. Советская пехота смяла остатки финских подразделений передовой линии и захватила все пять позиций в Кирвесмяки и три западные позиции в Терентгиля, продвинувшись на расстояние от

пятисот метров до километра в глубь финской территории. Лишь в Теренттиля вызванные из Пихкяхови подразделения 23-го пехотного полка еще удерживали в своих руках 4-ю и 5-ю позиции, являвшиеся препятствием для лавины рот Красной армии. Они с трудом отражали на этом участке атаки бойцов трех стрелковых полков 49-й дивизии.

Только за один этот день 18 февраля списки представленных к званию «Героя Советского Союза» пополнились новыми именами. Командир роты 212-го полка Леонид Бубер был трижды ранен, но продолжил командовать своими бойцами. Взводный противотанковой батареи Константин Кораблев со своими подчиненными палил по финнам из установленных на прямую наводку 45-мм орудий. Его примеру следовали артиллеристы Кшенский и Кулейкин, наводившие на противника стволы своих 203-мм гаубиц. Константин Кузнецов из 15-го полка вел пулеметный огонь, выдвинувшись на двести метров вперед от основных сил. Его однополчанин политрук Клим Матузов взял на себя командование взводом после того, как убили штатного командира. Его примеру последовал политрук 469-го полка Прохоров, который погиб следом за комбатом, которого он только что заменил. Их сослуживец, старший лейтенант Синютин, получил «Героя» за то, что его взвод выбил врага с позиций в Кирвесмяки. Сколько героев дрались, сражались, убивали и сами гибли, не ведомо никому.

Продвижение сил РККА еще никогда в этом районе не было столь успешным. Державшийся в течение почти полутора месяцев фронт был прорван почти по всей длине. Для финского командования оставался один только путь для предотвращения катастрофы — немедленное противодействие. На ликвидацию прорыва сразу же был брошен личный состав 21-го пехотного полка под командованием капитана Сорри. Спешно выдвигавшиеся к передовой ветераны наталкивались на бредущие им навстречу группы «фарфоровых» бойцов — смятых, подавленных, с ужасом в глазах рассказывающих о том, что русские *езде* и их не остановить.

Те, кто не дрогнул и продолжал сопротивление, были обречены либо на смерть, либо на плен. Так, например, после жаркого боя

за второй опорный пункт в Кирвесмяки от двадцати финнов осталось всего два человека из 2-го батальона 61-го полка — Юрье Вахтера и Юхо Мяенпяя. Когда они поняли, что позиция полностью окружена и основной бой сместился на север, они решили спрятаться в обломках еще дымящегося ДЗОТа, разваленного снарядом из советской противотанковой пушки. Ни автомата, ни гранат, ни даже достаточного количества патронов для своих винтовок у них не было. В наступающих сумерках у них оставалась надежда дождаться ночи и тихо перебраться к своим. На беду двух бойцов, прямо в их сторону по окопу спокойно шел красноармеец, абсолютно уверенный, что ни одного вражеского солдата в радиусе полукилометра не осталось. Вахтера выстрелил, но попал красноармейцу в плечо. Оба финна подползли к раненому противнику. Решив, что врага надо уничтожить без лишнего шума, один из них достал «пуукко» — острый нож, с которым не расставался ни один финский солдат. Беспомощный красноармеец с ужасом увидел занесенное над ним блестящее лезвие и стал плакать. Четко различимое в полумраке лицо молодого противника, прощающегося с жизнью и не стесняющегося слез, остановило руку уже решившегося на убийство финна. Напарник Вахтера перевязал раненого и приказал ему молчать, для чего применил понятный всем людям жест — палец к губам. Минут через пятнадцать они услышали голоса — недалеко от них шла небольшая группа советских солдат. Услышав родную речь, раненый красноармеец внезапно стал звать на помощь. Оказавшись в безвыходном положении, оба финна решили сдать на милость победителя. Они встали в полный рост, так, чтобы их увидели уже кинувшиеся на голос зовущего русские бойцы. Выходя навстречу дюжине направленных на них стволов, Юрье Вахтера мрачно ухмыльнулся и сказал своему собрату по несчастью: *«Видишь, доброе дело никогда не вознаграждается»*⁷².

Напор воодушевленных успехом батальонов Красной армии не ослабевал в течение всего дня и ночи. Казалось, что еще немного и финская оборона рухнет вообще. Красноармейцы давили практически на все опорные пункты противника. Отступая в районе Кирвесмяки, финны организовали оборону прямо в лесу, укрыва-

ясь в каждой воронке, за каждой кочкой, каждым деревом. Перебегая от одной линии обороны к другой, они пытались организовать контратаки, но все попытки выбить из покинутых ими окопов бойцов 101-го стрелкового полка 4-й дивизии были обречены на провал. Заняв вражеские опорные пункты, наученные горьким опытом предыдущих атак солдаты тут же проводили все необходимые мероприятия для последующей обороны. Вокруг занятых траншей тут же устанавливались заграждения из колючей проволоки, разматываемой с принесенных с собой бухт. В брустверах выкапывались пулеметные позиции, смотрящие в противоположную от первоначальных сторону. На передовых подступах устанавливались мины, подносились боеприпасы, словом, делалось все, чтобы опять не потерять захваченный участок фронта.

Стутившиеся ночные сумерки не остановили сражения. Долина Тайпале озарялась вспышками яростного огня с обеих сторон. В Теренттиля подразделения РККА пытались сломить сопротивление батальона из полка Лаурила, атакуя одновременно со стороны «леса Пярсинена» и оврага Мустаоя. Потеряв только за первую атаку около трехсот человек, красноармейцы сразу же начали вторую. Основным направлением наступления 212-го, 222-го и 15-го стрелковых полков оставалась высота «Груша» — небольшой, некогда покрытый лесом холм к востоку от болота Теренттилянуо. 222-й полк продвигался между дорогой и болотом, пытаясь обойти высоту с запада и отрезать пути отхода противника на север. Два батальона 212-го полка штурмовали высоту с юго-запада. Подразделения же 15-го стрелкового полка РККА атаковали финнов с востока, пытаясь овладеть восточным скатом холма.

Помимо боев в Теренттиля и Кирвесмяки, как и в декабре, группы советских солдат пытались обойти финскую линию по льду озера Суванто. Для этой задачи были привлечены абсолютно свежие, еще «не нюхавшие пороха» полки недавно прибывшей на фронт 62-й дивизии.

Дорогу им расчищали разведчики. Бойцы 175-го отдельного разведывательного батальона в ночь на 14 февраля проползли по льду почти до самого мыса Патониemi, проделали проходы в ко-

лючей проволоке и в лоб атаковали противника. Разведчики своими телами, словно приманкой, выявили огневые точки финнов и, озаряемые осветительными ракетами, попадали на лед, повисли на колючке, но так и не достигли поднимающегося перед ними берега. Когда из района ДОТа озеро осветил яркий луч прожектора, иного выхода, кроме отступления, не было. Остались на льду сто человек из батальона, остались командир одного из взводов разведчиков лейтенант Турцевич и командир роты старший лейтенант Телешев, оба посмертно получившие звания «Героев Советского Союза» за эту последнюю в их жизни ночь. И усилия их, увы, оказались напрасными.

Несмотря на выявленные разведвыходом огневые точки врага, результат атаки подразделений 62-й дивизии оказался таким же, как и в декабре. Уже через несколько часов боя в районе Патониemi и Волоссула, печально известных по декабрьским атакам РККА, лед озера опять покрылся убитыми и ранеными солдатами. За одну утреннюю атаку на открытом льду озера 123-й стрелковый полк потерял около пятисот бойцов. В своих сводках финны сообщали об уничтоженных двух тысячах, но, скорее всего, эта цифра преувеличена.

Прошел день, ночь, еще день, но затишье не наступало. Казалось, все слилось в едином смерче из атакующих волн советской пехоты, огненного шквала артиллерии, лязга гусениц, криков умирающих и свиста пуль.

Никогда еще потери финнов не были столь велики всего за один день боев. 1-й батальон 61-го полка, занимавший позиции в Кирвесмяки, потерял только убитыми от двухсот шестидесяти до трехсот человек. 1-й батальон 63-го полка потерял убитыми, ранеными и пропавшими без вести около полутора сотен человек. Уже в этот же день все произошедшее на финской стороне 18 февраля стали называть «*Черным днем Тайпале*». Из-за потери оборонительных позиций, из-за бесплодности попыток отбить их обратно и из-за чудовищного (по финским меркам) количества жертв.

Ни действия финской артиллерии, ни отчаянные попытки пехотных частей 7-й дивизии уже не могли восстановить положе-

ние. «Черный день Тайпале» положил начало следующему периоду сражения, получившему у финнов название «второй адской недели».

Потеряв свои опорные позиции в Кирвесмяки и отступив на вторую линию обороны, финны с облегчением обнаружили, что здесь обстановка более или менее стабилизировалась. Передовые части 150-й стрелковой дивизии, вклинившиеся в оборону противника, напоролись на заградительный огонь его батарей и не пошли дальше, так как для закрепления на достигнутых рубежах требовалось время — ни свежих сил, ни достаточного количества боеприпасов у атакующих не было. Кроме этого, на смену отступающим подразделениям «фарфоровых» в срочном порядке были брошены батальоны из 21-го пехотного полка, воюющего на линии Маннергейма с начала войны. Предчувствие близкой катастрофы было столь велико, что командир дивизии Вихма уже всерьез начал задумываться об организации своих собственных заградительных отрядов, с пулеметами, направленными в спину гарнизонов опорных позиций.

Но этого не потребовалось. Темп советского наступления стал снижаться. Во-первых, несмотря на благоприятное начало прорыва, сопротивление противника с каждым часом возрастало. Во-вторых, на замедление продвижения советских батальонов повлиял и тот факт, что своя бомбардировочная авиация не отследила изменения в расположении частей и нанесла удар по территории, на которой уже были роты 469-го и 674-го стрелковых полков с батареями 328-го артполка. Дело в том, что советские летчики, совершающие боевые вылеты изо дня в день в течение двух месяцев, привыкли к четко видимому с воздуха противотанковому рву, который и являлся границей между двумя армиями. Теперь же, когда линия фронта сместилась к северу, воюющие на земле части РККА в горячке боя не успели обозначить свои передовые позиции.

А в Теренттиля, на направлении главного удара, для финнов ситуация оставалась все еще висящей на волоске. В отличие от западного фланга укрепрайона обороняющиеся не могли эффективно приме-

нить артиллерию — слишком перемешаны были части. Вероятность того, что драгоценные запасы расходуемых с большой экономией снарядов упадут на головы своих же солдат, была очень велика.

Преимущество положения почувствовал и Грендаль, получивший ежечасно доклады о ходе боевых действий. За спинами красноармейцев наконец-то осталось проклятое, обильно политое кровью поле, отделявшее их от противника и не дававшее им приблизиться к окопам врага. Теперь, когда передовые батальоны прочно удерживали бывшие финские позиции у старого песчаного карьера, им надо было прорваться вдоль главной дороги к Виллакала, где на широком, не ограниченном озерами пространстве финны не в состоянии будут их удержать. «Ворота Тайпале», как их называли сами обороняющиеся, были открыты.

Сначала сто, затем полторы сотни самолетов разбомбили остатки леса, в который вцепились финские солдаты. Опять земля сотрясалась от взрывов, которые сметали и расплавляли успевший упасть за последние сутки снег. Воздух был просто начинен клубами дыма и распыленным грунтом. Снесенные до корня деревья горели — советские бомбардировщики обильно сбрасывали фосфорные зажигательные бомбы. Упорного противника пытались в прямом смысле выжечь. А противник огрызался с огнем зенитных пулеметов и орудий батареи «Ярисевя», способными стрелять по воздушным целям. Но это только выдавало расположение финских позиций и навлекало новые и новые удары.

Журнал боевых действий финских батальонов отражал всю неразбериху, воцарившуюся на этом участке линии Маннергейма. Обстановка так быстро менялась, что записи за ней не поспевали. Части 7-й пехотной дивизии на промежутке между Теренттиля и Вирстакиви были уже так перемешаны, что командование не могло уследить за их расположением. Связь, как всегда в таких случаях, была оборвана с первыми же упавшими снарядами. Лишенные средств коммуникации, финские командиры оттесненных со своих позиций рот и взводов не могли оценить общую оперативную обстановку, и каждый действовал, руководствуясь только личным взглядом на сложившуюся ситуацию.

В четыре часа дня 18 февраля от командира финской 21-й дивизии командующему войсками на Тайпале пришел рапорт: *«Мои люди больше не способны удержаться. Личный состав рассеян. Восемь офицеров убиты. Русские прорвали передовую оборону»*⁷³.

Под угрозой оказалась тыловая позиция финнов, которую удерживал резервный батальон майора фон Шрове. Все финские резервы, включая писарей, поваров и штабистов, были брошены на противодействие продвигающимся советским войскам.

Самым распространенным видом боя стал бой встречный. Навстречу наступающим в северном направлении ротам 222-го, 15-го и 212-го полков 49-й дивизии почти бегом выдвигались роты финнов, выдернутые по тревоге из ближайших тыловых блиндажей. Как только первые солдаты встречали и распознавали своего противника, мгновенно вспыхивал бой. Это были атаки и контратаки, осуществлявшиеся противоборствующими сторонами одновременно.

На самом восточном фланге фронта на Тайпале батальон 15-го стрелкового полка за два утренних часа пробился к 5-й позиции неприятеля в Теренттиля и, заняв финские окопы, вступил в беспощадный рукопашный и гранатный бой. Последующие четыре часа противники лоб в лоб, штык против штыка, нож на нож и граната на гранату выбивали друг друга из черной и замысловатой сети траншей, пока финны не отступили за бугор высоты «Груша», оставив красноармейцам весь ее юго-западный склон. Уже в наступившей темноте подтянувшиеся финские «ветераны Тайпале» из 23-го пехотного полка, точно так же, как и их за несколько часов до этого, гранатами выбили противника с позиции. Под массивным и некоторым образом неожиданным напором занимавшие окопы 2-я и 3-я роты 15-го полка поддались панике и откатились на позиции соседних частей столь быстро, что, когда командир батальона Федоров и помощник адъютанта Лефтонов решили выяснить, где же находятся их роты, только что оборудованный батальонный командный пункт был уже захвачен финнами. На следующий день ничего не подозревавшие командиры

отправились пешком на новую, якобы занятую своими подчиненными позицию. Больше их никто и никогда не видел.

На второй день штурма позиций противника роты 15-го полка были вынуждены опять отойти назад, к южным скатам высоты «Груша». Как описывался бой в ежедневных отчетах, *«в течение дня 19.02.1940 15 СП сдерживал натиск противника на своем левом фланге но под сильным артиллерийским и минометным огнем отошел с остатками 1/15 СП и 7 и 8 стрелковыми ротами и занял траншею на южной опушке леса сев. Сикиниemi. Было предположение, что часть личного состава 1/15 СП и 7 и 8 стрелковых рот под командованием командира 1 батальона остались на высоте “Груша” в окружении противника. 3/15 СП, развивая успех 1/15 СП, достиг южной опушки леса сев. Сикиниemi где был остановлен сильным пулеметным и артиллерийско-минометным огнем, так как дальнейшее продвижение было невозможно. 2/15 СП сдерживал противника на правом фланге. 1/15 СП понес большие потери и практически не существовал, имея в строю 18 человек, 3-й батальон имел 60 человек. К концу дня 19.02.1940 был ранен командир полка майор Меркулов. Через некоторое время на НП прибыл капитан Якутович Вячеслав Петрович и принял командование полком от майора Меркулова»⁷⁴.*

Несмотря на такие неудачи, за два дня боев советским войскам удалось расширить прорыв, захватив все стратегические пункты в Теренттиля.

У Мустаоя противник был окончательно выдавлен за болото. В центре, на главном направлении удара, вдоль ведущей на север дороги, финны были отброшены как минимум метров на пятьсот. Правда, на правом фланге финны все еще удерживали свои 6-ю и 7-ю позиции, но повлиять на прорыв они оттуда никак не могли — ударить во фланг наступающим частям Красной армии им мешало то же самое поле, которое их и прикрывало.

В штабах обеих армий все взгляды были прикованы к крохотному пятачку суши, окаймленному рекой Тайпалеен-йоки. Первые успехи попеременно вгрызающихся в финскую оборону стрелковых полков 49-й и 150-й дивизий мало-помалу стали вырисовы-

ваться на карте в виде выступа, ограниченного с востока болотом Теренттилянсуо, а с запада — полем, простреливаемым с финских 6-й и 7-й опорных позиций.

Драматические события на востоке и на западе Карельского перешейка вызвали серьезные изменения в руководстве финских вооруженных сил. Командующий армией «Перешеек» генерал Остерманн подал рапорт об отставке. Полтора месяца командования действующей армией, напряжение последних дней, неутешительные сводки о резервах, известие о прорыве русских у Суммы и потере стратегических опорных пунктов на Тайпале вызвали окончательное разочарование в нем Маннергейма. Желание расстаться с главнокомандующим было обоюдным — после неудачной декабрьской попытки контратаки силами II армейского корпуса в центральной части Перешейка между маршалом и генералом все чаще возникали трения. Отнюдь не блестящее общее психологическое состояние командующего фронтовыми соединениями добило последнее известие: во время одного из авианалетов была серьезно ранена его жена.

Его официальный рапорт, в котором причиной отставки значилось пошатнувшееся здоровье, был подписан Маннергеймом 19 февраля 1940 года. Его место занял Хейнрикс — командующий III армейским корпусом, тем самым, подразделения которого уже третий месяц находились в неглубоких окопах Теренттиля и Кирвесмяки. В свою очередь, ответственность за финские войска от Тайпале до Вуоксы теперь легла на генерал-майора Пааво Талвела, недавнего победителя советских дивизий в Толваярви.

В тот же роковой день 19 февраля, когда Маннергейм предпринимал действия по реорганизации высшего руководства войсками, из его штаба в Миккели командиру 7-й пехотной дивизии Вихма была отправлена телеграмма: *«Я восхищаюсь мужеством, жертвенностью и выносливостью, с которыми 7-я дивизия и все подразделения на Тайпале отразили атаку противника. Я надеюсь, что дивизия героически удержит позиции и отбросит противника в тех местах, где он смог прорваться»*⁷⁵.

И Вихма, и начальник штаба Эрнроот в полной мере понимали, что, несмотря на ободряющие слова послания старого маршала, общий смысл его мыслей один — «стоять до конца, и помощи не ожидать». Неопределенность ситуации, когда все силы были брошены на попытку ликвидации прорыва в Теренттиля, усугубилась появившимся вакуумом в высшем руководстве. При наилучшем стечении обстоятельств новый командующий III корпусом мог действительно оценить ситуацию только дня через три. Вся ответственность за обстановку в эти тяжелые дни ложилась непосредственно на них.

Памятуя о тактике, которой постоянно придерживались все командиры линии Маннергейма, в измотанные батальоны вновь и вновь стали поступать приказы о возвращении потерянных позиций. Ротация подразделений ускорялась. Как уже говорилось, весьма кратковременный отдых в блиндажах прифронтовой полосы не был более безопасным, чем ночевка на передовой. В перерывах между атаками самолеты со звездами на крыльях осуществляли многочасовые бомбардировки остатков леса за Тайпалеенйоки, а советская артиллерия довершала общую картину хаоса и разрушений.

И точность ударов артиллерии РККА росла с пугающей финнов скоростью. После усиленной разведки, производимой в течение целого месяца, многие из огневых точек противника были обнаружены. Кроме того, день изо дня повторяющиеся артиллерийские и бомбовые удары уничтожили лес и земляные насыпи, скрывавшие финские позиции в начале войны. Со стороны советских наблюдательных пунктов большая часть передовой неприятеля теперь просматривалась до самых тылов. Изменение ландшафта отразилось и в разведсводках 13-й армии: ориентир севернее финских 4-й и 5-й позиций в Теренттиля к концу января — началу февраля стал именоваться «рубленным лесом».

Спустя трое суток после «Черного дня Тайпале» артиллерийский бункер в Патониemi — защита всего западного фланга финнов, получил сразу два прямых попадания. Восьмидюймовые бетонобойные снаряды пробили его фронтальную стену и взор-

вались внутри, вызвав пожар масляных емкостей. К радости советских артиллеристов, черный дым пожара был хорошо виден с противоположного берега. Большая часть боеприпасов была уничтожена, два орудия были повреждены, но одно из них финны довольно быстро смогли привести в порядок. Почувствовав в начале обстрела, что огонь ведется именно по их укрытию, гарнизон ДОТа успел выскочить на открытый воздух, что спасло жизнь большинству людей из орудийных расчетов.

В конце февраля в Кирвесмяки одно из укрытий для личного состава получило сразу три прямых попадания, в результате которых погибло четырнадцать человек. Всего через день после этого похожая история случилась в Сеурахуоне — командном пункте, построенном еще в начале войны недалеко от 4-й позиции в Теренттиля. Первый снаряд угодил в заднюю часть блиндажа. По приказу офицера находившиеся в нем солдаты кинулись к выходу, но в этот момент еще один снаряд попал в ведущую к блиндажу траншею, в которой были складированы «касапанос». Несколько килограммов тола мгновенно сдетонировали, засыпав пытавшихся спастись финнов твердыми, как камень, осколками мерзлой земли и обломками окопной опалубки. Через несколько минут третий снаряд в щепки разнес остатки глубокого укрытия, прекратив доносившиеся из руин стоны.

Эти трагические случаи каждый в отдельности могли бы вызывать шок, если бы все эти события не происходили на фоне кровопролитного сражения на всем плацдарме. После каждой контратаки командиры финских рот вновь и вновь пересматривали списки личного состава, вычеркивая людей, пополнивших госпитали или отправленных в тыл на захоронение. Чем интенсивнее шли бои, тем чаще в списках стала попадаться отметка «пропал без вести». В мясорубке боя от многих солдат не оставалось практически *ничего*.

Безусловным являлся и тот факт, что по сравнению с потерями советской стороны у финнов их было значительно меньше. Но людские резервы не могли даже сравниться, и сражающиеся полки 49-й и 150-й дивизии постоянно пополнялись личным со-

ставом, который опять пополнял списки убитых и раненых. Только один 222-й полк за семь дней боев с 8 по 15 февраля потерял сто шестьдесят солдат убитыми и более полутысячи ранеными, 756-й полк — тридцать пять командиров и более шестисот рядовых убитыми и ранеными.

Время от времени опорные позиции, за которые шел бой, оставались абсолютно пустыми, и когда это обнаруживалось, первые, кто их достиг, и становились хозяевами положения. Так, в один из февральских дней переходящая из рук в руки «четверка» полдня была «ничьей». Необстрелянное пополнение из 21-й дивизии очередной раз покинуло ее, не выдержав напряженного сидения в окопах под огнем советской артиллерии. Начавшие атаку красноармейские роты также не могли подступиться к ней из-за сильного артиллерийского огня, но уже с финской стороны. В конце концов финны оказались проворнее, и посланная на позицию ударная группа с радостью обнаружила, что сражаться не с кем. Впрочем, через некоторое время атака красноармейцев повторилась, и опять смерть собирала свою обильную жатву. Из-за больших потерь, вызвавших дефицит воюющих ресурсов, занимаемые подразделениями 15-го стрелкового полка с декабря месяца «лес Пярсинена» и «роща Народной школы» (в советских документах ставшие именоваться как «роща «Сапог» и «Березовая») также в какой-то момент оказались абсолютно пустыми. Спихватившись, что финны скоро могут их занять и тем самым зайти в тыл наступающим войскам, комиссар полка Егоров сумел набрать группу всего из сорока человек из комендантского, химического и дегазационного взводов, которая стала вести боевое охранение восточного фланга 49-й дивизии.

Несмотря на то что направление удара 15-го полка сместилось с восточного на северное, Ставка 13-й армии РККА по-прежнему уделяла значительное внимание мифической «крепости Тайпале». Едва наладилась летная погода, как бомбардировщики 41-й авиаэскадрилии начали методично обрабатывать район «Улицкого шанца». 18 февраля они сбросили 216 бомб и на следующий день еще 148 штук. Результаты бомбардировок летчики определить не

смогли — вся область бомбардировок с воздуха выглядела черной, так как вместе с авиацией по «крепости Тайпале» усиленно работала артиллерия 3-го армейского корпуса.

Все эти усилия советских войск не могли не нанести противнику как физический, так и моральный ущерб. Сухой язык ежедневных записей дневника боевых действий финского 1-го батальона 19-го пехотного полка, которым командовал майор Лиеска, в эти дни так описывал эти события:

«22 февраля.

14.00 Русские давят на всех направлениях, но брошенная на латание прорыва 1-я рота (Килпелайнен) держится.

16.00 Батальон переброшен в Пихкяхови.

18.00 Затишье. С трудом верится, что 6-я и 7-я позиции в наших руках.

23.00 2-й батальон 63-го полка расформирован, часть людей переведена в наш полк.

23 февраля.

В 6.00 уставший батальон оставил передовую. Когда русские начали наступление на 4-ю и 5-ю позиции, наши солдаты отказались оставаться в окопах (новобранцы).

10.00 Тревога. 3-я рота отправлена в Вирстакиви, но вернулась. Тревога оказалась ложной.

11.30 Наши пулеметчики блокируют 4-ю и 5-ю позиции.

18.00 Бойцы 3-й роты заняли “четверку” и “пятерку” и находились на них весь день.

24 февраля.

Батальон “фарфоровых” снова дрогнул, и вечером часть из 19-го полка опять брошена на помощь. Пятая опорная позиция отбита...»⁷⁶

За каждую воронку, кочку, пень шли ожесточенные схватки. Именно в это время успевший стать довольно известным еще в середине тридцатых годов финский поэт Юрья Юлхя, который командовал одной из рот 21-го полка, набросал первые строки стихов, опубликованные после войны под общим названием «Чистилище». Смерть как обыденность, ненависть, боль, предательство,

мужество и трусость — все это проносилось перед глазами Юлхя здесь, на клочке земли между дорогой в Теренттиля и болотом Сурмансуо:

*Не знаешь ты, кто он, с каких краев
Не ведаешь, чей сын, каких богов,
В него направлен пистолета ствол твой
Хоть он один из человечества сынов.
Востока с западом пересеклась здесь нить,
Судьбу меняют люди здесь за раз
И одному дает здесь случай жить,
Другого превращая в пыль и грязь...⁷⁷*

Люди в финских батальонах, участвовавшие в непрекращающихся атаках и контратаках, чувствовали безумную усталость. Несмотря на мороз, бойцы засыпали прямо в окопах. Из взводов воюющих подразделений приходили тревожные известия. Командир 5-й роты Виртанен с 5-й опорной позиции сообщил, что «*один боец заснул и замерз. Обещанная смена не подошла. Заставлять людей бодрствовать выше человеческих сил. Моральный дух крайне низок*»⁷⁸.

Бесплодность попыток восстановить первоначальную линию фронта стала очевидной. Один из первых приказов вошедшего в курс дел Талвела был с облегчением встречен в измотанных войсках. Он приказал прекратить кровопролитные попытки выбить противника с потерянных опорных пунктов и приложить усилия к локализации прорыва.

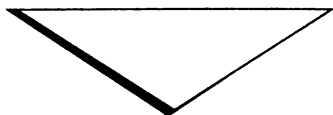
Иного решения и не могло быть. Начавшееся активное продвижение советских войск к Выборгу повлекло перераспределение финских войск не только на Карельском перешейке, но и на других фронтах, вплоть до приполярной Лапландии. Отовсюду, где это было возможно, на юг от Выборга стягивались резервы. Правда, резервами в полном смысле этого слова они не были. Это были воюющие части, которые просто перебрасывали для усиления сопротивления вошедшим во вкус победы частям 7-й армии,

ослабляя свою оборону там, где это, по мнению финского командования, можно было позволить. Чуть позже отзыв боеспособных подразделений был произведен из тех мест, где раньше об этом не могло быть и речи. В частности, с района Тайпале.

К концу февраля 1940 года с восточного фланга финского фронта был отозван батальон «фарфоровых» бойцов и весь 23-й пехотный полк. Их отправили на запад, откуда в редкие минуты затишья все яснее доносились раскаты орудий, в Вуосалми — такую же неизвестную деревеньку, как и Теренттиля, ставшую знаменитой только после того, как окружающее ее поля были обильно политы кровью.

Финская линия обороны расплзлась по швам. Для того чтобы представлять, что происходило на фронте с левого и правого фланга от плацдарма, окаймленного рекой Тайпалеен-йоки, стоит уделить внимание сражению у деревни Вуосалми, что находилась к северу от приходского центра Эйряпя, и тому, что происходило на льду Ладожского озера к востоку от деревни Тайпале.

Слева и справа от Тайпале: обходные маневры разных масштабов

К двадцатым числам февраля огненный шквал советских войск окончательно пробил бреши в державшейся почти два месяца линии Маннергейма на Выборгском направлении, и отступающие части II корпуса армии «Перешеек» вооруженных сил Финляндии стали поспешно занимать промежуточные оборонительные позиции. Учитывая, что на востоке Карельского перешейка финны так и не были сломлены, Тимошенко задумал осуществить маневр, повторяющий печально известную декабрьскую попытку обхода 4-й стрелковой дивизией позиций на Тайпале. Правда, на этот раз операция должна была предприниматься гораздо большими силами и носила скорее стратегический характер, чем тактический. По оценкам советского командования, при удачном выполнении задуманного вся восточная часть линии Маннергейма, начинающаяся от Эйрпя и кончающаяся все тем же непробиваемым сектором Тайпале, оказалась бы зажатой с севера и юга, а прорвавшиеся соединения получили бы выход на оперативный простор и практически без сопротивления смогли бы за пару-тройку дней дойти до Какисалми. Благо, опыта теперь было предостаточно.

Для Грендаля это был шанс. В течение двух месяцев подчиненные ему войска всего на полкилометра продвинулись в глубь финской территории. Успехи в районе Тайпале по сравнению с общим ходом военных действий на Перешейке были мизерными. Недовольный общим темпом продвижения своих частей, он сместил с должности командира 150-й стрелковой дивизии полковника Князькова, заменив его комбригом Пастревичем.

Командарму добавили еще дивизий, в частности 17-ю мотострелковую, 8-ю и 136-ю, и в составе 15-го стрелкового корпуса

он двинул свои войска вокруг Вуоксы — на Эйряпя. Этот шанс он должен был использовать любой ценой, чтобы реабилитироваться за бездарно потраченные средства и людские резервы. В бой должны были идти все. Несоответствие сил и поставленных задач было гигантским, а времени для ожидания эшелонов со свежим «пушечным мясом» уже не оставалось. Надо было спешить, чтобы успеть за своим соседом слева, рвущимся к Выборгу. Приказ Грендаля от 24 февраля был жесток и бескомпромиссен:

«1. Произвести из частей и учреждений войсковых и армейских тылов выделение части личного состава, в первую очередь молодых возрастов, для укомплектования стрелковых частей.

2. Разрешить временно содержать тыловые части и учреждения в 20-процентном некомплекте.

3. Для организации указанного выделения назначить комиссию в составе: председатель — начальник 6-го отдела Штарма-13 полковник Самсонов и членов — военком 5-го отдела Штарма-13 политрук Железняков и начальник отделения 2-го отдела Штарма-13 старший лейтенант Колесников. В стрелковых корпусах организовать комиссии распоряжением командования корпусов.

4. Всех выделенных красноармейцев направить в 616-й запасный полк, где, проверив их боевую подготовку, сформировать из них маршевые роты»⁷⁹.

Словом, «всех в строй»...

К 28 февраля передовые части 15-го стрелкового корпуса РККА взломали оборонительные сооружения противника на реке Салменкайта и устремились на северо-запад от прорыва, к расположившейся на прибрежном холме церкви Эйряпя. Там река Вуокса делает поворот на восток и создает узкую протоку шириной не более трехсот метров. До войны в километре от церкви через реку ходил паром, соединявший поселок с расположенной на левом берегу деревней Вуосалми. Глядя на карту, не нужно было обладать большим стратегическим талантом, чтобы понять что свежие, не измотанные в боях красноармейские части попытаются прорваться на северо-восток, минуя оборонительную линию финнов на Тайпале и Кивиниеми.

Если в большинстве своем весь ландшафт местности, по которой пролегла линия Маннергейма, благоприятствовал обороне, в районе здания церкви прихода Эйряпя ситуация была диаметрально противоположной. На юго-западном берегу, как уже говорилось, располагалась кирха. Далее от здания церкви, на северо-запад, вдоль берега Вуоксы, постепенно повышаясь, тянется довольно высокая поросшая лесом гряда, очень выгодная в оборонительном смысле. Проблема была в том, что и высота рядом с кирхой, и гряда находились на берегу, который по всем законам тактики следовало бы оставить противнику, уйдя за естественный оборонительный рубеж реки. А река в этом месте, в отличие от той же Тайпалеен-йоки, протекает меж пологих берегов. Стоило лишь внушительным ударом отбросить противника и на его плечах переправиться через Вуоксу и занять плацдарм на ее противоположном берегу, то выбить наступавших уже абсолютно не представлялось бы возможным. Учитывая важность западного плацдарма и высоты Эйряпя, военнослужащим армии Финляндии была поставлена задача удержать горку любой ценой.

Отошедшие сюда с основной оборонительной линии у Пеллякала части 2-й пехотной дивизии физически не могли удержать растянувшийся на несколько десятков километров фронт. Как и большинство финских соединений, 2-я дивизия уже была измочалена предыдущими боями, и увеличение зоны ее ответственности просто привело бы к ее полному уничтожению. Соседняя к востоку от нее 8-я дивизия также не могла занять позиции в районе деревни Вуосалми, так как тем самым она серьезно ослабила бы оборонительный рубеж по озерам Суванто и Вуокса. Доклад штаба 8-й пехотной дивизии о степени ее боеготовности завершался фразой: *«Сегодня мы еще в порядке, завтра будем отбиваться, а послезавтра перестанем существовать, если не получим полного содействия от III армейского корпуса»*⁸⁰. Не имея выбора, командующий III корпусом генерал-майор Талвела решил закрыть образовавшуюся брешь подразделением, получившим боевой опыт и проявившим мужество в боях на Тайпале: 23-м пехотным полком полковника Лаурила. Прошедших двухмесячное испытание

огнем солдат спешно посадили в грузовики и автобусы и за день перебросили сюда, коротко поставив задачу подготовить оборону и задержать противника любой ценой. Таким образом, фронт у Эйрпя все равно остался в сфере ответственности 8-й дивизии. Господствующая в воздухе советская авиация не смогла воспрепятствовать этой передислокации из-за отсутствия четких данных и ненастной погоды.

Ни о каком строительстве долговременных оборонительных укреплений или серьезных укрытий для личного состава уже не могло быть и речи. Из-за наступавших на пятки отходящим финнам частей Красной армии оставшегося времени едва хватило на вырытые наспех неглубокие траншеи и индивидуальные стрелковые ячейки, которые каждый оборудовал как мог. Лучшим укреплением, естественно, была сама церковь, но из-за ее главенствующего местоположения было нетрудно догадаться, что именно на нее обрушится главный удар подтягивающейся советской артиллерии. Передышки у отступающих не вышло: уже 29 февраля 1940 года первые советские подразделения предприняли попытку овладеть высотой и оттеснить противника за реку.

Волею советского командования на этот участок фронта была переброшена 4-я стрелковая дивизия, та самая, что из-за бездарного руководства понесла большие потери при попытке прорыва линии Маннергейма у Келья в рождественскую ночь 1939 года. Теперь ей предстояло предпринять попытку такого же маневра, но в других, гораздо более выгодных условиях. Правда, дивизия прибыла на этот участок фронта без одного своего подразделения. Ее 101-й стрелковый полк продолжал участвовать в боях на фронте у Тайпале.

Три месяца жестоких боев и потерь не прошли для командования РККА даром. В течение первых трех дней марта советские части перегруппировывались и производили разведку, чтобы уже 4-го числа, после утреннего массированного четырехчасового артиллерийского обстрела, начать наступление на холм.

В течение дня высота переходила из рук в руки, пока командование финских войск не поняло, что дальнейшие попытки

удержать ее в своих руках приведут к полной ликвидации всего имеющегося в наличии личного состава. Заняв холм, батальоны 8-й стрелковой дивизии и переброшенные сюда с Тайпале два полка 4-й стрелковой дивизии Красной армии моментально установили здесь свою артиллерию, оборудовали пулеметные гнезда и подтянули подкрепление. С высоты Эйряпя финские позиции на левом берегу Вуоксы стали видны как на ладони.

Ключом всей обороны у Вуосалми стал остров Васиккасаари, с захватом которого наступающие части могли выйти на оперативный простор, обойдя широкие простреливаемые пространства у самой реки в районе парома через Вуоксу.

Однако, будучи упрямыми до мозга костей, на второй день активных боевых действий на этом участке, 5 марта, финны попытались вновь овладеть высотой на левом берегу реки. Для выполнения этой задачи они бросили на превосходящих их по численности в несколько раз и уже успевших укрепиться солдат Красной армии 8-й легкой отряд или, как его еще называли, кавалерийский батальон. Понятно, что «кавалерийским» он назывался только номинально, и воевать наездники должны были на своих собственных ногах. Наблюдая за характером атаки, финские офицеры стали хвататься за голову, но было уже поздно. Карабкающихся вверх спешившихся кавалеристов косила советская пехота 39-го полка 4-й стрелковой дивизии. Через полчаса весь северо-восточный склон холма покрылся десятками убитых и раненых финских солдат. Контратаки не вышло. Осознав всю тщетность попыток штурма, остаткам батальона была дана команда на отход. Всем без исключения стало ясно, что высоту уже не вернуть никогда. За отражение атаки неприятеля сразу два человека из этого полка были награждены «Золотой» Звездой Героя: стрелок Иосиф Максименя и помощник командира пулеметного взвода Исак Манасян. Последний, как водится, принял на себя командование взвода пулеметчиков после того, как их командир был убит.

Еще не успевшим оправиться от поражения финнам советские войска тут же нанесли ответный удар, нацеленный на остров. Обороняющий северную часть острова редущий 23-й полк отразил

все атаки красноармейцев. В финском штабе это известие уже расценивали как чудо. Надо было что-то срочно предпринимать, изыскивать резервы для пополнения, так как силы обороняющихся были на таком пределе, что еще один день активных боев мог полностью ликвидировать всю финскую оборону в этом районе.

6 марта фронт у Вуосалми занял наспех переброшенный сюда 61-й полк 21-й дивизии, той самой, «фарфоровой». Выслав сюда подкрепление, Талвела вновь поднял вопрос о возвращении холма Эйряпя. Получив недвусмысленный приказ, командиры подразделений сумели уговорить его по крайней мере ненадолго отложить эту операцию ввиду крайней усталости войск. Но отдохнуть финнам все равно не удалось. Через день после прибытия свежего подкрепления на финнов вновь обрушился очередной мощный удар, по которому стало ясно, что две их дивизии, 8-я и 21-я, имеют здесь дело как минимум с шестью дивизиями противника. Учитывая большой характер потерь, с советской стороны к району Эйряпя также подтягивались подкрепления. В частности, с района Тайпале был переброшен 101-й полк, последний полк 4-й стрелковой дивизии, еще не принимавший участие в форсировании Вуоксы.

Результат ввода в бой новых подразделений не заставил себя ждать. Отбросив передовое финское охранение, красноармейцы сумели форсировать Вуоксу и занять плацдарм на ее северном берегу. Одновременно с этим, они три раза подряд пытались окончательно очистить Васиккасаари от неприятеля, но наткнулись на упорное и вполне героическое сопротивление. Необстрелянные и необученные «фарфоровые мальчишки» своими телами остановили наступление 13-й армии. О характере финских потерь говорит тот факт, что всего за один день боев второй батальон 61-го пехотного полка потерял почти половину своих солдат. По мере увеличения потерь в бой ввели подразделения 62-го и 63-го полков, которые попытались обезопасить восточный фланг обороны. Несмотря на эти мероприятия, задержать продвижение Красной армии не удавалось.

Предпринятые на речном острове контратаки все до единой отражались частями Красной армии. Политрук 4-й стрелковой дивизи-

зи Василий Бойко получил звание Героя Советского Союза за то, что он лично поднимал своих подчиненных в атаку на острове Васиккасаари. 5 марта бушующий огненный смерч, перемалывающий сотни людей с обеих сторон, переместился на северо-восток острова. Не выдерживая напора советских войск, финны метр за метром стали оставлять свои позиции, то и дело пытаясь организовать противодействие разрозненными силами. К 11 марта красноармейские подразделения уже занимали около полукилометра северного берега реки, полностью очистив остров от противника и наконец осуществив форсирование Вуоксы.

«То по льдинам, то по пояс в ледяной воде двигался командир роты, увлекая за собой красноармейцев... Одежда людей обледенела, коченели от холода ноги»⁸¹, — описывал бой за плацдарм на северном берегу капитан Покровский.

В это время, уже зная о проходящих в Москве мирных переговорах, Талвела искренне считал, что чем меньше они отдадут земли русским, тем лучше будет положение финской делегации на переговорах. И он отдал приказ о контратаке с целью отбросить красноармейские части за реку.

Всего за день до окончания войны, 12 марта 1940 года, около восьми часов утра все «фарфоровые» бойцы поднялись в атаку. Сразу же после начала контрнаступления финны в буквальном смысле напоролась на кинжальный артиллерийский и пулеметный огонь советских войск. Завязнув в ближнем бою, все еще надеющиеся на успех части запросили помощи, но прибывшая пулеметная поддержка из 8-й дивизии уже ничего не могла сделать. Пытаясь отойти, финны попали под мощный, не прекращающийся ни на минуту артиллерийский обстрел, за минуты сметающий с лица земли целые взводы. В дополнение ко всему с удивлением и горечью командование яростно сопротивляющихся войск обнаружило, что их противник успел переправить через реку пятьдесят танков, против которых они были абсолютно бессильны.

Контратака опять не удалась, точь-в-точь повторяя события декабря 1939 года, только уже с противоположной, финской, стороны. Более того, нанеся ответный удар, советские войска про-

двинулись еще дальше и сумели занять часть тыловой опорной позиции у Вуосалми. Дальнейшее сопротивление могло осуществляться еще в течение дня-двух, хотя сопротивлением это тоже можно было назвать с натяжкой. Будучи подверженной яростному удару советских сил непрерывно в течение нескольких дней и потеряв значительное количество личного состава, 21-я дивизия была полностью деморализована.

Наступление мира пришло к воюющим в Вуосалми войскам как избавление. Финская оборона держалась на волоске, и протяни политики еще несколько дней, колонны танков Т-26 уже хозяйничали бы в тылу у восточной части линии Маннергейма, обойдя с запада весь этот участок фронта, упирающийся на востоке в Ладогу.

По сравнению с бурей, разразившейся вокруг речного островка Васиккасаари, боевые действия в восточных окрестностях Тайпале были гораздо менее масштабными. Основной оставалась только лишь сама идея — обход фронта по льду Ладоги и выход в тыл противнику.

После декабрьской активности вмерзшие в лед у бухты Саунассари корабли Ладожской флотилии охватила неспешная рутина необременительной вахтенной службы. За исключением нескольких описанных выше январских инцидентов, основным напоминанием о войне была близкая канонада своей артиллерии, обстреливавшей плацдарм за Тайпалеен-йоки, да красноречивые самолеты, пролетающие в ясную погоду вдоль берега для бомбардировки Сортавалы, Коневца, Валаама и, конечно же, Тайпале.

Когда же в начале февраля земля задрожала от артиллерийского огня, единственным средством поддержки советских войск от Ладожской флотилии стала одна трехорудийная батарея, призванная охранять корабли во время зимовки. Ее пушки вели огонь по засеченной финской батарее на мысу Ярисевянниemi и поддерживали предпринятый советскими командирами «ледяной поход» — попытку обойти Тайпале по ладожскому насту.

До середины февраля активность советских подразделений на Ладожском озере ограничивалась разведывательными выходами,

иногда заканчивающимися перестрелками с береговым охранением противника. Но чаще вылазки красноармейцев представляли собой обычное патрулирование на значительном расстоянии от берега.

У финнов, конечно же, не было достаточно сил, чтобы плечом к плечу заполнить все побережье гигантского озера своими солдатами. Организация береговой обороны заключалась в следующих мероприятиях.

Непосредственно вблизи устья Тайпалеен-йоки, от деревни Тайпале и далее вдоль берега на протяжении пары километров на север, охранение вели подразделения 7-й пехотной дивизии. «Ладожский фронт» по сравнению со смертоносной чехардой Кирвесмяки и Теренттиля был самым спокойным в этом районе, и поэтому направляемые сюда части могли бы относиться к этому боевому дежурству как к отдыху, если бы не ежедневные массивные артиллерийские и авиационные налеты Красной армии. В траншеях у Ладожского озера успели посидеть солдаты и 23-го полка, и 19-го, и 7-го легкого отряда, и карелы из группы «Метсаяпиртти». Далее на север, на семикилометровом участке между мысами Ярисевянниemi и Юляппянниemi, располагалось пять стационарных постов наблюдения с крошечными гарнизонами на каждом из них. Обычно состав каждого пункта состоял из одного-двух унтер-офицеров и десяти солдат. Обязательным условием экипировки наблюдателей был пулемет — эффективное средство уничтожения противника на открытых пространствах...

Каждый из пунктов имел выносные посты на льду озера — в километре от берега финнами были сооружены ледяные домики, наподобие эскимосских «иглу», способные защитить наблюдателей от метели, но не от холода. Между всей этой несложной инфраструктурой по наезженным лыжням регулярно курсировали лыжные патрули.

Построенная финскими войсками система охранения была малочисленной, но эффективной в своем оповещении гарнизонов орудийных позиций береговой обороны. Поэтому ни один выход советских войск не оставался без внимания противника, даже если он и не реагировал на них.

Первое боевое соприкосновение сторон на льду озера произошло еще в январе, когда местом стычки стала пара крохотных островков в двух километрах от устья Тайпалеен-йоки, называемых Паскалуото. 25-го числа взвод лыжников под командованием лейтенанта Елейникова занял эти острова, но в следующую ночь финская группа под командованием унтер-офицера Хеминена выбила его оттуда, захватив при этом два пулемета и взяв в плен пять красноармейцев. Советское командование это не остановило. С согласования командира корпуса на эти каменистые возвышения над уровнем Ладоги опять был выслан дозор из 91-го разведбата. И вновь взвод финнов под командованием унтер-офицера Килви попытался их выбить. На этот раз внимательно следящие наблюдатели со своей стороны вовремя заметили, как финны зажимают в кольцо их товарищей. На помощь были посланы несколько танков, под натиском которых финны были вынуждены отступить. Больше попыток захватить острова и удержать их в своих руках финские офицеры не предпринимали, хотя и советскому командованию эти клочки суши не принесли большой пользы. Острова могли использоваться только в качестве места для наблюдательного пункта. Все попытки нанести удар по финскому побережью Ладожского озера были обречены на провал: открытое ледовое безбрежье простреливалось батареями «Каарнайоки» и «Ярисевя», а по самому берегу на тот момент располагались пулеметные позиции финского 23-го пехотного полка. Сам Елейников погиб, получив посмертно звание «Героя Советского Союза» и описание своего последнего боя в книге «Бои в Финляндии».

После январского затишья к моменту начала нового витка боев в примыкающем ко льду Ладоги районе советские позиции занимал отдельный 97-й лыжный батальон. Хорошо оснащенный как снаряжением, так и подготовленным личным составом, батальон был создан в качестве высокомобильного подразделения для разведки и прорыва обороны врага в опасных условиях заснеженной пустоши. По соседству с ним после долгих проволочек со своим формированием был расквартирован уже упоминаемый 9-й аэросанный отряд, который своим машинным парком должен был со-

действовать действиям войск на заснеженном озере. После своего размещения отряд самодвижущихся лыжных машин под командованием капитан-лейтенанта Салагина сразу окунулся в бурную боевую деятельность. Фанерные конструкции на широких лыжах с большим пропеллером в кормовой части и с пулеметом Дегтярева в носовой, они стали все чаще и чаще нарезать круги у вражеского побережья подобно безрассудным байкерам из далекого будущего. Как правило, противодействие им ограничивалось несколькими артиллерийскими выстрелами из орудий батареи «Ярисевя» или «Каарнайоки».

8 февраля, когда все советские войска получили приказ на наступление, четверо механических саней, поднимая снежную пыль, лихо приблизились к мысу Ярисевянними, пытаясь «на живца» вынудить финнов выйти из укрытий и тем самым попытаться захватить «языка». В течение семи часов лихие наездники механических саней барражировали по твердому льду Ладоги, иногда приближаясь к берегу на расстояние двухсот метров, но вражеский берег молчал. Уже в глубокой темноте группа ни с чем вернулась в свое расположение, не получив нужных разведанных, но и не потеряв ни одного человека. Возможно, этот случай расслабил советское командование, и через два дня оно предприняло более серьезную попытку обнаружения противника.

В ветреный и морозный день 11 февраля финские наблюдатели обнаружили колонну красноармейцев, тяжело продвигающуюся на север с несколькими танками в шести-семи километрах от берега. Силы противника были внушительнее недавней группы на четырех аэросанях, поэтому пушки «Ярисевя» начали вести обстрел района продвижения неприятеля. Советские артиллеристы всего через полчаса обнаружили, откуда ведется огонь, и с пугающей точностью нанесли контрудар. Первые же снаряды уничтожили прожектор у одного из орудий и повредили крышу орудийного погреба финской батареи. Чтобы не обнаруживать себя, «Ярисевя» замолчала.

А растянувшаяся более чем на два километра колонна, благополучно миновав опасный участок у мыса Ярисевя, разделилась

на три отряда и медленно стала приближаться к мысу Юляппяни-ниemi.

И опять, как в далеком уже декабре, финнов начала охватывать паника. Больше всего их пугало то, что наблюдатели батареи «Юляппя» не увидят своего противника из-за снежной дымки, которую не мог развеять ветер над Ладожским озером. Командир батареи Маннио позвонил начальнику береговой обороны Перешейка Рикама с просьбой поднять по тревоге пехотинцев. Кого мог мобилизовать Рикама, когда все боевые подразделения в настоящий момент перемалывались русскими к северу от Коуккуни-emi? Только «фарфоровых». По его приказу две неопытные роты из 63-го полка прибыли в район Юляппя и со страхом заняли оборонительный рубеж.

Батарея на мысе Юляппя противника все же заметила, и критический момент был ликвидирован, когда по указанным координатам начали стрелять орудия сразу двух береговых батарей — с «Юляппя» и южной оконечности острова Коневец. А когда к огню финской артиллерии присоединился основной калибр «Карнайоки», советские лыжники повернули назад.

97-й лыжный батальон не стал рисковать под тройным артиллерийским обстрелом и вернулся на свой берег, не дойдя до пункта назначения немного менее полукилометра. Для проверки результатов стрельбы своих пушек финны выслали на лед разведгруппу, которая обнаружила множество следов, пятна крови на снегу да несколько брошенных лыж. Ни оружия, ни раненых, ни убитых...

В течение еще нескольких последующих дней налетам советских аэросаней подверглись финские посты на острове Коневец и мысе Юляппя.

16 февраля трое советских аэросаней под командованием все того же капитан-лейтенанта Салагина сделали большой крюк, обогнув остров Коневец, и подъехали к его берегу с севера. Остановившись на небольшом расстоянии от береговых постов противника, они короткими очередями обстреляли финские дозоры. В ответ южная береговая батарея острова выпустила по ним три

снаряда, которые вздыбили лед на значительном расстоянии от советских разведчиков, не причинив им ни малейшего вреда.

Группа направилась к батарее «Юляппя», командир которой, лейтенант Осмо Перттула, по телефону был извещен о приближении неприятеля. Он отдал команду немедленно открыть огонь по группе аэросаней. В стволы орудий были заряжены шрапнельные снаряды, которые оказались чуть большего калибра из-за слишком толстого пояса.

В это время советская группа на полном ходу приближалась к берегу, и командир Салагин, зорко глядывавшийся в бинокль, ждал реакции противника. В течение получаса после того, как его группа появилась в прямой видимости берега, по ним не было сделано ни единого выстрела. Он полагал, что финские наблюдатели нарочно не открывают огонь, чтобы не обнаруживать себя. А в это время орудийная обслуга батареи «Юляппя» натужно вытаскивала застрявшие снаряды из казенника своих пушек.

Поднятый по тревоге пулеметный взвод заменил бездействующих артиллеристов и вокруг аэросаней стали щелкать пули. Через какое-то время к пулеметным очередям присоединились выстрелы исправленных орудий. Группа решила не искушать судьбу и повернула на восток.

На расстоянии четырех километров от берега огневой залп финских пушек накрыл цель. Снаряды стали падать вокруг движущихся разведчиков, поднимая в воздух фонтаны воды, снега и льда. Обычно в такой ситуации сани быстро выходили из-под зоны обстрела, стоило лишь дать полный газ и по зигзагообразной траектории унести подальше от неприятельского берега. В этот раз быстро уйти не удалось, потому что одни из саней напоролась на припорошенные снегом ледовые торосы и снизили скорость передвижения. Медлительностью экипажа воспользовались финны на батарее «Юляппя», усилив огонь и пытаясь взять экипаж «в вилку». Один из снарядов разорвался недалеко от идущего «ведомым» экипажа и опрокинул сани, перебив у них одну из лыж. разведчики подбитого аппарата бегом перебрались в кабину притормозивших впереди идущих аэросаней.

Бросить на льду почти невредимый аппарат, чтобы он достался врагу, было невозможно. Поэтому находившийся в первых санях Салагин принял решение уничтожить обездвиженное средство зимней транспортировки.

Сделать это было так же нелегко, как и выбраться из зоны обстрела. Описав круг, исправные аэросани вернулись к подбитому агрегату. Когда сани поравнялись с целью, Салагин бросил гранату, но не попал. Взрыв гранаты повредил осколками обшивку саней, но не нанес каких-либо существенных разрушений.

Когда разведчики попытались взять поврежденные сани на буксир, батареи противника открыли кучный огонь по месту расположения обездвиженной машины. Тогда экипаж решил не гневить судьбу и поскорее выйти из зоны обстрела, считая, что финны сами за них выполняют работу по уничтожению оставленного имущества. С тем разведчики и вернулись на базу в Саунассаари.

Как только двое аэросаней скрылись за снежным горизонтом, за брошенной машиной с финского берега незамедлительно отправилась напряженная четверья лошадьми упряжка. Прибывшие на ней артиллеристы перевернули сани, взяли трофей на буксир и отвезли его в местечко Лохийоки на ремонт.

Разведывательные выезды все равно давали свои положительные результаты. Чем больше было рейдов, тем точнее обозначались позиции противника на ладожском побережье.

Именно после уточнения данных разведки батареями «Ярисевя» очередной раз всерьез занялась артиллерия Красной армии. Учитывая то, что расположение финских береговых укреплений было давно известно советским корректировщикам, значительных недолетов и перелетов практически не было. 17-го числа батарея фактически перестала существовать, обозначив это событие высоким столбом черного дыма. В «черный день Тайпале» склад боеприпасов батареи получил прямое попадание снаряда, который вызвал детонацию боезапаса. Взрыв уничтожил одно орудие и повредил казенную часть второго.

В полном соответствии с приказами по 13-й армии РККА следующий раунд противоборства был назначен на начало «второй

адской недели», когда советские войска прорвали финскую оборону в Кирвесмяки и Теренттиля.

На этот раз решили просто пробиться на материк со стороны мыса Ярисевяниemi, считая, что без уничтоженной батареи оборона противника не сможет выдержать нажим с озера. В отправленной колонне были лыжники все того же 97-го лыжного и 91-го отдельного разведывательного батальонов. Прикрывали группу со своего берега свежеприбывшие из Ленинграда бойцы Берегового отряда сопровождения Ладожской флотилии. Вся группа охранялась несколькими танками и пятнадцатью аэросанями и со стороны смотрелась как внушительное соединение, резко отличающееся от предыдущих вылазок советских войск в этом районе.

Ни системы GPS, ни ГЛОНАСС в те времена не было. Компас и карта мало могли помочь, если вокруг безбрежная пустота ровного как стол снега без каких либо видимых ориентиров. Поэтому красноармейцы вышли не к северу от уничтоженной батареи, где редкие вражеские посты просто разбежались бы, увидев прущую на них армию, а к югу от мыса Ярисевя, то есть району, вплотную примыкающему к фронту Тайпале, который с востока атаковали роты 15-го стрелкового полка. К тому же эффект внезапности (как и в предыдущих случаях) здесь не существовал по определению — в покрытом снегом метровом льду Ладожского озера окопы не выроешь... Поэтому группа попала в «огневой мешок», организованный пулеметами противника. Кроме пальбы из стрелкового оружия, к неприятному удивлению красных командиров, из расположения уничтоженной батареи по ним стали стрелять из пушки!

Все дело в том, что финнам удалось собрать одно орудие из разбитых двух. Правда, наводить его приходилось «на глаз», а для производства выстрела по ударному механизму приходилось стучать молотком. После третьего снаряда на стволе образовалась трещина, но именно этот снаряд попал в один из направлявшихся к берегу танков. Машина задымилась и замерла. Следующие три снаряда разорвались рядом, разбрызгивая осколки стали и льда по белым маскхалатам. С двух, трех, четырех сторон по лыжникам

метелила свинцовая пурга. И некуда было укрыться, кроме брони танков и призрачной надежды, что фанерные аппараты на лыжах смогут направить пулю в другом направлении.

Первым запаниковали командиры батальонов Севрук и Егоров. От командиров паника и растерянность сразу же передалась рядовому составу. Едва финская пуля царапнула руку капитана Севрука, он приказал вынести себя из боя. Оставшиеся без руководства красноармейцы начали беспорядочный отход в направлении своего берега...

Это был самый настоящий разгром. Ускоренное отступление смогли прикрыть только выстрелы 6-й отдельной батареи из бухты Саунаниеми, откуда на подмогу отступающим сослуживцам поспешно выдвинулись моряки с отряда берегового сопровождения. Они-то своим огнем и прикрыли отступающих красноармейских лыжников.

А потом началось растаскивание брошенного на льду имущества как с советской, так и с финской стороны. Основной ценностью, которая привлекала обе стороны на сбор оставшегося вооружения, было оружие автоматическое — большинство бойцов из лыжной бригады на вооружении имели автоматическую винтовку Симонова, АВС-36.

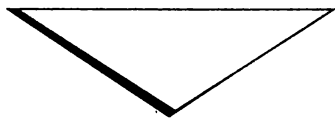
Сбор амуниции и вынос раненых продолжался до глубокой ночи. Пятерых убитых и двоих раненых вынести не удалось, и их оставили лежать на льду. Больше масштабных попыток обхода линии Маннергейма по льду замерзшей Ладоги не предпринималось до самого конца войны.

Команда аэросаней под командованием капитана-лейтенанта Салагина тем не менее продолжала наносить беспокоящие визиты к передовой противника. Обычно в разведку посылалось звено из двух саней. Внимание советского командования привлекали не только позиции по берегу озера в районе Тайпале, но и остров Коневец, с его двумя береговыми батареями и гарнизоном из трехсот солдат неприятеля.

Произведенные 18 февраля выстрелы из покалеченной пушки «Канэ» оказались последними и для самой финской батареи на

мысе Ярисевянними. Оставшаяся без вооружения артиллерийская позиция осталась служить в качестве ложной цели для самолетов противника. После ликвидации этой батареи последней надеждой на существенное артиллерийское противодействие советским частям остались четыре орудия батареи «Каарнайоки», скрытые в бетонных двориках посреди глубокого леса в девяти километрах от линии фронта. «Батарея-призрак», она так и не была обнаружена разведчиками Красной армии до конца войны. В рапортах о действиях вражеской артиллерии советские наблюдатели принимали ее огонь за действия полевых орудий, и даже за перемещающийся финский бронепоезд, которого в этих местах не могло быть по причине отсутствия железнодорожного полотна. Ее четыре шестидюймовых ствола всегда внезапно открывали огонь и так же внезапно замолкали, каждым таким ударом нанося значительный ущерб подразделениям Красной армии.

За мгновение до катастрофы

В те последние дни февраля месяца 1940 года, когда части 8-й финской дивизии впервые сцепились в схватке с наступавшими ротами Красной армии за высоту у парома в Вуосалми, на изуродованной земле к востоку от Суванто-ярви оказавшиеся на острие наступления советских войск гарнизоны 5-й и 6-й позиций в Теренттиля подверглись нескольким массированным атакам. Вся западная часть высоты «Груша», у которой они находились, уже была в руках Красной армии. Не выдерживая напора атакующего противника, финны несколько раз покидали свои позиции, но через короткий промежуток времени вновь возвращали их назад. С первых кровопролитных боев февраля тактика выбивания неприятеля была отработана до мелочей. Для выполнения этой задачи финны формировали штурмовую группу, состоявшую из нескольких человек. Продвигаясь ползком или согнувшись в три погибели, группа подбиралась к окопам, где уже хозяйничали красноармейцы. Затем гранатометчики выдергивали чеку из гранаты и выжидали ровно столько, сколько необходимо времени для срабатывания запала непосредственно после самого броска, тем самым лишая противника тех спасительных трех-пяти секунд, в течение которых он мог швырнуть ее обратно. Сразу же после броска, не выжидая, когда рассеется дым из свежих воронок, в дело вступали один или несколько расчетов, вооруженные тяжелым автоматом «Суоми». Пока вторые номера с патронными дисками и сменными стволами наготове слегка задерживались, стрелки выскакивали на бруствер, либо словно призраки появлялись из-за поворота траншеи и поливали очередями все пространство перед собой, выдирая клочья и из только что разорванных тел и из еще шевелящихся или оглушенных красноармейцев. Очистив траншею от противника, участники штурмовых групп вновь занимали позиции и го-

товились к новому отражению атаки Красной армии, чтобы через минуту, час, день полечь здесь от беспощадного огня, либо вновь оставить этот окоп, чтобы хотя бы на время оттянуть неминуемую смерть. Каждая смена хозяев позиций уносила десятки жизней людей с обеих сторон. По всему изрытому полю вокруг переходящих из рук в руки позиций темнели тела как финских, так и советских военнослужащих. Врываясь в полузасыпанные мелкие траншеи, временные победители ввиду отсутствия лишних минут и средств для укрепления обороны, как уже было заведено, кидали на бруствер трупы убитых вражеских солдат, чтобы через несколько часов укреплять позиции уже своими телами. Их перемешанные кости еще долго встречались в ложбинках по всему северному берегу реки Бурной.

С советской стороны тактика прорыва, пожалуй, не претерпела изменений с декабря 1939 года. Первые ударные подразделения перемалывали финскую оборону, сами порой переставая существовать, как это произошло, например, со вторым батальоном 222-го полка в боях за высоту «Груша» 20 февраля. За ним, чтобы не дать супостату опомниться, мгновенно, без какого-либо временного промежутка, в бой вводились подразделения второго эшелона, в приводимом примере это был 3-й батальон 15-го полка. Когда и он оказывался неспособен продолжать бой из-за больших потерь, в сражение направлялись следующие свежие силы, в данном случае две роты третьего эшелона этой же войсковой части. Двум полным сил и уверенности в победе подразделениям сопротивляться было практически некому — финны отступили, оставив в земляном месиве убитых и раненых. Но введенные в бой красноармейцы так увлеклись преследованием противника, что углубились почти на километр в глубь вражеской территории. И тут финны начали отсекал их от основных сил фланговыми ударами. Теряя людей, ротам еле-еле удалось вырваться назад из огневого мешка...

Как уже было сказано, вследствие переброски войск на более важные направления группировка финских сил на Тайпале существенно ослабла. Теперь там было всего два полка, 19-й и 21-й,

каждый из которых по своей численности составлял немногим более батальона. Они занимали самые опасные направления в центральной части фронта, а по берегу Ладоги, вплотную прилегающему к театру боевых действий, уже без всякой смены располагался 7-й легкий отряд и группа «Метсаяпиртти».

Новая линия обороны в Теренттиля к концу февраля проходила в полукilометре от первоначальных позиций по старому песчаному карьеру, или «Хиеккакуоппа», как называли его финны. На протяжении многих лет жители приходивших Метсаяпиртти и Саккола добывали здесь песок и гравий для хозяйственных нужд и строительства дорог, и поэтому все это место было сплошь изрыто ямами глубиной два-три метра. С самого начала войны близость карьера к ведущей на передовую дороге вынудила финнов разместить здесь склады боеприпасов и вспомогательные службы. Теперь из тыловой линии карьер превратился в передовую. Пустые ящики от боеприпасов, в изобилии валявшиеся в округе, теперь использовались для дополнительного укрепления окопов. Траншея, ведущая к болоту Сурмансуо и служившая основной магистралью для снабжения подразделений на страшных 1-й и 2-й позициях, превратилась в передовой окоп, за которым уже был только неприятель. Собственно, это и была «Линия Такала», построенная в январе 1940 года. Далее на север, в неглубоком тылу, на рубеже Волоссула — деревня Каарнайоки — Линнакангас в феврале было начато строительство третьей оборонительной полосы. В связи с тем, что ни времени, ни средств, ни достаточной рабочей силы из солдатской массы у финнов уже не было, для оборудования позиций третьего рубежа обороны 21 февраля на Тайпале привезли десять старых танков «Рено», которые врыли в мерзлый грунт, переоборудовав их в стационарные огневые точки. Правда, уже на том этапе вид танков двадцатилетней давности вызывал у строителей большие сомнения в их способности каким-либо образом повлиять на ход боевых действий.

Но до этих, на скорую руку подготавливаемых, оборонительных рубежей противника Красной армии было еще сравнительно далеко. Не останавливаясь на достигнутом, советские полки упор-

но, в лоб давили и давили на неприятеля. Восточнее песчаного карьера, через дорогу, как раз и находилась возделенная высота «Груша», которой стремились овладеть части 49-й дивизии.

Высота «Груша», как любая маломальская возвышенность на плоской местности, конечно имела определенное стратегическое значение. Но непосредственно на самой высоте финские войска не оборудовали ни единого оборонительного сооружения. Опорные пункты номер четыре и пять были расположены перед этой высотой, то есть даже не на самом ее южном склоне, а еще ближе к передовой линии. А после того как их оборона начала рушиться, новые позиции были перенесены за высоту, т.е. за ее северный склон. На самой же высоте теперь гордо занимал позиции 222-й полк, огрызающийся на финские контратаки и пытающийся продвинуться еще дальше на северо-восток, в район хуторов Вирстакиви и Хейккила.

Будучи на острие наступления, полк подвергался ежедневным обстрелам с финской стороны. Обычный день передышки в наступлении в конце февраля описывался следующим образом:

«Противник ведет редкий артогонь по второму стрелковому батальону из направления Тайпале и Каарна-йоки, минометный из леса севернее высоты “Груша” и Хейккила, ружейно-пулеметный с направления леса восточнее, севернее и западнее высоты “Груша”. Производится обогревание бойцов в траншеях, высланы чистые портянки и грелки. Производится перегруппировка бойцов, из тыловых подразделений переведены в стрелковые подразделения. Личный состав после боя находится в своих подразделениях. Производится собирание оставленного на поле боя оружия и патронов. Первым стрелковым батальоном собрано тринадцать станковых, восемь ручных пулеметов и триста винтовок. Подобрано трупов за ночь тридцать пять человек»⁸².

Левее 222-го полка, на западной оконечности заснеженной пустоши болотного луга Суонийтют, в последние два дня февраля два батальона 756-го полка 150-й дивизии атаковали противника с отбитого у финнов пятого опорного пункта или высоты «Стул». Их целью был ДОТ № 105, который являлся не бетонной,

а дерево-земляной огневой точкой, препятствующей обходу неприятельских позиций в Кирвесмяки с восточного фланга. Двухдневные попытки привели к плачевным результатам. Оба батальона почти сумели подобраться к вражеским траншеям и ДОТу, но, остановленные плотным огнем, залегли в каких-то ста метрах от цели. *«2-й и 3-й стрелковые батальоны в результате боев 28.02 и 29.02 понесли потери среднего командного состава 32 человека и младшего командного и рядового состава до 250 человек»*⁸³.

Тем не менее с приходом марта положение дел на фронте Карельского перешейка становилось для финнов все хуже и хуже. Тесня сопротивляющиеся войска истощенной и выдохшейся финской армии, советские стрелковые дивизии рвались к Выборгу. По мере наступления командование Северо-Западного фронта Красной армии стало все с большей и большей обеспокоенностью обращать внимание на широкий выступ финской территории на своем правом фланге — позиции на Тайпале до сих пор не были прорваны.

Мрачная ирония ситуации заключалась в том, что финское командование также осознавало всю выгодность такого положения, когда, обладая достаточными людскими ресурсами в количестве трех-четырех хорошо укомплектованных дивизий, с достаточным танковым парком, можно было одним ударом отсечь наступающие войска РККА от их линий снабжения, восстановить линию Маннергейма и уничтожить окруженного противника, подобно тому, как это в меньшем масштабе, но с успехом продемонстрировал генерал Сииласвуо под Суомуссалми. Именно так в 1941 году и поступили финны, направив свой удар с северо-востока на юг Карельского перешейка, тем самым отрезав остававшиеся под Выборгом части советской 23-й армии.

Но в марте 1940 года у финнов такой возможности не было. Имевшиеся в наличии войска были измучены и находились у последней черты усталости, когда только чудом можно было объяснить то, что русских еще удастся сдерживать на подступах к второму по величине городу Финляндии. Имея перед собой бесчисленное количество потенциальных мишеней, финские артилле-

ристы не могли их поразить из-за катастрофического положения с боеприпасами. Зная это, направляющиеся к передовой советские обозные колонны даже не утруждали себя соблюдением ночной светомаскировки.

Последние с грехом пополам собранные резервы вооруженных сил Финляндии были брошены к Выборгу, потому что, по их мнению, именно там необходимо было любой ценой задержать советские части. Одновременно с этим Маннергейм все чаще обращался к политикам с требованием о начале мирных переговоров с хозяевами Кремля, потому что промедление могло обернуться для армии, а значит, и для всей страны катастрофой. Просчитывая варианты дальнейших событий, в штабе вооруженных сил Финляндии был разработан план операции «Рыба», согласно которому при прорыве советских войск в районе Тайпале войскам предписывалось отступить на новую стратегическую линию обороны, которая должна была пройти по дефиле между озерами Сувантоярви, Киима-ярви (Комсомольское), Пюхя-ярви (Отрадное), Юляярви (Гусиное) и упереться в Ладожское озеро.

2 марта 1940 года из Москвы пришла директива, согласно которой командующий 13-й армией командарм Грендаль должен был передать свои полномочия комкору Ф.А. Парусинову «в связи с переходом на другую должность». Трехмесячное топтание на одном месте, неудачные попытки штурма, число потерь, приближающееся к шестнадцати тысячам, вероятно, входили в число причин, вызвавших его смещение с должности.

Впрочем, должность Грендаль сдал, а взысканий никаких не получил. Он всего-навсего был назначен на другую должность — начальника артиллерии всего Северо-Западного фронта. Вероятно, Сталин наконец-то понял, что основной специальностью командарма все же является артиллерия, а не руководство армией. В принципе занявший его пост комкор Парусинов теперь всю вину за неудачи своих войск мог бы свалить на своего предшественника. Но ввиду того что предыдущий командующий не был отправлен за решетку и не был объявлен шпионом и вредителем, Парусинов просто вступил в должность и продолжил начатое Грендалем.

С точки зрения «инструментального» способа ведения войны ничего не изменилось. С приходом марта количество ненастных дней свелось к минимуму, полностью предоставив свободу действий советской авиации и артиллерии. Пользуясь добытыми разведывательными данными, массированные удары стали наноситься по батареям ладожской береговой обороны, начиная с Ярисевянинами и острова Коневец и заканчивая предместьями Кексгольма. 1 марта на Ярисевя обрушилось двадцать два авианалета, результатом которых стали около пятисот сброшенных бомб. Некоторые воронки от разрывов достигали десятиметрового диаметра и пятиметровой глубины. Через день тридцать самолетов отбомбились по Коневцу. Затем интенсивность советских авиационных рейдов снизилась, но не исчезла совсем. И по мысу Ярисевянинами, и по острову Коневец до самого конца войны наносилось в среднем по два налета по пять-шесть часов артиллерийских обстрелов ежедневно. И если Коневец в силу своей небольшой активности и удаленности от берега не претерпел каких-либо существенных разрушений, то территория батареи «Ярисевя» уже давно представляла собой пустошь, обильно покрытую воронками, вывороченной мерзлой землей и остатками деревьев.

А кривая потерь 13-й армии, не останавливаясь, продолжала свой путь наверх. Теперь массовым подсчетом убитых и раненых занимались писари трех дивизий, штурмующих вражеские позиции у Эйряпя.

Да, активность 150-й и 49-й дивизий на Тайпале значительно снизилась, но не остановилась совсем. В отличие от предыдущих атак, в которых участвовало до половины личного состава советских дивизий, на штурм финской обороны теперь посылались не более батальона. Основной причиной замедления наступления теперь стали мины — противник заминировал все, что ему пришлось оставить при переносе позиций в глубь обороны, и красноармейские части тратили массу времени на разминирование направлений своего продвижения.

В Теренттиля, которая, по сути, уже осталась за спинами красноармейцев, роты 49-й стрелковой дивизии продолжали атаковать

вражеские позиции. 222-й полк все так же находился в центре наступления, создав трехсотметровый выступ линии фронта, простреливаемый противником с трех сторон. Слева от него, в песке карьера между дорогой и болотом Теренттилянсуо, увяз в позиционных перестрелках 212-й полк. Справа без особого успеха батальоны 15-го полка пытались выбить финнов с «шестерки» и «семерки». Остановившись на достигнутом, советское командование отдало приказ организовать боевое охранение по фронту, а в тылу начать проводить занятия по теме «борьба с мелкими группами противника». Судя по данным разведки, к марту месяцу крупных групп финских войск в качестве сопротивляющейся силы уже не ожидалось.

Поэтому если советскими войсками и предпринимались атаки, то были они несравнимы с теми, что происходили в середине февраля. Но даже такое ослабление нажима финнам не принесло много радости. Талвела ожидал нового удара. И хотя он знал о проходящих в Москве переговорах, его настроение не улучшалось. Силы его шести батальонов в Теренттиля и Кирвесмяки стремительно таяли. С отправкой в Вуосалми последних резервов и генерал, и командиры полков 7-й дивизии осознавали, что если русские предпримут еще пару атак, подобных февральским, к брустверам окопов уже будет некому встать.

Пришедшая весна с первыми дневными оттепелями также не сулила ничего хорошего. Конечно, финские офицеры резонно предполагали, что при продолжении боевых действий мокрая распутица превратит дороги в труднопроходимую массу из грязи и льда, что существенно затормозит и без того не очень быстрый темп советского наступления. Но в данный момент, применительно к болотистой местности Тайпале, первые признаки поворота зимы к весне только осложняли окопную жизнь солдат.

Хуже всего обстояло дело на и без того неудачных 1-й и 2-й позициях на болоте Теренттилянсуо. Пребывание на этом участке обороны ничего, кроме содрогания, у финских бойцов не вызывало. Потери появлялись уже при выдвигании взводов на передовую. Из-за воды по дну траншеи идти или ползти было неудобно,

а любое появление над бруствером означало неминуемую смерть или ранение от пулеметной очереди или пули советского снайпера. И это не говоря о методичных артиллерийских обстрелах и авианалетах. На самой позиции дело обстояло не лучше. Захватив находящиеся от них слева окопы по краю болота, роты РККА смогли простреливать болото вдоль основной мелиоративной канавы, которая, собственно, и была финской передовой. Находившимся на боевом дежурстве финнам ничего не оставалось, как вгрызаться в откосы, дабы избежать лишних потерь. Но болото есть болото, и на глубине более метра дно ячеек тут же покрывалось водой. Сутки под обстрелом на морозе, без каких-либо укрытий и блиндажей, с постоянно мокрыми ногами приносили финнам дополнительные весьма серьезные проблемы. И если старые опытные бойцы были привыкшие ко всем опасностям фронта, то прибывающее пополнение почти сразу же становилось жертвой пули или снаряда. Были случаи, когда подоспевшее подкрепление обнаруживало в окопах всего три-четыре яростно сражающихся человека, отбивающих неприятельские атаки, причем до солдат противника зачастую оставалось не более тридцати метров.

Правда, их непосредственному противнику, советским 469-му и 674-му полкам 150-й стрелковой дивизии, приходилось находиться в точно таких же условиях. Большинство участков прорытых ходов сообщения были произведены на низкой болотисто-торфяной местности, поэтому для того, чтобы бойцы хоть как-то чувствовали себя получше, дно окопов устилалось специально привезенной соломой. Только в зоне ответственности 469-го полка на эти нужды на передовую было отправлено около шестидесяти возов сена.

На других участках, где условия для обороны были покомфортнее, чем на «Гиблом болоте», общая картина для финского командования также была неутешительной. Данные разведки вызывали уныние: в дополнение к постоянно пополняющимся силам противника финские летчики обнаружили, что к фронту, протянувшемуся вдоль Тайпалеен-йоки и Суванто-ярви, движется около четырех сотен советских грузовиков и шестьдесят танков. Этой

силе генерал Талвела уже не мог ничего противопоставить. Позиции были ненадежными. Фактически окопами уже трудно было назвать месиво из воронок, разбитого оборудования и остатков бревенчатых блиндажей. Обороняться на таких позициях не представлялось никакой возможности, а учитывая неослабевающий напор неприятеля и все более и более увеличивающийся дефицит в боеприпасах и людских резервах, Талвела был вынужден принимать очередное непопулярное тактическое решение. 7 марта 1940 года командиры батальонов получили приказ об очередном переносе передовой линии в глубь обороны и передаче противнику всех опорных позиций в Теренттиля. Это было уже планомерное и целенаправленное отступление.

И все-таки главной причиной отвода войск были начавшиеся переговоры в Москве. Талвела был одним из генералов, готовивших пространный отчет о положении на своем участке фронта. И он знал, что на основе представленных Маннергейму докладов финский маршал настоятельно рекомендовал правительству завершить войну дипломатическими способами. Теперь, когда переговоры начались, необходимо было выиграть время.

Солдаты 7-й пехотной дивизии покинули свои позиции ночью, максимально скрыв сам факт отрыва от противника. Они еще дальше отошли от самых напряженных 4-й и 5-й позиций, в течение полумесяца бывших ареной кровопролитных схваток. Они оставили 6-ю и 7-ю позиции, где в последнее время сражались почти в окружении в связи с продвижением советских частей вдоль основной дороги. Они наконец-то покинули страшную канаву на «Гиблом болоте» и оторвались от частей РККА на расстояние около километра, заняв третью линию обороны.

Естественно, опять оставленные окопы были заминированы. Естественно, заново оборудованные пулеметные позиции были нацелены на свои же бывшие траншеи...

Ночь и тихое отступление скрыли маневр финнов от советского командования. На следующее утро, как и каждый день, около роты красноармейцев начали атаку. Но пустые окопы, словно призраки, начали открывать огонь. Финны оставили небольшую

группу, которая своим присутствием создавала видимость оживленного сопротивления. А в купе с действиями артиллерии и минометов, открывших огонь по давно пристрелянной местности, видимость организованной обороны была налицо. Этот мрачный театр продолжался почти полдня. Тем не менее на следующий день все оставленные позиции были заняты противоборствующей стороной.

По записи 212-го полка от 8 марта: *«Противник начал отход с занимаемых позиций на север за р. Каарна-йоки. Наши передовые подразделения, 1 СБ, 3 СБ и разведрота, начали вести преследование противника с целью занятия оставленных им позиций... Пройдя около ста метров, наши подразделения наткнулись на сплошные минные поля... Коварство противника выразилось и в том, что он подложил мины под свои трупы, оставленное оружие и многочисленные предметы (часы, одеяло, велосипеды и т.д.)»⁸⁴.*

Как видно, те способы минирования актуальны и в наше время. И похоже, к сожалению, будут актуальны еще много-много лет...

Для дальнейшего продвижения минные поля необходимо было ликвидировать, и поэтому основная нагрузка по выполнению боевой задачи легла на плечи советских саперов. Они методичноковыривали из снега фугасы и противопехотные мины, а снайперы противника внимательно отслеживали все их передвижения, охотясь за начальствующим составом. Во время таких работ 10 марта был убит командир 2-й роты отдельного саперного батальона лейтенант Лушпенко, тот самый, который в период февральских атак пытался спасти своих подчиненных от скоропалительных приказов бездумно идти в атаку. Почти все три месяца он находился на фронте с красноармейцами своей роты, которые под его руководством минировали и разминировали передовые позиции, рыли траншеи и строили землянки, очищали дороги от снега, изготавливали противогранатные сетки и изучали устройство самодвижущихся торпед, и погиб всего за три дня до окончания войны.

Благодаря самоотверженной работе инженерных подразделений Красной армии отрыв в один километр был тут же сокращен насту-

павшими советскими войсками до нескольких десятков метров. Песчаный карьер стал использоваться атакующими ротами РККА как место сосредоточения для предстоящих атак. Теперь между противоборствующими сторонами не простиралось открытое поле, и вылазки могли стать намного успешнее всех предыдущих.

Положительным моментом для финнов было то, что прибывающее пополнение советских войск уже давно не обладало достаточной степенью напористости. Отсутствие должной боевой настойчивости в поведении атакующих красноармейцев в первую неделю марта можно было бы объяснить упорно циркулирующими известиями о приближении конца войны. Распространение слухов невозможно остановить, особенно если они оптимистичные. Поэтому и в финских землянках также активно обсуждалась возможность возвращения домой живыми. Слухи действовали разлагающе. Выжив в трехмесячном сражении, занимать свою ячейку на передовой становилось очень трудно, не говоря уже об участии в штурме. Финны косвенно помогали начинавшим расслабляться красноармейским частям — на протяжении последних нескольких дней войны записи в журналах боевых действий частей Красной армии постоянно упоминали крайнюю пассивность противника. Исключением из этого правила, наверное, можно назвать запротоколированную разведывательную вылазку двух групп неприятеля в районе Суонийтют в направлении 1-го батальона 756-го полка, который отогнал их огнем из станковых пулеметов.

Тем не менее от солдата, да и от офицера среднего звена на фронте ничего не зависит. Команды на начало атак спускаются из штабов соединений. Но взгляды комкора Парусинова были прикованы к пятачку на северном берегу Вуоксы у Эйряпя. Там был реальный прорыв, там полки 8-й и 4-й дивизий создали угрожающую для противника ситуацию, и продолжайся война дальше, о последствиях форсирования реки у Вуосалми можно было бы строить предположения отнюдь не в пользу Финляндии. В связи с этим проблема Тайпале перестала быть актуальной.

Да и московские переговоры в конце концов увенчались успехом. Соглашение о мире было достигнуто.

13 марта 1940 года Финская война закончилась.

Значительная часть военнослужащих противоборствующих сторон узнала о наступлении мира за день до этого, 12 марта. День выдался снежным, и о ведении боевых действий напоминали только обычные артиллерийские обстрелы финских позиций и пулеметные перестрелки.

После ночного снегопада утро 13 марта 1940 года выдалось ярким и солнечным. Белое покрывало расстелилось на изрытых полях Теренттиля и холмах Кирвесмяки, льду Суванто-ярви и Ладожского озера. Только Тайпалеен-йоки шумела своими не замерзающими в любые холода порогами. Природа словно специально ознаменовала конец кровопролития, подарив солдатам прекрасный, хоть и морозный, весенний день.

Но настроения по поводу окончания мира по разные стороны фронта существенно различались. Первую информацию об условиях мира получили финские офицеры, внимательно слушавшие радиопередачи. Большинство из прильнувших к приемникам финнов испытали глубокое потрясение, когда премьер-министр Таннер на всю страну объявил условия мирного договора. Финляндия должна была попроситься с большинством земель, на которые так и не смогла ступить нога солдата Красной армии. Многие из них не могли сдержать слезы, потому что родились в тех местах, которые теперь должны были стать частью территории Советского Союза. В их сердцах было смятение и противоречивые чувства. С одной стороны, война проиграна. С другой, их армия не разгромлена и не капитулировала, а их страна не потеряла своей независимости. Возможно, именно в этот день родилась знаменитая финская горькая шутка: *«В «Зимней войне» победил Советский Союз, но маленькая Финляндия заняла почетное второе место».*

Капитан Йокела вспоминал: *«Вечером (12-го марта) нас собрал Кемппи (командир 21-го пехотного полка) и сообщил, что утром нам надо отсюда уходить, чтобы избежать окружения. Наши соседи с востока и запада уже отступили, так что нам надо будет осуществлять отход довольно быстро. Блиндажи необходимо было взорвать и приготовиться к долгому переходу,*

как минимум до Пюхьярви. При разговоре присутствовали все командиры батальонов, врачи, да и вообще все, кто в этот момент находился в Ювясхови. Бывшие когда-то тыловыми, наши сегодняшние позиции уже были на расстоянии выстрела из стрелкового оружия русских. На утро мы выполнили работу по уничтожению, хотя уже знали, что перемирие близко»⁸⁵.

Все воюющие части с советской стороны, так же, как и их противник, получили известие о прекращении боев ночью, по радио. Несмотря на радостные новости, утром первого мирного дня перестрелки продолжались. В основном огонь велся с советских позиций, хотя сказать, что он был прицельным, нельзя. И пехотинцы, и артиллеристы расстреливали оставшийся у них боезапас, чтобы не возиться с ним после завершения боевых действий во время передислокации. Впрочем, хотя это было и так, но до наступления мира оставалось еще несколько часов, и до этого момента приказа о ведении боевых действий никто не отменял. Поэтому со стороны казалось, что на передовой гремит интенсивный бой. Все так же ухали орудия и минометы, раздавались винтовочные выстрелы и длинные пулеметные трели. Те, кто находился в это время на передовой, никак не могли представить, что это может внезапно закончиться. Слишком привычен был этот многоголосый шум войны, и слишком активно действовали все рода войск.

Но это случилось. В одиннадцать часов по финскому времени и в двенадцать по московскому на фронт опустилась тишина.

О внезапной, ошеломляющей, непривычной тишине первых минут мира вспоминали все ветераны «Зимней войны», и финские и советские. Это было хотя и ожидаемо, но так непривычно и так внезапно, что сознание отказывалось поверить в реальность произошедшего. Молчали орудия, молчали окопы, молчало небо. Солдаты тоже молчали, осмысливая первые послевоенные минуты.

Первыми показались из окопов красноармейцы. Сначала робко, по одному-два человека, затем все большими и большими группами они вскарабкивались на брустверы и пытались обратиться к своему недавнему противнику. На смену тишине пришел

радостный гул сотен голосов, радовавшихся судьбе, подарившей им возможность остаться в живых. Из передвижных радиоточек, еще вчера передававших пропагандистские передачи для войск противника, теперь раздавались песни. По воспоминаниям уже упоминаемого в этой книге Эмиля Заславского, словно в память о не доживших до этого часа, пластинка с шипением разносила песню «Он ушел» в исполнении Изабеллы Юрьевой.

В советских частях в первый день мира командиры и политработники весьма сумбурно разъясняли бойцам, для чего они рисковали жизнью. На немногочисленные неудобные вопросы красноармейцев, почему прекратили войну, а не стали продолжать ее вплоть до захвата Хельсинки, и куда подевалось «народное правительство Куусинена», политруки отговаривались общими фразами, что «наверху видней» и объяснение «текущего политического момента» будет дано позже. Оно действительно потом было дано в центральных газетах, представив трехмесячную бойню как большое достижение советской мирной политики. Впрочем, и рядовые и командиры в своей массе особых вопросов и не задавали. Помимо того, что это было небезопасно, никакое любопытство не могло пересилить чувство радости и благодарности судьбе за то, что они выжили.

«Ночью получено по радио сообщение о подписании мирного договора между СССР и Финляндией. Весть эта облетела все подразделения (212-го) полка. Утром состоялись митинги личного состава, на которых бойцы и командиры одобрили мудрую мирную политику нашей партии и правительства...»⁸⁶

С финской стороны тоже устроили построение, на котором солдатам 7-й пехотной дивизии, которые три месяца сдерживали натиск противника, огласили последний, возможно излишне пафосный, приказ ее командира:

«Солдаты 7-й дивизии! Защитники Тайпале и Суванто! Несгибаемые, непоколебимые, вы отразили смертоносный удар с востока.

В этот час, когда смолкли орудия, мы помним, что коварный враг напал на нас, прервав переговоры, несмотря на то,

что еще в последний момент наше правительство заявляло о готовности их продолжить. Ни тогда, ни сейчас у нас не оставалось выбора кроме как сражаться. Сражаться за наш народ, нашу страну, сражаться за наши дома, детей, жен, за нашу собственную землю.

Иного выбора у нас не было.

Если бы мы не сражались с этими варварскими и непобедимыми восточными ордами, наше существование было бы под угрозой темноты и бездушной неизвестности, несравнимой с жизнью, которая подразумевает существование независимого народа.

Спасибо вам за ваше понимание, за вашу твердость, спасибо тем отважным тысячам погибших бойцов, принесших себя в жертву тому, что наш народ прекратил сражение и добился наступления мира. Этот мир воистину тяжелей, но он для нас важен, так как дает нам возможность вновь начать созидательную работу во имя будущего.

Бойцы! Вы в течение всех этих месяцев, когда наша страна подверглась суровым испытаниям, были готовы добровольно растаться с жизнью и исполнить свой долг.

Мы выжили, мы сражались за будущее, за всю нашу общую землю.

Наша вера и чувства крепки. Мы уверены в том, что "новый день еще все изменит"!

Эти наши чувства в настоящий момент озаряют нас. Наш народ благодарит своих воинов. Вы показали себя настоящими финнами, уважаемыми своим народом.

Командир дивизии

Полковник А.Вихма»⁸⁷.

В связи с условиями мирного договора и с общим настроением в войсках финны и вели себя гораздо сдержанней, чем красноармейцы. Их настроение в связи с жесткими условиями мира было гораздо хуже, чем у их бывших врагов. Поэтому и особого братания среди солдат по разные стороны фронта на Тайпале не было. Несколько человек из передового охранения в Теренттиля смогли непосредственно вплотную разглядеть друг друга и обме-

няться парой-тройкой фраз, но массового столпотворения на нейтральной полосе не допустили ни командиры Красной армии, ни финские офицеры. В Кирвесмяки, где линия фронта стабилизировалась и оставалась практически незыблемой с февраля, подойти вплотную вообще не представлялось возможным — между позициями противников располагались минные поля.

Через час после объявленного прекращения огня из окопов 222-го стрелкового полка в расположении недавнего врага были замечены три фигуры в «рогатых» касках, которые оставили на врытой в землю башне от танка белый конверт, а на ближайшем дереве демонстративно, уже не таясь, развесили четыре бумажных листа. После этого, не подав ни знака в сторону советских траншей, они удалились, торопливо перебирая ногами в пьексах. И любопытство, и желание быть первыми на той, еще не занятой территории вынудило четырех командиров Красной армии отправиться за оставленной финнами передачей. Осмотрев конверт и бумагу, они крикнули ожидавшим их однополчанам, что это схема расположения минных полей. Затем все четверо нырнули в находившуюся рядом оставленную недавним врагом землянку. Через мгновение мощный взрыв разметал в куски тела всей группы. Командир 1-го батальона старший лейтенант Ковалев, командир саперного взвода лейтенант Горбачев, помощник командира взвода Степанов и командир отделения Давидов оказались теми, кто завершил список погибших в боевых действиях. Последние жертвы Финской войны на Тайпале погибли уже после заключения мира.

В других местах обстановка была не столь драматичной. На льду озера Суванто-ярви вчерашним противникам даже удалось сфотографироваться чуть ли не в обнимку. Чтобы запечатлеться вместе в первые часы наступления мира, они плотной шеренгой встали перед объективом фотоаппарата — финны и русские, рядом, словно они не убивали друг друга всего сутки тому назад.

Но даже в тех местах, где это удалось, недолгое знакомство военнослужащих вчерашних противоборствующих сторон завершилось всего через пару часов. Солдаты просто разошлись по своим тыловым блиндажам, чтобы готовиться к маршу. Одни —

за новую государственную границу, другие — на присоединенные территории. Кроме всего прочего, отвод финских войск был обусловлен условиями договора. В первый час после прекращения огня между противниками должна была быть установлена километровая полоса. Осуществляя план разделения боевых частей на передовой, советские части оставались на месте, а финские отступали.

Еще два дня бойцы финской 7-й пехотной дивизии оставались на месте своей стодневной боевой вахты. За это время выставленным на демаркационной линии постам предписывалось не допускать прохода на свою территорию военнослужащих другой стороны. А попыток таких было достаточно, причем в основном с территории, занятой советскими войсками. Речь идет не о перебежчиках, хотя уже после заключения мира были и такие. И красных командиров, и их подчиненных обуревало простое человеческое любопытство. Многие из тех, кто сражался на этом плацдарме в течение не одной недели, вообще не видели солдат противника. Для них финны казались чуть ли не призраками, которые сидели на другой стороне поля и огрызались свинцовой метелью на попытки сломить их сопротивление. К этому чувству прибавлялось еще одно — желание узнать, что же там, на той стороне было такого, что не позволяло на протяжении всей зимы одержать победу «непобедимой и легендарной» армии, обладающей недюжинной силой и мощью. Все, кто прошел нелегкий трехмесячный путь службы в 49, 150, 4 и 142-й стрелковых дивизиях, видели, как день за днем вздымается земля на той стороне от шквальных залпов артиллерии и от массивных бомбардировок. После такой обработки врага казалось, что на финской стороне не должно остаться ничего живого. Но неудачи следовали за неудачей, и после того как последний залп ознаменовал конец войны, больше всего им хотелось увидеть, что же *там было*.

Один из непосредственных участников событий марта 1940 года вспоминал, что, когда он, перейдя лед Суванто-ярви, попытался пройти на финский берег, тропинку преградил финский офицер. Когда тот попытался его обойти, не произнесший ни сло-

ва финн одним движением недвусмысленно расстегнул висящую на ремне кобуру. Пришлось вернуться на свой берег и ждать, пока неприветливые «соседи» сами оставят северный берег озера.

В шесть часов утра 15 марта одновременно из Кирвесмяки, Теренттиля и Линнакангаса на север двинулись длинные колонны «героев Тайпале», как их впоследствии будут называть в финских литературных источниках. О них будут писать книги и статьи в журналах, снимать телепередачи и фильмы. Они станут легендой уже через пару лет, когда на новую войну придут те, кому по возрасту не пришлось сгибаться под советскими снарядами зимой 1940 года. Они шли мерным солдатским шагом и очень напоминали такие же колонны, которые направлялись сюда в октябре, четыре месяца назад. Только теперь, когда на марше солнце светило им в спину, их лица отражали пережитое в течение войны, их форма была потрепана от ползания по окопам на передовой, и их мысли были далеки от тех, что посещали их до призыва. Да и численность их была гораздо меньше. Их провожал треск огня и запах дыма — далеко на севере, в Кякисалми, горел завод Вальдхофа, а за их спинами пылали их блиндажи, подожженные ими самими. Им предстояло в течение семи дневных переходов уйти за новую границу, обогнув западный берег Ладожского озера.

Отвод финских дивизий и последующее поступательное движение советских частей производились поэтапно, причем в подписанном в Москве договоре оговаривалось, что между бывшими противниками обязательным условием должна была оставаться буферная зона. На деле иногда получалось, что выходящие на очередные рубежи передовые роты Красной армии догоняли отступающую сторону.

В один из дней первого весеннего месяца молодой финский часовой у демаркационной линии, пересекающей дорогу на Виллакала, с испугом доложил своему офицеру, что к ним направляется целая рота «*чертей*». Вышедший навстречу колонне прапорщик увидел около роты красноармейцев, возглавляемых офицером. У передовых подразделений 13-й армии не было времени на баню и приведение себя в порядок — они должны были постоянно от-

слеживать отход финнов, и поэтому вид небритых и черных от копоти костров бойцов действительно напоминал описанный постовым образ. Картину довершали буденовки, которые издалека и были приняты за рога.

Начальник поста с помощью жестов и нескольких знакомых русских слов попытался объяснить, что, согласно договору, советская сторона должна занять эту территорию только через несколько часов и что до установленного времени авангардные подразделения РККА не имеют права приближаться к разграничительной линии. Однако красный командир с жаром принялся ему доказывать обратное, с недовольством указывая на столб дыма, поднимающийся из района Кякисалми. Его речь и жесты были столь эмоциональны, что финн быстро уяснил сказанное своим недавним врагом. Советская сторона не могла сидеть на месте, видя, как уходящие со своей бывшей территории финские войска на их глазах уничтожают имущество, которое уже формально принадлежит СССР. Пospорив еще немного, финский прапорщик отдал приказ собраться и покинуть пост. Они договорились, что красноармейцы дадут им время на то, чтобы догнать свои войска, и только потом продолжат свой путь.

Для пехотных подразделений финнов сняться с блиндажного городка и отправиться восвояси не составляло больших проблем, тем более что их позиции и места их дислокации в последние недели войны постоянно подвергались перемещениям.

Сложнее дело обстояло со стационарными укреплениями по берегу Ладоги и имуществом на острове Коневец. В связи с окончанием войны части финской береговой обороны Ладожского озера вышли из подчинения III армейского корпуса, и когда пришло известие о мирном договоре, все оставшееся после налетов бомбардировщиков имущество надо было демонтировать и увезти с передаваемой СССР территории. Если территория батареи «Ярисевя» представляла собой перепаханный бомбами и снарядами мыс с чудом уцелевшим одним домиком, то орудия «Каарнайоки» оставались целыми и невредимыми, не считая изношенных от стрельбы стволов. Демонтаж пушек обеих батарей завершили

за два дня, причем единственное оставшееся покалеченное орудие из «Ярисея» отправили сначала на станцию Мюллюпельто, а затем в Хельсинки под покровом финского национального флага, как почетного покойника. Сейчас именно оно занимает место в экспозиции музея в крепости Суоменлинна.

От ладожских береговых подразделений Финляндии на встречу с советскими парламентариями были высланы три офицера с фамилиями Кареярви, Риисанен и Виитала, которые не забыли взять с собой переводчика Пенттиля. Во главе группы переговорщиков от Красной армии выступал майор Тимофеев. Задачей финнов было обсуждение графика отвода войск и передача планов минных полей. Когда офицеры двух стран встретились на дороге у южной оконечности мыса Юляярви, финны пригласили их в близлежащий дом, недавно оставленный финским взводом и приведенный в нежилое состояние. Войдя внутрь и изумившись царившему во внутреннем помещении разгрому, Тимофеев через переводчика поинтересовался у Кареярви: *«Это и есть ваша западная культура?»*

А с острова Коневец вместе с финским гарнизоном снималось с места подворье с монастырскими монахами. Три месяца они терпеливо переносили налеты советской авиации и сейчас так же смиренно готовились к переезду в глубь Финляндии. Кстати, монастырь почти не пострадал во время боевых действий, и ни один из находившихся на острове монахов не был убит или ранен. Все время они молились...

От Коневца до материка уже протянулся пятикилометровый санный след — эвакуация началась незамедлительно после извещения о заключении мира и его территориальных условиях. 16 марта в три часа дня на остров пришло известие, что русские придут через час. Представители РККА к условленному сроку опоздали, но обитатели Коневца и финский гарнизон оставили остров за полчаса до времени встречи. По воспоминаниям одного из послушников, Андрея Пешкова, события на ладожском острове происходили следующим образом:

«Перед тем как монахи покинули остров, они собрались в храме святого Николы-чудотворца и отслужили молебен, посвя-

ценный Коневецкой иконе божьей матери. После службы игумен потерял самообладание и заявил, что икона должна остаться в монастыре. Однако настоятель заявил, что пока он жив, икона останется при нем. Икона вместе с монахами на санях покинула монастырь... Советскому Союзу в монастыре досталось большое количество имущества, включая церковную библиотеку, за исключением одного старинного издания Ветхого завета. Все имущество монахов в кельях, все иконостасы в церквях, иконы и колокола были оставлены. Единственные колокола, которые удалось вывезти, были из скитов»⁸⁸.

Как бы то ни было, день за днем батальоны 7-й дивизии оставляли Карельский перешеек. Наконец, 22 марта 1940 года последний финский солдат из воевавших на Тайпале полков покинул Элисенваару — городок, ставший после мирного договора пограничным из-за своей близости к новому государственному рубежу.

По их стопам опустевшие населенные пункты занимали квартиры Советской армии. Новым комендантам предстояла большая работа по учету доставшегося имущества. Первым впечатлением у вошедших в город Какисалми подразделений было ощущение полного разгрома. Покидая город, финны попытались привести в негодное состояние все, что было возможно.

Какисалми, или Кексгольм — небольшой, если не сказать маленький городок, утопающий в зелени летом и почти сплошь состоящий из отдельных небольших деревянных домиков, над которыми возвышаются купола православной церкви и лютеранской кирхи. По счастливому обстоятельству, оба архитектурных памятника сохранились до нашего времени, хотя лютеранская церковь давно служит местом увеселения местной молодежи, чему не может помешать даже установленный несколько лет назад рядом с ней памятник над местом упокоения погибших в ту зиму жителей этого города. Кстати, летом 2001 года здание серьезно пострадало от пожара. Но речь не об этом. Несмотря на значительные бомбардировки, разрушения в городе были гораздо меньше, чем, скажем, в Выборге или Сортавале. Это объясняется и гораздо меньшим размером самого города, и малым количеством архитектурных

памятников, и, наконец, меньшей активностью советской бомбардировочной авиации в этом районе по сравнению с западными областями Перешейка. Но то, что успели сделать уходящие из Кексгольма финны, сразу бросалось в глаза. В большинстве зданий были выбиты стекла, разбита мебель, уничтожена утварь. Правда, основной акцент делался на здания, помещения которых наиболее подходили для временного обустройства казарм для входящих в город частей, поэтому жилой фонд (тот, что не пострадал во время авиационных налетов) перешел в руки советских квартирьеров практически нетронутым..

Согласно установившемуся бюрократическому делопроизводству, вошедшим войскам надлежало принять имущество, доставшееся от бывшего противника. Один из таких актов до сих пор занимает достойное место в местном краеведческом музее. В нем тщательно записано, что в помещениях казарм выбиты все окна, а большая часть имущества, в число которого вошел деревообрабатывающий завод Вальдхофа, испорчена. Можно представить злорадство финского ротмистра Валдена, подписывающего этот документ вслед за озабоченным хозяйственными делами первым советским командантом города майором Челюсткиным. Акт маленькой мести за большое поражение состоялся.

Факт передачи города, к которому не удалось прорваться силой оружия в течение всей войны, был оглашен в газете «Ленинградская правда» от 20 марта 1940 года: *«Сегодня в 8 час. 30 минут по ленинградскому времени состоялась передача города Кексгольма командованию Красной армии»*⁸⁹.

Панихида

Война закончилась. Многие из тех, кто о войне раньше судил по советским кинофильмам, а потом своими глазами увидел кровавую кашу перемолотого снега, возвратились домой и постарались все забыть. Призванные из гражданской жизни вместо polegших в декабре кадровых солдат, молодые ветераны мало говорили о пережитом. Вернувшись с фронта, такого близкого и такого беспощадного, они надеялись, что в ближайшем будущем им больше не придется ходить в атаку, мерзнуть в блиндажах и часами лежать на снегу, не поднимая головы. Война многим открыла глаза на всю ее неприглядность и отсутствие пафосного героизма, о котором в победных передовицах трубили газеты и книги. Гораздо реже встречались такие строки, написанные Евгением Долматовским сразу после окончания трехмесячной бойни:

*Никак не можем мы сдружиться с маем
Забыть зимы порядок боевой —
Грозу за канонаду принимаем
С тяжелой завесой дымовой⁹⁰.*

Победы не было. Была тяжесть пережитого и содрогание от воспоминаний.

И еще были однополчане, оставшиеся за рекой Тайпалеенйоки навсегда.

Проблема глобального сбора и похорон погибших солдат, как своих, так и противника, обозначилась несколько раньше. Не успела новость о перемирии облететь все воюющие советские части, как из штабов дивизий в полки полетела телефонограмма: «Командирам частей дивизии. В оперативной сводке представляемой

вами к 5.00 13.3.40 — указать, сколько собрано трупов белофиннов в районе боевого участка вашей части и сколько зарыто»⁹¹.

Телефонограмма пришла, как водится, с задержкой. Поэтому запрашиваемые сведения были дописаны в аккуратно напечатанные на пишущих машинках рапорты уже от руки и выглядели следующим образом: «Обнаружено трупов белофиннов в районе боевого участка 469 СП с 2.3.40 по 13.3.40—23 трупа. Зарыто — 23 трупа. Поиски продолжаются»⁹². В зонах ответственности других полков рапорты выглядели примерно так же...

Когда финские части отошли за новую государственную границу, в Теренттиля и Кирвесмяки прибыли специальные команды, набранные из бойцов воевавших здесь же соединений 13-й армии. Их целью был сбор разбросанного по всем ближайшим полям и остаткам леса оружия и тел погибших солдат, появлявшихся из-под снега под действием начинающего пригревать раннего весеннего солнца.

Большинство найденных тел собрали в большие котлованы, вырытые посередине полей, разделявших позиции противоборствующих сторон в Теренттиля и Коуккуниemi.

На этом похороны не завершились. Основные работы по сбору оружия и останков погибших продолжались до самого лета. Слишком много полегло здесь солдат, чтобы все их захоронения можно было завершить за две-три недели. Найденные вдалеке от основных мест захоронений разложившиеся человеческие останки в валенках и полушубках прикапывали тут же, причем офицеры топографической службы иногда наносили на карту места последнего упокоения сложивших голову бойцов. В результате этих действий не только территория боев в районе Тайпале, но и весь Карельский перешеек стал напоминать одно гигантское войсковое кладбище. Когда результаты такой работы дошли до Москвы, в Кремле схватились за голову. В июне 1940 года Тимошенко направил в Ленинградский военный округ приказ с требованием создать комиссию по уборке трупов и захоронению их в братских могилах с тем, чтобы к 25 июня такие работы были завершены. Во главе похоронной комиссии поставили корпусного комиссара Мельникова. За дело принялись всерьез.

Из докладной записки этой комиссии «О состоянии братских могил и кладбищ на Карельском перешейке»: *«В результате проведенной комиссией работы было ликвидировано 2856 одиночных могил. Все трупы из них были перевезены в братские могилы и кладбища, и вместо большого количества случайных и одиночных могил было приведено в порядок 428 братских могил и кладбищ. Каждая могила обнесена оградой и силами частей сделаны памятники»*⁹³.

В конце записки у политического управления РККА запрашивалось двенадцать миллионов рублей на шесть монументальных памятников, посвященных завершенным боям. Последним в списке значился монумент под названием *«Переправа реки Тайпалеенйоки»*...

В течение 1940 и начала 1941 года видные художники и скульпторы Советского Союза успели разработать проекты этих памятников. В Доме художников в Ленинграде даже прошла выставка этих проектов, но затем началась Великая Отечественная, и всей стране стало уже не до увековечивания памяти погибших в трехмесячном конфликте...

Конечно же, всех убитых и оставленных на болях брани Финской войны собрать не удалось, это была невыполнимая задача. Обрушенные блиндажи с находившимися в них трупами никто не раскапывал и засыпавшие покойников на дне траншей обваленные брустверы никто не приводил в порядок. Поэтому жертвы той зимы на Тайпале почти каждый год находятся поисковиками и подхораниваются в расположенных неподалеку четырех братских могилах. А было этих захоронений в 1940 году, даже после «генеральной чистки» под руководством комиссии Мельникова, только в районе полуострова Коуккуниemi одиннадцать штук, каждое из которых было ограждено заборчиком, оборудовано одним или несколькими обелисками с вырезанными из патронных цинков надмогильными звездами.

А те несчастные, что скончались от ран в госпиталях в Ленинграде, были погребены на городских кладбищах — Академическом, Волковом, Сестрорецком, Малоохтинском и Гореловском.

Война закончилась и, казалось, больше не начнется никогда. В обеих странах начали издаваться книги участников боев, написанные по свежим воспоминаниям. В Финляндии боям на Тайпале посвящал свои стихи уже упоминаемый поэт Юрье Юлхя.

В Советском Союзе о тех же местах писал тот же Долматовский:

*Сквозь гром был слышен голос одинокий —
Звал санитаря раненый в потоке...
Тяжелую волну несла в века
Одна, одна река Тайпалеен-йоки —
Холодная и быстрая река⁹⁴.*

О боях в районе реки Тайпалеен-йоки вспоминали участники сражений в выпущенном в СССР сборнике «Бои в Финляндии» и во многих других литературных опусах, больших и маленьких.

В высших эшелонах власти и Советского Союза, и Финляндии устраивали «разборы полетов» по результатам маленькой и непобедоносной войны, и также не могли обойти вниманием сто дней кровопролития на полуострове между озером Суванто и Ладогой. В своих воспоминаниях Маннергейм писал, что «оборонительные бои в районе Тайпале следует отнести к крупнейшим достижениям «Зимней войны». Поскольку противник наступал большей частью по льду озер и по открытой местности, его потери были безотносительно тяжелыми»⁹⁵.

В Москве, на совещании при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий в Финляндии, комкор Грендаль признался, что прорвать оборону финнов в означенном районе его войскам не удалось, но «на Тайпаленском секторе противник понес огромные потери и потерял к концу войны почти всю глубину обороны линии Маннергейма на этом участке»⁹⁶.

На сами же аннексированные территории Карельского перешейка вслед за войсковыми частями начали прибывать первые поселенцы. Кексгольм, бывший целью 13-й армии, нуждался в рабочих руках, чтобы восстанавливать уничтоженное или испор-

ченное финнами имущество и оборудование. Главной промышленной ценностью этого городка был целлюлозно-бумажный комбинат Вальдхофа, приведенный ухившими из города хозяевами в нерабочее состояние. Для его восстановления, всего через месяц после окончания войны, в Кексгольм прибыл первый эшелон с заключенными, чтобы организовать здесь «Кексгольмлаг», очередной островок гигантской империи НКВД. Официально он назывался «ИТЛ Спецстроительства целлюлозно-бумажных объектов Карело-Финской ССР» и к концу 1940 года имел около четырех тысяч осужденных, трудящихся на восстановлении завоеванного.

Восстанавливались и прерванные войной дипломатические отношения. Недавние противники встречались уже не как командиры противоборствующих войск, а в качестве военных представителей. Осенью 1940 года, на одной из таких встреч в Финляндии, в разговоре финского генерала-артиллериста Ненонена и советского военного атташе полковника Смирнова зашла речь о недавней войне, а чуть позже и о командующем 13-й армией Грендале. Ненонен вспомнил, что до начала Первой мировой войны они служили с ним в Таллине в одном полку, и даже снимали квартиры в одном доме.

«Когда вы возвратитесь в СССР, передайте Грендалю мои наилучшие пожелания», — сказал финский генерал. В ответ Смирнов немного помолчал и произнес: *«Вы знаете... Он недавно умер».*

Удачно избежав опасности своей эпохи, Владимир Давыдович Грендаль не смог избежать судьбы, уготованной ему свыше. Он умер 16 ноября 1940 года, в госпитале, от рака легких. Болезнь обнаружили слишком поздно, она быстро прогрессировала, и видимо, когда он командовал войсками на востоке Карельского перешейка, он уже знал, что обречен.

Его похоронили на Новодевичьем кладбище в Москве, устроив ему пышные воинские почести и напечатав в «Известиях» большой некролог с фотографией. Среди многочисленных наград, оставшихся его семье, был орден Ленина, которым его наградило правительство за участие в Финской войне, последней войне в его жизни.

Тем временем мирная жизнь новых хозяев города Кексгольма, равно как и всего Карельского перешейка, продолжилась всего год с небольшим. В июне 1941 года Советский Союз разорвали моторизованные колонны вермахта. Через месяц после начала Великой Отечественной войны, почувствовав удобный момент вернуть отнятое, финские войска ввязались в боевые действия против СССР и перешли границу 1940 года. Старые хозяева утерянных территорий жаждали реванша.

В конце августа 1941 года, вытесняя за линию старой границы сопротивляющиеся части советской 23-й армии и остатки пограничных отрядов, на берега Тайпалеен-йоки вновь вернулись финские солдаты. Фронт стабилизировался почти на самой старой границе, и долина Тайпале оказалась в тылу. Сформировавшаяся в районе Лемболово передовая оказалась одной из самых спокойных на всей линии противостояния от Баренцева до Черного морей на целых три года Великой Отечественной, с 1941 по 1944-й.

Пользуясь установившимся положением влатотекущей позиционной войны, Маннергейм поставил вопрос о постройке новых оборонительных сооружений на Карельском перешейке, так как оставшиеся невредимыми в ходе «Зимней войны» ДОТы все были подорваны советскими саперами.

В один из осенних дней 1941 года на дороге, пролегающей по выжженной территории Теренттиля, остановился кортеж легковых машин. Дверцы автомобилей распахнулись, и на дорогу вышла небольшая группа людей, среди которых выделялась высокая фигура в маршальской форме. Сам Маннергейм прибыл на места, о которых он полтора года назад в течение ста дней читал в доставляемых ему на стол оперативных сводках. Приехал он сюда не один. С ним были первые лица государства, принявшие его предложение о своеобразной экскурсии на один из немногих участков бывшей линии фронта, где, можно сказать, началась и закончилась «Зимняя война».

Побывал в этих местах и другой известный в Финляндии непосредственный участник смертельной схватки двух армий на Тайпале — поэт Юлхя. Стоя по пояс в высокой сентябрьской траве, он

вспоминал эти места другими, белыми, заснеженными. Он вспоминал, как, будучи командиром взвода, он был ранен при попытке выбить русских с полуострова Коуккуниemi, и как, скорчившись у керосиновой лампы в тесном блиндаже, писал свои стихи, перекладывая увиденное и пережитое на бумагу. Воспоминания, как и его стихи, были свежи и невеселы. Одни названия его сочинений говорят сами за себя: «Чистилище», «Прощай, Кирвесмяки», «Колодец» (поэтическое повествование об испытывающем невероятную жажду раненом солдате) и так далее и так далее...

А затем здесь началось новое строительство.

Именно в период с 1942 по 1944 год через поля Кирвесмяки и Теренттиля протянулась цепь противотанковых надолбов, которые по сей день принимаются туристами и местными жителями за укрепления линии Маннергейма. Старые окопы, почти полностью разрушенные огнем советской артиллерии в 1940 году, укреплялись и углублялись. Взорванные ДОТы уже не восстанавливались — вместо них строились новые бетонированные укрытия для личного состава и пулеметные казематы, расположенные в наиболее критических узлах обороны. Опыта по определению таковых было в избытке — достаточно было собрать и проанализировать журналы боевых действий, которые велись в каждом из занимавших оборону на Тайпале батальоне. Учитывая многочисленные, если не сказать массовые, воспоминания своих недавних ветеранов «Зимней войны» о том, что укреплений на Тайпале, можно сказать, не было вообще, в период 1942—1943 годов финские военные строители понатыкали вдоль бывшей оборонительной полосы бетонные сооружения чуть ли не через каждые сто метров.

Во время строительных работ солдаты дислоцированной здесь 19-й пехотной бригады часто натыкались на останки тех, кто был погребен под слоем земли и не был обнаружен советскими похоронными командами. В большинстве случаев уже невозможно было идентифицировать личность военнослужащего, поэтому определению подвергалась только его принадлежность к той или иной стороне. Найденные скелеты своих солдат финны сначала

похоронили в районе 4-го опорного пункта в Теренттиля, недалеко от перекрестка «ворот Тайпале». Затем, чтобы не мешать возведению новых бетонных сооружений, останки были перенесены в район песчаного карьера Хиеккакуоппа.

Останки советских бойцов, коих находили гораздо больше, просто прикапывались в близлежащих воронках без каких-либо опознавательных знаков.

В период новых строительных работ финны восстановили мост через Тайпалеен-йоки, который сразу же после окончания «Зимней войны» был возведен советскими военными строителями в районе бывшего парома и который был уничтожен отступающими саперами 23-й армии в августе 1941 года. Мост был довольно непрочный, но тем не менее позволял без затруднений осуществлять связь между двумя берегами.

Новая фортификационная линия являлась третьей из трех оборонительных полос, пересекших Карельский перешеек от Финского залива до Ладожского озера, и получила название ВКТ, «Виипури—Купарсаари—Тайпале». Вторая линия ВТ («Ваммелсуу—Тайпале») проходила южнее, а первой, по сути, являлась линия фронта.

Как и все финские оборонительные сооружения на Перешейке, линия ВКТ так и не была окончательно достроена. В июне 1944 года советские войска мощным ударом прорвали финскую оборону у Куутерселья (Лебяжье) и после стремительного штурма овладели Выборгом. Время наступления не было удачным для Финляндии — более трети личного состава ее вооруженных сил находилось в отпусках. Оборона финнов вновь, как и в 1940 году, была прорвана на выборгском направлении. Находившиеся на второстепенном кексгольмском направлении части советской 23-й армии не вступали в серьезные столкновения с противником — в основном из-за того, что финские войска после прорыва их линии на юго-западе, у Куутерселья и Сиранмяки, отступили за Суванто-ярви из-за боязни быть окруженными. В отличие от западной части Карельского перешейка советское наступление на этом направлении не отличалось стремительностью. Зачастую отступающий противник и продвигающиеся вперед подразделения

советских войск шли параллельными дорогами, стараясь не замечать друг друга и не вступать в перестрелку. Если же стычки было не избежать, финны ограничивались коротким обстрелом атакующих и скрывались в лесу. Мало-помалу все отступающие с Лемболово финские части 19-й бригады и сформированной за время позиционного «сидения» 15-й пехотной дивизии перекочевали за водный рубеж, опять уничтожив мост через Тайпалеен-йоки, и приготовились к обороне.

К 18 июня 1944 года 142-я стрелковая дивизия вышла к водной системе Суванто—Тайпалеен-йоки, но уже не пыталась, как это было пять лет назад, с ходу атаковать.

Конечно, и Вуоксу, и Суванто-ярви переплывали разведывательные группы. За июль месяц в журналах боевых действий финских частей в общей сложности насчитывалось около пятидесяти отчетов о попытках противника пересечь разделившую две армии водную преграду, причем примерно половину из разведывательных выходов своего неприятеля пресечь финнам не удалось. Особо пристальное внимание уделялось самым узким местам проточных озер — Кивиниеми и Тайпалеен-йоки. Но в конце июня стало понятно, что вся активность Красной армии на востоке Карельского перешейка была лишь отвлекающим маневром.

Памятуй о событиях «Зимней войны», советское командование нанесло основной удар с западного фланга обороны, в районе также известной по событиям марта 1940 года деревни Вуосалми, пытаясь отсечь всю оборону финнов, протянувшуюся на шестьдесят километров по реке Вуокса до Ладожского озера.

Опять, как и четыре года назад, в Вуосалми шли кровопролитные бои с той разницей, что солдат окружал не зернистый мартовский снег, а июльская трава и молодые побеги оставшихся после артиллерийских ударов деревьев. И снова для финской армии повторялась история конца февраля 1940 года. Резервов не было. Для сдерживания натиска советских войск с востока на плацдарм Вуосалми срочно отзывали всю 15-ю дивизию и часть подразделений 19-й бригады, тем самым ослабляя оборону по линии ВКТ вдоль северного берега Вуоксы до самой Ладоги.

Пытаясь по максимуму снизить потери личного состава, 14 июля 1944 года командующий финской армией на Перешейке генерал Харальд Эквист отдал приказ, запрещающий своим частям осуществлять любые виды наступательной деятельности.

Однако, как водится, в штаб 19-й бригады этот приказ пришел с запозданием.

И именно той же ночью, с 14 на 15.07, командир бригады полковник Маскула решил осуществить разведывательную вылазку на занятую частями 142-й стрелковой дивизии территорию, форсировав реку Тайпалеен-йоки. Недооценка Маскулой неприятеля оказалась чудовишной. У советских подразделений был богатый четырехлетний опыт ведения жестокой войны не на жизнь, а на смерть с одной из самых сильных армий того времени, немецким вермахтом. И если по южному берегу Тайпалеен-йоки должны были быть рассредоточены красноармейские дозоры, то они были не только в нужных местах, но и обладали завидной реакцией, связью и умением воевать.

Финской разведпартии не дали даже толком добраться до темнеющего южного берега реки, заставив поспешно отступить всех без исключения. Помимо убитых и раненых младших чинов, 19-я пехотная бригада недосчиталась нескольких офицеров, занимавших весьма значительные должности. В бою погиб командир самой ударной группы Лахти, а также приданные из оперативного отдела бригады для сбора важной информации майор Руоколахти и капитан Риисанен. Кроме этого, был ранен командир одного из батальонов бригады майор Кямари, которого пришлось заменять другим офицером.

Больше в период лета 1944 года ни финны, ни красноармейцы Тайпалеен-йоки преодолеть не пытались.

Сражение в Вуосалми затихло только к моменту начала мирных переговоров в августе месяца, когда Выборг уже был советским и сопротивление Финляндии вело только к бессмысленным жертвам.

Тем не менее вновь, как и весной 1940 года, финские части оставили территорию к северу от Тайпале с городом Кексгольмом

в результате мирных переговоров, а не непосредственных боевых действий.

В конце сороковых годов на территорию деревень Теренттиля и Кирвесмяки вновь, как и в 1940 году, прибыли советские поселенцы, поражающиеся обилию военного ржавья, рассыпанного по близлежащим болотам и роцам. Перед заселением гражданскими лицами все бетонные сооружения, из которых состояла линия ВКТ, опять были методично, один за другим, взорваны саперами.

Через десяток лет после окончания Второй мировой войны на месте, где собранные в большую братскую могилу покоятся тела сотен советских бойцов, был сооружен обелиск. Немногочисленные фамилии на надгробных камнях принадлежат только тем павшим, которые по непонятной случайности были обозначены в списках, «прикомандированных» к данному захоронению. Помимо выбитых в камне фамилий, к обелискам в нескольких местах прикреплены небольшие таблички с именами тех погибших советских солдат, о которых неимоверными усилиями и упорством удалось выяснить приблизительное место их упокоения их родственникам. Как уже было сказано, и могилы, и редкие имена пополняются почти каждый год благодаря работе поисковых отрядов.

В годы послевоенного восстановления хозяйства в планы по индустриализации присоединенных к Союзу территорий вошел проект о возведении на реке Бурной гидроэлектростанции, получившей название Нижне-Вуоксинской ГЭС. Если бы этот проект реализовали, то из-за предполагаемой на реке плотины вода в озере Суходольском и реке Вуоксе вновь, как и в предыдущие века, поднялась бы и затопила многие гектары полей и лесов, скрыв под собой в том числе и большинство полей брани на Тайпале.

На протяжении последующих нескольких десятилетий район, окаймленный Суходольским и Ладожским озерами, превратился в заказник для высших чинов ленинградской партийной организации. Леса, в которых охотились «слуги народа», были закрыты для простых смертных. Забредшего сюда случайного путника раз-

ворачивали кордоны. До недавнего времени об «охотничьем прошлом» здешних мест напоминают только егерские вышки, стоящие вдоль дороги от Громова до Соловьево, да почти нетронутая дикая природа, позволяющая увидеть свободно блуждающих по лесу лосей, кабанов и даже оленей. Удаленность от основных магистралей Карельского перешейка и отсутствие туристского паломничества позволили здешним местам на долгие годы остаться «законсервированными» и донести до наших дней свидетельства огненных месяцев войны.

Время и природа изменили ландшафт долины реки Тайпале. Многие из полей, впитавших кровь граждан СССР и Финляндии, заросли лесом. Нет уже болотных лугов Суонийтют — разросшийся березняк мешает дать волю воображению и представить, что семьдесят лет назад здесь было открытое пространство, густо покрытое воронками от снарядов и бомб. Бывшие когда-то широкими луга в Кирвесмяки сузились до небольших пустошей. Овраг Мустаоя также покрыт лиственными деревьями. Только поле на территории бесследно исчезнувшей деревни Теренттиля, через которое более полувека назад плотными группами перебежали бойцы Красной армии, сохранило свою конфигурацию. Правда, теперь на месте, где когда-то происходили кровопролитные сражения, расположились современные постройки и взлетно-посадочная полоса, да дачные участки с симпатичными особняками, которых год от года становится все больше.

Уничтоженный мост через Тайпалеен-йоки больше не восстанавливался. Еще долгие годы после окончания войны он напоминал о своем существовании выступающими из воды остатками деревянных свай, пока время окончательно не смыло его следы. Единственным средством преодоления реки Бурной после войны стал паром, пересекающий ее почти в том же месте, где в декабре 1939 года 6-й понтонный батальон навел свою переправу. Паром действовал до недавнего времени, позволяя с мая по октябрь существенно сократить путь из Петербурга к местам былых сражений. После продажи земель к северу от реки в частное пользование паром закрыли, и теперь единственным сухопутным путем к

Тайпале осталась старая рокадная дорога, протянувшая свое разбитое полотно вдоль северного берега Суходольского озера.

В выпускаемой на протяжении более полувека в СССР военной литературе история проходившей в этих местах войны освещалась только краткими фразами о неудаче советских войск. Кроме этого, о кровопролитных попытках прорыва немцами напоминаниями о судьбе бойцов стали обелиски над братскими могилами, которые можно встретить в пяти близлежащих поселках, получивших после войны названия Громово, Запорожское, Пятиречье, Саперное и Сосново. Могилы с обелисками в четырех первых поселках являются результатом нескольких перезахоронений, последнее крупное из которых, согласно базе данных «Мемориал», было осуществлено в 1959—1960 годах. Единственным нетронутым и сохранившимся надгробием 1940 года остается братская могила в Сосново. К сожалению, время не сохранило ни одной фамилии погребенных там солдат, ни на бетонных обелисках, ни в документах. По крайней мере пока... Все что осталось — черная табличка о вечной памяти погибшим в боях с белофиннами. Да и ту не так давно заменили на более политкорректную.

Необходимо отметить, что в период 1941—1944 годов состоявшие советских братских могил, оставшихся на занятой противником территории, не претерпело изменений. Финны охотно фотографировались на фоне кладбищенских обелисков своего неприятеля, поэтому изображения многих захоронений периода войны дошли до наших дней. Впрочем, свои могилы они запечатлевали тоже весьма часто.

Понятно, что после окончания войны для финнов эта территория была закрыта вплоть до 1989 года. Когда у наших северных соседей появилась возможность посетить места, о которых они с детства слышаны, пейзаж Тайпале дополнился их свидетельствами уважения к прошедшим здесь историческим событиям. В 1991 году финские ветераны установили в районе бывшей 4-й позиции в Терентгиля скромный крест, в память о сражавшихся и погибших здесь однополчанах, а также как напоминание, что на этом месте была первая братская могила неопознанных воен-

нослужащих Финляндии. Спустя несколько лет в районе карьера «Хиеккакуоппа», на месте перезахоронения финских солдат, был сооружен уже капитальный памятник погибшим здесь солдатам 7-й пехотной дивизии. Помимо этих знаков почтения своих земляков, есть еще один небольшой памятный знак недалеко от «Улицкого шанца», в том месте, где прямым попаданием снаряда был уничтожен финский блиндаж.

Есть ещеobeliski, установленные отечественными энтузиастами. Один из них находится недалеко от «ворот Тайпале», развилки дорог посредине поля бывшей деревни Теренттиля. Кроме этого, многие случайно найденные места одиночных захоронений отмечаются поисковиками скромными деревянными крестами.

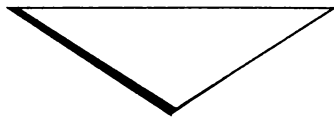
Бои в районе Тайпале были столь ожесточенными, что даже сейчас, по прошествии более семидесяти лет, немые свидетели тех событий встречаются почти на каждом шагу. Земля здесь начинена металлом — осколками, остатками амуниции и боеприпасов. Каждый год весенние ручьи вымывают то ручную гранату, то ржавую каску, а то и кости финского или советского солдата. Для того чтобы увидеть следы давно закончившейся войны, не надо глубоко зарываться в землю — их достаточно на поверхности. Тысячи красноармейцев нашли здесь свое последнее пристанище. Глядя на найденные останки сложивших здесь свою голову воинов, уже никто не испытывает не только злобы или ненависти, но и скорби — родственников погибших на той войне все меньше и меньше, а сама она была скрыта неизмеримо большей трагедией Великой Отечественной.

Возможно, неискушенный человек, побывавший в этих местах, не заметит ничего необычного в окружающем его пейзаже. разве что растущие в лесу шестидесятилетние сосны, в отличие от своих собратьев в других районах Карельского перешейка, не стройные, а крученые и сучковатые из-за действия осколков во времена, когда они были невысоким подлеском. И лес вокруг полон заросших мхом и травой ям, служивших когда-то укрытием для бойцов.

Но любому мало-мальски впечатлительному человеку, хотя бы поверхностно знающему историю происходивших здесь событий,

иногда становится не по себе. Есть какая-то печальная аура у мест, в окрестностях которых несколько десятилетий назад воздух был наполнен ненавистью, отчаянием, страхом, болью и смертельной усталостью. Места, где в течение минут с жизнью расставались десятки людей, каждый из которых жил, любил, надеялся, был полон планов на будущее. Кажется, что тысячи криков растворились в гробовой тишине «гиблого» болота Теренттилянсуо, в поминальном шепоте ветерка на бетонных руинах «Алказара», в печальном журчании порога Кемппилянкоски...

Проходя мимо немых свидетелей былого, стоит остановиться у обелисков финским и советским солдатам, прочитать немногочисленные имена на надгробных плитах и задуматься — за что они пожертвовали самым дорогим, что у них было...

Приложения

Приложение 1

БОЕВОЙ СОСТАВ ВОЮЮЩИХ СТОРОН В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА⁹⁷

Финляндия

Оперативная группа прикрытия «Р» (Рауту)

Командир — полковник Ауно Каила

3-я бригада (3.Pr) с артиллерийским батальоном (Psto/3Pr)

6-я пограничная рота (RK6)

7-я пограничная рота (RK7)

8-я пограничная рота (RK8)

4-й егерский батальон (JP4)

6-й отдельный батальон (Er.P.6)

Группа «Метсаяпиртти» (MO) — 8-я и 9-я отдельные роты (8.Er.K, 9.Er.K) и 2-я отдельная арт. батарея (2.Er.Ptri).

III армейский корпус*

Командующий — генерал-майор Эрик Хейнрикс (30.11.1939—19.02.1940), генерал-майор Пааво Талвела (19.02.1940—13.03.1940)

8-я пехотная дивизия (8D)

Командир — полковник Клаус Виннел

Состав:

23-й пехотный полк (JR23) — принимал участие в боях в составе 10-й (7-й) дивизии

24-й пехотный полк (JR24)

26-й пехотный полк (JR26)

8-й артиллерийский полк (KTR8)

8-й легкий отряд (Kev.Os.8)

10-я пехотная дивизия (10D), с 1.01.1940. — 7-я пехотная дивизия (7D)

Командир — полковник Вильо Кауппила (30.11.1939—7.12.1939), полковник Аарне Блик (7.12.1939—15.01.1940), полковник Айнар Вихма (15.01.1940—13.03.1940)

Состав:

28-й пехотный полк (JR28), с 1.01.1940 — 19-й пехотный полк (JR19)

29-й пехотный полк (JR29), с 1.01.1940 — 20-й пехотный полк (JR20)

30-й пехотный полк (JR30), с 1.01.1940 — 21-й пехотный полк (JR21)

10-й артиллерийский полк (KTR10). С 1.01.1940 — 7-й артиллерийский полк (KTR7)

10-й легкий отряд (Кев.Ос.10), с 1.01.1940 — 7-й легкий отряд (Кев.Ос.7)

21-я пехотная дивизия (21D) (На фронте с февраля 1940 г.)

Командир — полковник Ниило Херсало

Состав:

61-й пехотный полк (JR61)

62-й пехотный полк (JR62)

63-й пехотный полк (JR63)

21-й артиллерийский полк (KTR21) — В боях не участвовал ввиду отсутствия вооружения.

Отдельные части

Кавалерийский полк «Хяме» (HRR)

Кавалерийский полк «Ууденмаа» (URR)

4-й тяжелый артиллерийский батальон (Rask.Psto.4)

* Указаны только боевые части. В состав корпуса также входили отдельные саперные подразделения и подразделения связи.

СССР

Северо-Восточная особая группа (в составе 7-й армии с 4.12.1939 по 26.12.1939)

Командир — комкор В.Д. Грендаль

13-я армия (сформирована 26.12.1939)

Командир — командарм II ранга В.Д. Грендаль (с 2.03.1940 — комкор Ф.А. Парусинов)

3-й стрелковый корпус

Командир — комдив П.А. Батов

49-я стрелковая дивизия ★

Командир — комбриг Р.И. Воробьев

15-й, 212-й, 222-й стрелковые полки, 166-й гаубичный артполк,
31-й легкий артполк, 391-й бронепатальон

150-я стрелковая дивизия

Командир — полковник С.А. Князьков (С 20.02.1940 — комбриг А.И. Пастревич)

469-й, 674-й, 756-й стрелковые полки, 418-й гаубичный артполк, 328-й артполк, 442-й бронепатальон

15-й стрелковый корпус (в составе 13-й армии с 7.01.1940)

Командир — комбриг М.Ф. Королев

4-я стрелковая дивизия

Командир — комбриг Ключников (С 19.01.1940 — комбриг И.Н. Музыченко)

39-й, 101-й, 220-й стрелковые полки, 40-й артполк, 95-й гаубичный артполк, 320-й бронепатальон

8-я стрелковая дивизия (в составе 15-го стрелкового корпуса с 8.03.1940)

Командир — комбриг П.Н. Рубцов

151-й, 229-й, 310-й стрелковые полки, 62-й артполк, 117 гаубичный артполк, бронепатальон

17-я моторизованная стрелковая дивизия ★

Командир — комбриг Т.К. Бацанов

55-й, 271-й ★, 278-й мотострелковые полки, 20-й легкий артполк, 350-й бронепатальон

50-я стрелковая дивизия

Командир — комбриг С.И. Еремин

2-й, 49-й, 359-й ★ стрелковые полки, 202-й артполк ★, 257 гаубичный артполк, 393-й бронепатальон

142-я стрелковая дивизия ★ (в составе 15-го стрелкового корпуса в январе 1940, с февраля 1940 — в качестве отдельной дивизии)

Командир — комбриг П.С. Пшенников

19-й★, 461-й, 701-й стрелковые полки, 260-й гаубичный артполк, 334-й артполк★, 445-й бронеполк

19-й стрелковый корпус (в составе 13-й армии с 1.03.1940)

Командир — комдив Ф.Н. Стариков

24-я стрелковая дивизия

Командир — комбриг П.Е. Вещев

7-й, 168-й, 274-й стрелковые полки, 160-й артполк, 246-й гаубичный артполк, 315-й бронеполк

80-я стрелковая дивизия

Командир — комбриг В.И. Прохоров

77-й, 153-й, 218-й стрелковые полки, 88-й артполк, 375-й гаубичный артполк, 236-й бронеполк

90-я стрелковая дивизия

Командир — комбриг П.А. Зайцев

173-й, 286-й, 588-й стрелковые полки, 149-й гаубичный артполк, 96-й артполк, 339-й бронеполк

23-й стрелковый корпус (в составе 13-й армии с 30.01.1940)

Командир — комдив С.Д. Акимов

62-я стрелковая дивизия

Командир — комбриг С.М. Кондрушев

123-й, 124-й, 306-й★ стрелковые полки, 150-й гаубичный артполк, 80-й артполк, 368-й бронеполк

97-я стрелковая дивизия

Командир — полковник Г.И. Шерстюк

69-й★, 136-й, 233-й стрелковые полки, 98-й гаубичный артполк, 41-й артполк, 377-й бронеполк

136-я стрелковая дивизия ★★

Командир — комбриг С.И. Черняк

387-й, 541-й, 733-й стрелковые полки, 291-й легкий артполк★

10-й танковый корпус

Командир — комкор П.Л. Романенко

Отдельные части

1-я отдельная минометная батарея (120-мм)

4-й отдельный лыжный эскадрон

5-й авиаотряд (аэростаты)

- 6-й отдельный понтонно-мостовой батальон ★
7-й отдельный понтонно-мостовой батальон
8-я минометная батарея
11-я железнодорожная батарея КБФ
14-й отдельный танковый батальон
28-й кавалерийский полк
39-я отдельная легкая танковая бригада ★ ★
40-й артиллерийский дивизион большой мощности
41-й отдельный танкетный батальон
47-й корпусный артполк
49-й корпусный тяжелый артполк ★
60-й отдельный лыжный батальон
60-й отдельный бронепоезд
73-й отдельный бронепоезд
81-й танковый батальон
91-й отдельный лыжный батальон
97-й отдельный лыжный батальон
98-й отдельный лыжный батальон
101-й гаубичный артполк ★
116-й гаубичный артполк Резерва Главного Командования ★
136-й гаубичный артполк ★
137-й гаубичный артполк большой мощности ★
175-й отдельный разведывательный батальон
204-й огнеметный танковый батальон
241-й зенитный артдивизион
267-й корпусный тяжелый артполк
311-й пушечный артполк ★
317-й артдивизион большой мощности
375-й гаубичный артполк Резерва Главного Командования
402-й гаубичный артполк большой мощности Резерва Главного Командования ★
455-й корпусный артполк ★
★ ★ *Соединения, награжденные за Финскую кампанию орденом Ленина.*
★ *Соединения и подразделения, награжденные за Финскую кампанию орденом Красного Знамени.*

ПОТЕРИ ВОЮЮЩИХ СТОРОН В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ
КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА

Финляндия (III армейский корпус)⁹⁸

Виды потерь	Всего
Убито и умерло на этапах санитарной эвакуации	2526
Пропало без вести	759
Ранено, контужено, обожжено, обморожено	7029
Всего	10350

СССР (13-я армия Северо-Западного фронта)⁹⁹

Виды потерь	Командиры	Младшие командиры	Рядовые	Всего
Убито и умерло на этапах санитарной эвакуации	1239	2430	13209	16878
Пропало без вести	106	376	3344	3826
Ранено, контужено, обожжено, обморожено	3604	7330	49226	60160
Всего	4949	10136	65779	80864

**КОЛИЧЕСТВО БРАТСКИХ МОГИЛ И КЛАДБИЩ,
СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ МЕСТАМ БОЕВ И ЧАСТЯМ
13-й АРМИИ РККА НА 1.07.1940 ГОДА¹⁰⁰**

№ по п/п	Наименование районов боев и соединений, участвовавших в этих боях	Количество братских могил и кладбищ	Количество трупов, похороненных в братских могилах и кладбищах
1	Симола, Репола, Теренттиля (49 СД)	11	1545
2	Хатаккала, Метсяпиртти, Коуккунисми (150 СД)	5	726
3	Рауту, Волоссула (142 СД)	4	452
4	Келья, Кивинисми (4 и 142 СД)	4	Не установлено
5	Мааселья (90 СД)	1	69
6	Лехтола, Хампала, Хари (43 СД)	3	72
7	Сииранмяки, Саренмаа (24 СД)	1	100
8	Синтола (4 СД)	1	169
9	Ст. Яюряпя, Паккола, Апула (97 СД)	7	846
10	Ст. Валкярви, пст. Пуннус, Колккола (50 СД)	4	627
11	Ритасаари, Мялксля, Салми (8 СД)	6	441
12	К-ка Муолаа, Кангаспелто, Ойнала, Рантакюля (136 СД)	13	2184
13	Кякимяки, Хейнйоки (80 СД)	3	251
14	Пилпула, Кянтюмя (90 СД)	3	459
15	Лююкюля (51 СД)	2	284

ПОГОДНЫЕ УСЛОВИЯ В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ФИНСКОЙ ВОЙНЫ В РАЙОНЕ ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ТАЙПАЛЕ (НА ОСНОВАНИИ ЕЖЕДНЕВНЫХ ЗАПИСЕЙ В ЖУРНАЛЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ МИНОМЕТНОЙ РОТЫ 30-го (21-го) ПЕХОТНОГО ПОЛКА 10-й (7-й) ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ АРМИИ ФИНЛЯНДИИ)¹⁰¹

Дата	Температура, °С	Погода	Дата	Температура, °С	Погода	Дата	Температура, °С	Погода
29.11.1939	+2	Снегопад	01.01.1940	-4	Потепление	01.02.1940	-8	Ясно
30.11.1939	-3	Нет данных	02.01.1940	-7	Похолодание, снегопад	02.02.1940	-12	Нет данных
01.12.1939	+1	Нет данных	03.01.1940	-8	Похолодание	03.02.1940	-10	Ясно
02.12.1939	-2	Облачно	04.01.1940	-6	Потепление	04.02.1940	-7	Облачно
03.12.1939	-3	Облачно	05.01.1940	-5	Вьюга	05.02.1940	-5	Вьюга
04.12.1939	-1	Вьюга	06.01.1940	-12	Ясно, мороз	06.02.1940	-6	Вьюга
05.12.1939	+2	Туман	07.01.1940	-27	Ясно, мороз	07.02.1940	-18	Ясно, мороз
06.12.1939	+1	Нет данных	08.01.1940	-24	Ясно	08.02.1940	-25	Ясно
07.12.1939	+2	Туман	09.01.1940	-18	Нет данных	09.02.1940	-20	Нет данных
08.12.1939	-2	Сыро	10.01.1940	-11	Нет данных	10.02.1940	-15	Вьюга
09.12.1939	-3	Морозно	11.01.1940	-10	Нет данных	11.02.1940	-12	Облачно
10.12.1939	-6	Морозно	12.01.1940	-8	Нет данных	12.02.1940	-14	Вьюга
11.12.1939	-5	Морозно	13.01.1940	-7	Нет данных	13.02.1940	-20	Ясно
12.12.1939	-3	Оттепель	14.01.1940	-6	Нет данных	14.02.1940	-22	Ясно
13.12.1939	-2	Оттепель	15.01.1940	-20	Нет данных	15.02.1940	-26	Ясно
14.12.1939	-3	Оттепель	16.01.1940	-28	Нет данных	16.02.1940	-23	Ясно
15.12.1939	-2	Оттепель	17.01.1940	-38	Нет данных	17.02.1940	-20	Облачно

Дата	Температура, °С	Погода	Дата	Температура, °С	Погода	Дата	Температура, °С	Погода
16.12.1939	-3	Ясно	18.01.1940	-32	Нет данных	18.02.1940	-22	Ясно
17.12.1939	-3	Облачно	19.01.1940	-25	Нет данных	19.02.1940	-21	Ясно
18.12.1939	-1	Оттепель	20.01.1940	-18	Нет данных	20.02.1940	-20	Ясно
19.12.1939	-4	Встрено	21.01.1940	-15	Ясно	21.02.1940	-18	Шторм
20.12.1939	-6	Похолодание	22.01.1940	-16	Ясно	22.02.1940	-14	Вьюга
21.12.1939	-8	Встрено	23.01.1940	-12	Облачно	23.02.1940	-8	Облачно
22.12.1939	-6	Вьюга	24.01.1940	-15	Нет данных	24.02.1940	-8	Снегопад
23.12.1939	-6	Встрено	25.01.1940	-14	Переменно	25.02.1940	-16	Ясно
24.12.1939	-7	Вьюга	26.01.1940	-12	Нет данных	26.02.1940	-20	Ясно
25.12.1939	-8	Ясно	27.01.1940	-14	Ясно	27.02.1940	-22	Ясно
26.12.1939	-10	Ясно, мороз	28.01.1940	-11	Облачно	28.02.1940	-16	Нет данных
27.12.1939	-12	Ясно, мороз	29.01.1940	-8	Нет данных	29.02.1940	-18	Ясно
28.12.1939	-5	Нет данных	30.01.1940	-10	Ясно	01.03.1940	-20	Нет данных
29.12.1939	-5	Нет данных	31.01.1940	-7	Нет данных	02.03.1940	-24	Нет данных
30.12.1939	-4	Нет данных				03.03.1940	-26	Нет данных
31.12.1939	-4	Нет данных				04.03.1940	-21	Нет данных
						05.03.1940	-18	Нет данных
						06.03.1940	-14	Нет данных
						07.03.1940	-11	Вьюга
						08.03.1940	-12	Потеплее
						09.03.1940	-16	Ясно, мороз
						10.03.1940	-13	Нет данных
						11.03.1940	-12	Ясно
						12.03.1940	-16	Нет данных
						13.03.1940	-18	Ясно

**ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ 13-й АРМИИ РККА, ПОЛУЧИВШИЕ
ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЗА ПОДВИГИ,
СОВЕРШЕННЫЕ В РАЙОНЕ РЕКИ ТАЙПАЛЕН-ЙОКИ¹⁰²**

В некоторых справочных данных изменены номера частей, а также пунктуация и географические названия, данные в оригиналах с ошибками.

Айрапетян Григорий Михайлович

22.8.1914—14.3.1998

Дата указа 07.04.1940, медаль № 390

Родился 22 августа 1914 года в Нагорно-Карабахской Автономной области в семье крестьянина.

В феврале 1940 года командир взвода 756-го стрелкового полка (150-я стрелковая дивизия, 13-я армия, Северо-Западный фронт) младший лейтенант Айрапетян с группой воинов умело организовал и провёл блокировку огневых точек врага. В ходе боя южнее озера Вуокса группа уничтожила несколько десятков вражеских солдат и офицеров. В этом бою был тяжело ранен.

Звание Героя Советского Союза присвоено 7 апреля 1940 года.

Артюх Владимир Кузьмич

7.9.1907—12.6.1984

Дата указа 15.01.1940, медаль № 198

Шофёр 7-го отдельного понтонно-мостового батальона (7-я армия, Северо-Западный фронт) рядовой Артюх, получив приказ доставить полупонтон для переправы через реку Тайпален-йоки (Бурная), возглавил колонну машин. Несмотря на артиллерийский и пулемётный обстрел, храбрый водитель по разбитой дороге доставил полупонтон к берегу. За ним следом прибыли и другие машины с полупонтами. Тем самым было ускорено оборудование переправы через реку.

15 января 1940 года Артюху первому из военных водителей присвоено звание Героя Советского Союза.

Бубер Леонид Ильич

19.12.1916—7.9.2005

Дата указа 07.04.1940, медаль № 137

Командир роты 212-го стрелкового полка (49-я стрелковая дивизия, 13-я армия, Северо-Западный фронт) лейтенант Бубер 13 и 14 февраля 1940 года в бою за укрепления района севернее деревни Терентгиля, в 45-и километрах юго-восточнее города Выборга Ленинградской области, увлёл воинов вперёд. Рота преодолела проволочные заграждения и заняла указанный район, выбив из него противника. 17 февраля 1940 года, успешно форсировав реку Тайпалеен-йоки, захватила плацдарм, чем содействовала форсированию реки другими подразделениями батальона. Был трижды ранен, но не оставил поля боя.

Звание Героя Советского Союза присвоено 7 апреля 1940 года.

Греков Николай Семёнович

29.4.1906—4.9.1974

Дата указа 07.04.1940, медаль № 173

Пулемётчик 212-го стрелкового полка (49-я стрелковая дивизия 13-й армия, Северо-Западный фронт) рядовой Греков 21 февраля 1940 года метким огнём уничтожил двух снайперов-автоматчиков, мешавших стрелковым подразделениям. На следующий день отважный пулемётчик уничтожил офицера и 10 солдат.

6—7 марта 1940 года огнём пулемёта способствовал наступлению пехотинцев и овладению ими траншеей противника. Когда снайпер, укрывшийся в завале, остановил продвижение подразделения, мужественный воин вызвался его уничтожить и с честью выполнил задание.

Звание Героя Советского Союза присвоено 7 апреля 1940 года.

Гутин Василий Леонтьевич

1909—18.12.1939

Дата указа 07.04.1940

Родился в 1909 году в посёлке Клинцы, ныне город Брянской области, в семье служащего.

Политрук роты 674-го стрелкового полка (150-я стрелковая дивизия, Ленинградский военный округ) Гутин в ночь на 18 декабря 1939 года при наступлении на вражеские позиции поднял в атаку взвод. Преодолев под огнём противника проволочное заграждение, воины захватили окопы. С группой бойцов Гутин разведал расположение вражеских огневых точек. Погиб в этом бою.

Звание Героя Советского Союза присвоено 7 апреля 1940 года посмертно.

Дёмкин Александр Самуилович

11.9.1913—1942

Дата указа 07.04.1940, медаль № 130

Родился 11 сентября 1913 года в Смоленской области, в семье крестьянина.

Пулемётчик 756-го стрелкового полка (150-я стрелковая дивизия, 13-я армия, Северо-Западный фронт) рядовой Дёмкин в ночь на 12 февраля 1940 года при отражении контратаки врага был ранен, но продолжал вести бой, уничтожив до взвода солдат и офицеров противника.

Звание Героя Советского Союза присвоено 7 апреля 1940 года.

Дударенко Михаил Тарасович

1904—6.12.1939

Дата указа 07.04.1940

Батальон 222-го стрелкового полка (49-я стрелковая дивизия, 13-я армия) под командованием старшего лейтенанта Михаила

Дударенко одним из первых начал успешные боевые действия от государственной границы.

3 декабря 1939 года бесстрашный командир организовал разведку боем, выявил сильный укрепленный район и уничтожил огневые точки противника в деревне Неосаари, обеспечив подход советских войск к переправе.

6 декабря 1939 года Дударенко руководил переправой вверенного ему батальона через реку Тайпалеен-йоки — главный рубеж линии Маннергейма, способствуя форсированию её полком.

Погиб в бою 6 декабря 1939 года. Звание Героя Советского Союза присвоено 7 апреля 1940 года посмертно.

Елейников Степан Ефимович

1907—26.1.1940

Дата указа 07.04.1940

Помощник начальника штаба по разведке 101-го стрелкового полка (4-я стрелковая дивизия, 13-я армия, Северо-Западный фронт) лейтенант Елейников возглавил поисковый отряд и 26 января 1940 года провёл разведку боем в районе озера Сувантоярви (Суходольское). Умело руководил отрядом. В этом бою погиб. Звание Героя Советского Союза присвоено 7 апреля 1940 года посмертно.

Похоронен в братской могиле в посёлке Сосново Приозёрского района Ленинградской области.

Иванов Фёдор Иванович

1914—1940

Дата указа 07.04.1940

Родился в 1914 году. Стрелок 15-го стрелкового полка (49-я стрелковая дивизия, 13-я армия, Северо-Западный фронт) рядовой Иванов проявил мужество и героизм в боях на Карельском перешейке. Погиб в бою.

Звание Героя Советского Союза присвоено 7 апреля 1940 года посмертно.

Игошев Александр Александрович

10.10.1915—19.8.1961

Дата указа 07.04.1940, медаль № 393

Родился 10 октября 1915 года в Вологодской области, в семье крестьянина.

Командир отделения разведки 1-й отдельной миномётной батареи (49-я стрелковая дивизия, 13-я армия, Северо-Западный фронт) младший лейтенант Игошев отличился в бою 29 февраля 1940 года.

Когда наступление стрелковых подразделений приостановилось, вместе с командиром взвода управления батареи поднялся в атаку и, увлекая за собой бойцов роты, первым ворвался в траншею противника, чем обеспечил развитие наступления стрелкового батальона.

Звание Героя Советского Союза присвоено 7 апреля 1940 года

Ильиных Иван Михайлович

13.11.1914—25.3.1987

Дата указа 07.04.1940, медаль № 400

Родился 13 ноября 1914 года в Пермской области, в семье крестьянина.

Шофёр 85-го медсанбата (49-я стрелковая дивизия, 13-я армия, Карельский фронт) рядовой Ильиных в декабре 1939 года в районе реки Тайпалеен-йоки бесстрашно под огнём противника доставлял раненых с поля боя на медпункты.

Звание Героя Советского Союза присвоено 7 апреля 1940 года.

Клюкин Василий Степанович

28.2.1907—22.3.1987

Дата указа 07.04.1940, медаль № 306

Родился 28 февраля 1907 года в Кировской области, в семье крестьянина.

Шофёр 116-го артиллерийского полка Резерва Главного Командования (13-я армия) рядовой Клюкин отличился в боях за переправу через реку Тайпалеен-йоки (Бурная, на Карельском перешейке). 6 декабря 1939 года колонна автомашин, доставляя боеприпасы на огневую позицию, остановилась: у впереди идущей машины заглох двигатель. Противник открыл огонь. Клюкин В.С. бросился к головной машине, завёл её и вывел всю колонну в безопасное место.

9 и 11 декабря 1939 года попал под артиллерийский обстрел противника. Умело маневрируя машиной, доставил боеприпасы на позиции. На обратном пути вёз раненых и попал под обстрел. Сумел выехать из опасной зоны и доставил их в госпиталь.

Звание Героя Советского Союза присвоено 7 апреля 1940 года.

Кораблёв Константин Иванович

21.5.1903—7.12.1941

Дата указа 07.04.1940, медаль № 401

Родился в мае 1903 в Ивановской области, в семье крестьянина.

Командир взвода противотанковых орудий 222-го стрелкового полка (49-я стрелковая дивизия, 13-я армия) лейтенант Кораблёв отличился в боях в районе высоты «Груша». 8—14 февраля 1940 года, действуя в боевых порядках, взвод вёл огонь прямой наводкой, уничтожая огневые точки противника, а также снайперов-автоматчиков.

Звание Героя Советского Союза присвоено 7 апреля 1940 года.

Кузнецов Константин Григорьевич

5.3.1909—19.10.1994

Дата указа 07.04.1940, медаль № 402

Родился 5 марта 1909 года в Саратовской области, в семье рабочего.

Командир пулеметного расчета 15-го стрелкового полка (49-я стрелковая дивизия, 13-я армия, Северо-Западный фронт) младший командир Кузнецов 25 февраля 1940 года, отражая атаку противника, огнем пулемета уничтожил десятки вражеских солдат. В перерывах между боями из снайперской винтовки уничтожал вражеских снайперов.

Звание Героя Советского Союза присвоено 7 апреля 1940 года.

Куксов Пётр Фёдорович

1908—27.12.1939

Дата указа 07.04.1940

Родился в 1908 году.

Командир пулемётной роты 220-го стрелкового полка (4-я стрелковая дивизия, 13-я армия, Северо-Западный фронт) старший лейтенант Куксов 25—27 декабря 1939 года с ротой овладел опорным пунктом противника на берегу озера Суванто-ярви (озеро Суходольское Приозёрского района Ленинградской области), отразил несколько контратак, уничтожив значительное количество живой силы и боевой техники противника.

Погиб в этом бою. Звание Героя Советского Союза присвоено 7 апреля 1940 года посмертно.

Кулейкин Павел Иванович

22.1.1910—28.6.1973

Дата указа 07.04.1940, медаль № 498

Родился 22 января 1910 года в Костромской области, в семье крестьянина.

Командир батареи 137-го артиллерийского полка (13-я армия, Северо-Западный фронт) старший лейтенант Кулейкин отличился в боях в районе между озёрами Вуокса и Пюхьяярви (Отрадное) (Приозёрский район Ленинградской области). 11 февраля 1940 года огнем 203-мм гаубиц разрушал железобетонные ДОТы,

мешавшие продвижению пехоты. За время боев на линии Маннергейма батарея разрушила 8 дотов.

Звание Героя Советского Союза присвоено 7 апреля 1940 года.

Кшенский Александр Фадеевич

31.12.1911—11.8.1943

Дата указа 07.04.1940, медаль № 312

Родился 31 декабря 1911 года в Сумской области в семье рабочего. Украинец.

Командир батареи 137-го гаубичного артиллерийского полка (13-я армия, Северо-Западный фронт) лейтенант Александр Кшенский при прорыве линии Маннергейма в феврале 1940 года огнём батареи разрушил 5 ДОТов и ДЗОТ.

Звание Героя Советского Союза присвоено 7 апреля 1940 года.

Лелюшенко Дмитрий Данилович

2.11.1901—20.7.1987

Дата указа 07.04.1940, медаль № 264

Родился 2 ноября 1901 года в Ростовской области, в семье крестьянина.

Во время советско-финляндской войны 1939—1940 командовал 39-й отдельной танковой бригадой. За успешные боевые действия бригады и проявленное личное мужество 7 апреля 1940 года полковнику Лелюшенко присвоено звание Героя Советского Союза.

Майский Сахип Нурлугаянович

17.1.1901—24.1.1942

Дата указа 07.04.1940, медаль № 438

Родился 17 января 1901 года в Башкирской АССР, в семье крестьянина.

Командир батальона 674-го стрелкового полка (150-я стрелковая дивизия, 13-я армия) капитан Майский в декабре 1939 года восемь раз поднимал в атаку бойцов своего батальона в боях за деревню Коуккуниemi (Приозерский район Ленинградской области). Заняв ее 23 декабря, батальон продолжил наступление. Майский был тяжело ранен, но остался в строю.

Звание Героя Советского Союза присвоено 7 апреля 1940 года

Матузов Клим Григорьевич

15.4.1911—20.3.1943

Дата указа 07.04.1940, медаль № 183

Родился 15 апреля 1911 года в Новгородской области, в семье крестьянина.

Политрук роты 15-го стрелкового полка (49-я стрелковая дивизия, 13-я армия, Северо-Западный фронт) кандидат в члены ВКП(б) рядовой Матузов в бою на Карельском перешейке 18 февраля 1940 года заменил выбывшего из строя командира взвода, умело руководил подразделением. Взвод овладел высотой и, отразив несколько вражеских контратак, удержал её.

Звание Героя Советского Союза присвоено 7 апреля 1940 года.

Нетреба Василий Гаврилович

1.1.1903—29.11.1975

Дата указа 07.04.1940, медаль № 386

Родился 1 января 1903 года в Черниговской области, в семье крестьянина.

Командир батальона 222-го стрелкового полка (49-я стрелковая дивизия, 13-я армия) капитан Нетреба в бою 6 декабря 1939 года умело организовал форсирование реки Тайпален-йоки (Бурная, Приозерский район Ленинградской области). Батальон закрепился на противоположном берегу, обеспечил переправу полка.

13 декабря 1939 года во главе 15 бойцов овладел двумя дотами, прикрывавшими подходы к населённому пункту Теренттиля (в устье реки Бурная) — сильному укреплённому району врага.

Звание Героя Советского Союза присвоено 7 апреля 1940 года.

Прохоров Александр Васильевич

6.12.1907—22.2.1940

Дата указа 07.04.1940

Родился в 1907 году в Московской области, в семье крестьянина.

Комиссар батальона 469-го стрелкового полка (150-я стрелковая дивизия, 13-я армия, Северо-Западный фронт) политрук Александр Прохоров в боях на Карельском перешейке 8 февраля 1940 года вместе со стрелковым взводом штурмовал дот противника, и личным примером вдохновлял бойцов на выполнение боевой задачи.

В ночь на 9 февраля 1940 года в сложной обстановке бесстрашный офицер-политработник находился в боевых порядках роты, участвовал в отражении контратак врага.

21 февраля 1940 года политрук Прохоров А.В. заменил выбывшего из строя командира батальона.

Погиб 22 февраля 1940 при взятии ДОТа в районе деревни Коуккуниemi. Звание Героя Советского Союза присвоено 7 апреля 1940 года (посмертно).

Похоронен в деревне Суокиви (Финляндия).

Романенков Александр Михайлович

4.12.1905—28.2.1940

Дата указа 07.04.1940

Родился 4 декабря 1905 года в Смоленской области, в семье крестьянина.

Командир саперного отделения 756-го стрелкового полка (150-я стрелковая дивизия, 13-я армия, Северо-Западный фронт)

младший командир Романенков 30 декабря 1939 года взорвал ДОТ противника, обеспечив успешное наступление стрелкового батальона. 28 февраля 1940 года при разминировании участка в районе населенного пункта Рииска Романенков погиб. Звание Героя Советского Союза присвоено 7 апреля 1940 года.

Русин Никита Иванович

7.6.1915—8.5.1997

Дата указа 26.01.1940, медаль № 219

Родился 7 июня 1915 года в Рязанской области, в семье крестьянина.

Механик-водитель танка 85-го отдельного танкового батальона (39-я отдельная лёгкая танковая бригада, 13-я армия) рядовой Русин в бою 15—16 декабря 1939 года в составе экипажа подавил огонь вражеского ДОТа.

Ворвавшись на передний край обороны противника, бесстрашный танкист уничтожил противотанковую пушку, а также большое количество живой силы врага.

Звание Героя Советского Союза присвоено 26 января 1940 года.

Синютин Николай Петрович

26. 10. 1911—5. 11. 1941

Дата указа 07.04.1940, медаль № 460

Родился 26 октября 1911 года в Гомельской области, в семье рабочего.

Командир батальона 469-го стрелкового полка (150-я стрелковая дивизия, 13-я армия, Северо-Западный фронт) старший лейтенант Николай Синютин отличился в период с 8 по 27 февраля 1940 года при удержании тактически важных высот на Карельском перешейке, где батальон отразил несколько контратак противника, нанеся ему большой урон в живой силе.

Звание Героя Советского Союза присвоено 7 апреля 1940 года.

Тарасов Лука Фёдорович

5.2.1913—18.8.1990

Дата указа 07.04.1940, медаль № 493

Родился 5 февраля 1913 года в Харьковской области, в семье крестьянина.

Командир взвода 137-го гаубичного артиллерийского полка (13-я армия, Северо-Западный фронт) лейтенант Тарасов в боях 25—27 февраля 1940 с открытой огневой позиции вел огонь прямой наводкой по ДОТам противника, разрушив три из них.

Звание Героя Советского Союза присвоено 7 апреля 1940 года.

Телешев Андрей Григорьевич

1906—14.2.1940

Дата указа 07.04.1940

Родился в 1906 году в Могилёвской области Белоруссии, в семье крестьянина.

Командир моторизованной роты 175-го отдельного разведывательного батальона (150-я стрелковая дивизия, 13-я армия, Северо-Западный фронт) старший лейтенант Телешев в ночь на 14 февраля 1940 года провёл разведку боем в районе мыса Патониими: под огнём противника проделав проходы в проволочном заграждении, вверенная ему рота штурмовала вражеские позиции. В результате были получены ценные сведения об огневых точках врага. Телешев погиб в этом бою. Звание Героя Советского Союза присвоено 7 апреля 1940 года посмертно.

Похоронен в братской могиле в посёлке Сапёрное Приозёрского района Ленинградской области.

Турбин Дмитрий Иванович

29.10.1903—23.1.1944

Дата указа 07.04.1940, медаль № 266

Родился 29 октября 1903 года в городе Сумы, в семье рабочего.

Начальник артиллерии 15-го стрелкового корпуса (13-я армия, Северо-Западный фронт) полковник Турбин умело организовал артиллерийские удары 22—27.02.1940 года по Салменкайтскому укрепленному району, в результате которых были уничтожены основные огневые точки противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 7 апреля 1940 года.

Турцевич Николай Фёдорович

1914—14.2.1940

Дата указа 07.04.1940

Родился в 1914 году в Гомельской области, в семье крестьянина.

Командир взвода моторизованной роты 175-го отдельного разведывательного батальона (150-я стрелковая дивизия, 13-я армия, Северо-Западный фронт) лейтенант Турцевич отличился 14 февраля 1940 года в районе мыса Патониemi.

Получив задачу разведать систему огня на мысе, со взводом подошёл к проволочному ограждению, проделал в нём проходы и атаковал противника, в результате чего была вскрыта вражеская система огня. Погиб в этом бою. Звание Героя Советского Союза присвоено 7 апреля 1940 года.

Усов Павел Васильевич

27.1.1917—25.11.1942

Дата указа 15.01.1940, медаль № 216

Родился 27 января 1917 года в г. Архангельске, в семье рабочего.

Командир взвода 7-го понтонно-мостового батальона (7-я армия) младший лейтенант Усов в бою на переправе через реку Тайпалеен-йоки 6-го декабря 1939 года на понтоне за три рейса переправил десант, который захватил плацдарм. Затем собрал паром, на котором были переправлены танки.

Звание Героя Советского Союза присвоено 15 января 1940 года.

Фёдоров Василий Фёдорович

18.10.1912—11.1.1982

Дата указа 07.04.1940, медаль № 472

Родился 18 октября 1912 года в деревне Великое Село Сланцевского района Ленинградской области, в семье крестьянина.

Командир батареи 101-го гаубичного артиллерийского полка (13-я армия, Северо-Западный фронт) кандидат в члены ВКП(б) лейтенант Василий Фёдоров умело организовал огневую поддержку наступающих стрелковых подразделений.

В период с 8 по 16 февраля 1940 года артиллеристы его батареи уничтожили пять ДОТов противника и активно содействовали захвату населённого пункта Тапиола.

Звание Героя Советского Союза присвоено 7 апреля 1940 года.

Харитонов Фёдор Алексеевич

8.2.1903—25.7.1973

Дата указа 07.04.1940, медаль № 395

Родился 8 февраля 1903 года в Новгородской области, в семье крестьянина.

Наводчик орудия 121-го отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона (49-я стрелковая дивизия, 13-я армия, Северо-Западный фронт) рядовой Харитонов отличился 16 декабря 1939 года в районе деревни Теренттила на выборгском направлении при отражении контратаки противника. Своими действиями артиллеристы создали благоприятные условия для наступательных действий стрелковых подразделений.

Звание Героя Советского Союза присвоено 7 апреля 1940 года.

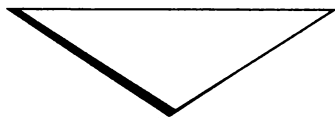
Щемелёв Николай Фёдорович

20.7.1920—14.3.1994

Дата указа 07.04.1940, медаль № 353

Родился 20 июля 1920 года в Новгородской области, в семье крестьянина.

Командир роты 212-го стрелкового полка (49-я стрелковая дивизия, 13-я армия, Северо-Западный фронт) лейтенант Николай Щемелёв отличился в феврале 1940 года. Наступая на кексгольмском (приозёрском) направлении, его рота овладела важной высотой в районе устья реки Вуокса (юго-западнее побережья Ладожского озера). Несмотря на ранение, Щемелев остался в строю и продолжал управлять боем. Звание Героя Советского Союза присвоено 7 апреля 1940 года.

Примечания

¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 389.

² «Советская Юстиция», № 19—20, 1939 г.

³ Боевой приказ № 01. сп ШТАРМ 7 Агалатово от 22.11.39. Экз. № 9. Копия. Архив автора.

⁴ РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 44.

⁵ РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 389.

⁶ Отчет о боевой деятельности 90 К.С.Д. в период 30.11.39 г. — 13.3.40 года. Копия. Архив автора.

⁷ РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 25, 350, 389 соответственно.

⁸ Приказ 49-й СД № 35 от 4.12.1939, копия. Архив автора.

⁹ «Справка о форсировании р. Тайпалеен-йоки в декабре 1939 г.». Составлена комбригом Голушкевичем. Исторический отдел Штаба ЛВО Вх. № 315 от 21.10.1940. Копия. Архив автора.

¹⁰ РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 384.

¹¹ Тайны и уроки Зимней войны / Под ред. Золотарева В.А. СПб.: Полигон. 2000 г

¹² *Kähönen U. Voittamattomat Pataljoonat. «AV-TAITTO KY», Vantaa 1997.*

¹³ Справка о форсировании р. Тайпалеен-йоки в декабре 1939 г. Составлена комбригом Голушкевичем. Исторический отдел Штаба ЛВО Вх. № 315 от 21.10.1940. Копия. Архив автора.

¹⁴ РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 25.

¹⁵ РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 384.

¹⁶ Принимай нас, Суоми-красавица. Т.1,2, СПб.: Галей Принт. 1999.

¹⁷ РГВА. Ф. 34980, Оп. 13, Дело № 484.

¹⁸ *Kähönen U. Voittamattomat Pataljoonat. «AV-TAITTO KY», Vantaa 1997.*

¹⁹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 384.

²⁰ Тайны и уроки Зимней войны / Под ред. Золотарева В.А. СПб.: Полигон, 2000.

- ²¹ Советско-финская война 1939—1940 гг. Боевые действия на море. СПб.: Остров, 2002.
- ²² РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 44.
- ²³ *Väliaho O.* Laatokan linnakkeet Taipaleen taisteluissa, «Karjalan Kirjapaino OY», Lappeenranta, 1989.
- ²⁴ *Väliaho O.* Laatokan linnakkeet Taipaleen taisteluissa, «Karjalan Kirjapaino OY», Lappeenranta, 1989.
- ²⁵ Описание боев 90 С.Д. за переправу у Кивиниеми 6—9.12.39. Составлена капитаном Залевским К.Н. 9.10.1940 г. Архив О.Б. Алексеева.
- ²⁶ *Твардовский А.Т.* Василий Теркин. М.: Детская литература, 1973.
- ²⁷ Отчет о боевой деятельности 90 К.С.Д. в период 30.11.39 г. — 13.3.40 г. Копия. Архив автора.
- ²⁸ РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 814.
- ²⁹ *Kähönen U.* Voittamattomat Pataljoonat. «AV-TAITTO KY», Vantaa 1997.
- ³⁰ РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 384.
- ³¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 44.
- ³² РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 384.
- ³³ РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 350.
- ³⁴ РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 814.
- ³⁵ РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 25.
- ³⁶ Бои в Финляндии. Т. 1, 2. М.: Воениздат. 1941.
- ³⁷ РГВА. Ф. 34980, Оп. 11, Дело № 275.
- ³⁸ *Маннергейм К.Г.* Мемуары. М.: Вагриус. 1999.
- ³⁹ Интервью с Э.И. Заславским. Синхрон. Архив автора.
- ⁴⁰ Интервью с Б. К-м. Синхрон. Архив автора.
- ⁴¹ Интервью с Б. К-м. Синхрон. Архив автора.
- ⁴² РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 44.
- ⁴³ *Sorko K.* Suvannon salpa, Minerva Kustannus Oy, Helsinki, 2004.
- ⁴⁴ РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 118.
- ⁴⁵ Принимай нас, Суоми-красавица». Т. 1, 2. СПб., Галея Принт, 1999.
- ⁴⁶ Принимай нас, Суоми-красавица. Т. 1, 2. СПб.: Галея Принт. 1999.

- ⁴⁷ Принимай нас, Суоми-красавица. Т. 1, 2. СПб.: Галея Принт. 1999.
- ⁴⁸ Шифровка № 43899/98/43900/ш от 27.12.1939. Экз. № 2. Копия. Архив автора.
- ⁴⁹ Шифровка № 43899/98/43900/ш от 27.12.1939. Экз. № 2. Копия. Архив автора.
- ⁵⁰ Тайны и уроки Зимней войны / Под ред. Золотарева В.А. СПб.: Полигон, 2000.
- ⁵¹ Тайны и уроки Зимней войны / Под ред. Золотарева В.А. СПб.: Полигон, 2000.
- ⁵² Trotter W.R. A Frozen Hell. Algonquin Books of Chapel Hill, 1991.
- ⁵³ Trotter W.R. A Frozen Hell. Algonquin Books of Chapel Hill, 1991.
- ⁵⁴ Väliaho O. Laatokan linnakkeet Taipaleen taisteluissa. Karjalan Kirjapaino OY., Lappeenranta, 1989.
- ⁵⁵ Тайны и уроки Зимней войны / Под ред. Золотарева В.А. СПб.: Полигон, 2000.
- ⁵⁶ РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 25.
- ⁵⁷ РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 25.
- ⁵⁸ Тайны и уроки Зимней войны / Под ред. Золотарева В.А. СПб.: Полигон, 2000.
- ⁵⁹ Тайны и уроки Зимней войны / Под ред. Золотарева В.А. СПб.: Полигон, 2000.
- ⁶⁰ Geijer B.G. «Vinterkriget's Taipale». «Soderstrom & Co», Helsingfors, 1955.
- ⁶¹ «Talvisota. Kronikka». «Gummerus», Jyväskylä, 1997.
- ⁶² РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 384.
- ⁶³ РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 384.
- ⁶⁴ РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 694.
- ⁶⁵ Архив семьи Ворониных. Публикуется с разрешения А.С. Воронина.
- ⁶⁶ Rahikainen P. Artillerriesperrfeuer am Taipaleenjoki. Suomen sotaveteraaniliitto, 1992.
- ⁶⁷ Geijer B.G. «Vinterkriget's Taipale». «Soderstrom & Co», Helsingfors, 1955
- ⁶⁸ РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 484.

⁶⁹ *Твардовский А.Т.* С Карельского перешейка. Новый мир, № 2, 1969.

⁷⁰ *Simojoki K.* Taipale. «Helsingissä Kustannusosakeyhtiö Otava», 1941.

⁷¹ *Reinikainen A.* Taipaleenjoen Tulessa. «Kirjayhtymä», Helsinki, 1980.

⁷² *Reinikainen A.* Taipaleenjoen Tulessa. «Kirjayhtymä», Helsinki, 1980.

⁷³ *Kähönen U.* Voittamattomat Pataljoonat. «AV-TAITTO KY», Vantaa 1997.

⁷⁴ РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 25.

⁷⁵ *Kähönen U.* Voittamattomat Pataljoonat. «AV-TAITTO KY», Vantaa 1997.

⁷⁶ *Kähönen U.* Voittamattomat Pataljoonat. «AV-TAITTO KY», Vantaa 1997.

⁷⁷ *Jylhä Y.* Kiirastuli. Helsinki, 1951.

⁷⁸ *Kähönen U.* Voittamattomat Pataljoonat. «AV-TAITTO KY», Vantaa 1997.

⁷⁹ Тайны и уроки Зимней войны / Под ред. Золотарева В.А. СПб.: Полигон, 2000.

⁸⁰ «Talvisodan historia», 2. «Werner Söderström Osakeyhtiö», Porvoo, 1977

⁸¹ Бои в Финляндии. Т. 1, 2. М.: Воениздат, 1941 г.

⁸² РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 384

⁸³ РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 814

⁸⁴ РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 350

⁸⁵ *Kähönen U.* Voittamattomat Pataljoonat. «AV-TAITTO KY», Vantaa 1997.

⁸⁶ РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 350.

⁸⁷ *Laurila E.* Talvisota. Taipale-Kirvesmäki. «Dark Oy», Vantaa 2004.

⁸⁸ *Väliaho O.* Laatokan linnakkeet Taipaleen taisteluissa. «Karjalan Kirjapaino OY», Lappeenranta, 1989.

⁸⁹ <http://www.priozersk.ru>

⁹⁰ *Долматовский Е.А.* Все только начинается... М.: Советский писатель, 1961.

⁹¹ РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 694.

⁹² РГВА. Ф. 34980, Оп. 12с, Дело № 694.

⁹³ Докладная записка «О состоянии братских могил и кладбищ на Карельском перешейке». ЛВО. Экз. № 1 от 12.02.1941 Копия. Архив автора.

⁹⁴ *Долматовский Е.А.* Все только начинается... М.: Советский писатель, 1961.

⁹⁵ *Маннергейм К.Г.Э.* Мемуары. М.: Вагриус, 2000.

⁹⁶ Зимняя война 1939—1940. Книга 2. И.В. Сталин и финская кампания (стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)). М.: Наука, 1999.

⁹⁷ Принимай нас, Суоми-красавица. Т. 1, 2. СПб.: Галея Принт, 1999.

⁹⁸ «The Battles of Winter War» by Sami Korhonen. <http://www.winterwar.com>

⁹⁹ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993.

¹⁰⁰ Докладная записка командующего ЛВО генерала-лейтенанта Кирпоноса «Об очистке территории бывших военных действий...» от 1.07.1940 года, Вх. № 1/20213. Приложение № 2. «Расположение братских могил и кладбищ по районам боев». Копия. Архив автора.

¹⁰¹ *Laurila E.* «Talvisota. Taipale-Kirvesmäki». «Dark Oy», Vantaa 2004.

¹⁰² Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь, М.: Военное изд-во, 1988.

Содержание

Предисловие.....	3
Предвоенная история	5
Вторжение	25
Грендадь.....	35
Предштурмовые хлопоты	44
День независимости.....	52
Ладога. Хроника неудач	69
Каменный мыс	81
Первые атаки, первые разочарования.....	95
Броня штурмует линию Маннергейма.....	108
Рождество в Келья.....	126
Январское «затишье»	144
«Ворошиловское наступление» Грендаля.....	172
Люди на войне.....	190
«Фарфоровая дивизия» и «Черный день Тайпале»	210
Слева и справа от Тайпале: обходные маневры разных масштабов.....	232
За мгновение до катастрофы	249
Панихида	272
Приложения	287
Примечания	311

Научно-популярное издание
Военные тайны XX века
Якимович Кирилл Владимирович
НА ФЛАНГЕ ЛИНИИ МАННЕРГЕЙМА
Битва за Тайпале

Выпускающий редактор *Г.Ю. Пернавский*
Корректор *О.Н. Богачева*
Дизайн обложки *Д.В. Грушин*
Верстка *И.В. Левченко*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.
Фактический адрес:
127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 29.03.2010. Формат 84 × 108 1/32.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 10. Тираж 3000 экз. Заказ № 528.

Отпечатано в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»
ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:
127549, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-71, (499) 940-48-72, 940-48-73.
Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».
Тел.: (499) 940-48-70.
E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!
Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:
Компания «Лабиринт»
115419, г. Москва,
2-й Рошинский проезд, д. 8, стр. 4.
Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79
www.labyrinth-shop.ru
В Санкт-Петербурге:
ЗАО «Диамант» СПб.
г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 105.
Книжная ярмарка в ДК им. Крупской.
Тел.: (812) 567-07-26 (доб. 25)
В Нижнем Новгороде:
ООО «Вече-НН»
603141, г. Нижний Новгород, ул. Геологов, д. 1.
Тел.: (831 2) 63-97-78
E-mail: vechenn@mail.ru
В Новосибирске:
ООО «Топ-Книга»
630117, г. Новосибирск, ул. Арбузова, д. 1/1.
Тел.: (383) 336-10-32, (383) 336-10-33
www.top-kniga.ru
В Киеве:
ООО «Издательство «Арий»
г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.
Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75.
E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»
в московских книжных магазинах:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский Дом книги», «Букбери», «Новый книжный».

«Я ПОМНЮ! Я ГОРЖУСЬ!»

**РИА Новости и «Студенческая община»
проводят акцию «Георгиевская ленточка»
с 12 апреля по 9 мая.**

- Если война коснулась твоей семьи.
- Если ты знаешь, какой ценой досталась нам Победа.
- Если ты гордишься своей историей, своей страной, своей семьей.
- Если ты помнишь.

Сделай «Георгиевскую ленточку» символом твоей памяти – прикрепи ее на лацкан одежды, повяжи на руку, на сумку или на антенну автомобиля.

«Создадим традицию вместе!»

При поддержке
правительства Москвы,
Комитета общественных связей

РИА НОВОСТИ

**СТУДЕНЧЕСКАЯ
ОБЩИНА**

**ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ПАРТНЕР АКЦИИ:
ООО «ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ДОМ ВЕЧЕ»**

Помоги ветеранам!

Подробнее об акции – на сайтах «Наша Победа» www.9may.ru и www.cco.ru

НОВАЯ ЖИЗНЬ
ЗНАМЕНИТОЙ СЕРИИ

СЕРИЯ КНИГ

Военные Приключения

ВЛ
ЛЕТОМ СОРОК ПЕРВОГО

ГЕОРГИЙ СВИРИДОВ

- Только приключенческие романы
- Только военная тематика
- О войнах больших и малых, великих и неизвестных
- Классика советского приключенческого романа
- Современные авторы
- Более 50 книг в серии

НА ФЛАНГЕ ЛИНИИ МАННЕРГЕЙМА

Издание представляет собой подробное и наиболее полное описание истории трехмесячного сражения советско-финской войны 1939—1940 годов в районе реки Тайпалеен-йоки (ныне р. Бурная), на самом восточном фланге линии Маннергейма. Книга основывается на многочисленных архивных и документальных источниках и дает широкое представление об условиях военного быта как советских, так и финских войск. Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся отечественной военной историей и историей Карельского перешейка.

XX военные
тайны
века

ISBN 978-5-9533-4926-0

9 785953 349260

